

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ,

ИЗДАВАЮЩИИ:

И. Песочкинъ

и книгопродавецемъ В. Поляковымъ.

XVII.

САНИТ-ПРЕССА.

1842.

РЪШЕНІЕ

СТАВРО

II

ПЕЧАТАН

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 31-го Августа, 1842 года.

Ценсоръ: С. Кутора.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ

ИЗДАТЕЛЬ

И. ГРЕЧА

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ

XVII

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

2381

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ВЭРНЭРЪ, ИЛИ СЕРДЦЕ И СВѢТЪ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СОЧ. КАРЛА ГУЦКОВА.

Переводъ съ Нѣмецкаго Н. П. М.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Президентъ Баронъ Фонъ Юрданъ.

Генрихъ Фонъ Юрданъ, зять его, усыновлен-
ный имъ.

Юлія, жена Генриха.

Максъ } дѣти ихъ.
Карль }

Совѣтники } Мельгузъ.
Фальке.

Ассессоръ Вольфъ.

Докторъ Фельсъ.

Референдарій Фельсъ, сынъ его.

Полицейскій Коммиссаръ Денкеръ.

Помощникъ его.

Марія Винтеръ.

Канцеляристъ Шульцъ.

Жена его.

Конрадъ, слуга Генриха.

Іосифъ, слуга Президента.

Нѣсколько гостей.

Дѣйствіе происходитъ въ главномъ городѣ одного изъ Княжествъ Германіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Простая комната въ домѣ канцеляриста Шульца; фортепiano, на которомъ лежатъ ноты и книги;—стѣнные часы показываютъ три четверти шестаго; на окнѣ стоятъ горшки съ цвѣтами и виситъ птичья клетка. Смеркается.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-жа Шульцъ и Марія Винтеръ сидятъ у окна, первая шьетъ блье, вторая вышиваетъ въ пальцахъ.

Г-жа Шульцъ (сложивъ работу свою, встаетъ).

Ну, теперь и довольно; бросьте вашу работу, мамзель Марихенъ; вы портите себѣ глаза, а вамъ они нужнѣе чѣмъ кому либо. Господи Боже мой, какъ коротки становятся уже дни! Вотъ недѣль черезъ шесть у насъ и Рождество; теперь-то бу-

детъ у васъ много работы; къ празднику всякому что нибудь нужно... Ну, перестаньте же, довольнo!..

МАРІЯ (*снимаетъ бумагу, которою были покрыты пальцы*).

Посмотрите, Мадамъ Шульцъ; какъ правится вамъ весь узоръ?

Г-жа Шульцъ.

Хорошъ, очень хорошъ! жаль только, что работа эта приноситъ такъ мало выгодъ... вотъ если бы вамъ побольше уроковъ... шутка ли за часъ восемь грошей! Нынче всѣ хотятъ учиться на фортепіанъ. Право, меня беретъ смѣхъ, когда я получаю объ этомъ; бывало, на фортепіанъ учились только знатныя дѣвицы, а нынче послѣдняя мѣщанка также хочетъ быть виртуозкой.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И МАКСЪ.

МАКСЪ.

Мое почтеніе, Мамзель Винтеръ.

МАРІЯ (*встаетъ*).

Здравствуйте.

МАЛЬЧИКЪ.

Я пришелъ сказать вамъ, чтобъ вы пришли дать сестрѣ моей урокъ, во Французскомъ языкѣ, сегодня, въ шесть часовъ; завтра ей нельзя.

МАРІЯ.

Однако же... можетъ быть, мнѣ это не совсѣмъ удобно.

Г-жа Шульцъ (*перебивая ее*).

Ахъ, Боже мой! да чѣмъ же вы сегодня заняты? ничѣмъ!.. Кланяйтесь и скажите, что все будетъ такъ, какъ ей угодно.

МАЛЬЧИКЪ.

Хорошо-съ. Прощайте! (*уходитъ*).

Г-жа Шульцъ (*тономъ выговора*).

Зачѣмъ вамъ отговариваться, находить препятствія!.. Тотъ кто долженъ кормиться помощью другихъ... (*перемѣнивъ вдругъ тонъ*) впрочемъ, вы знаете, что отъ васъ однѣхъ зависить перемѣнить все...

МАРІЯ.

Опять старая пѣсня, мадамъ Шульцъ!.. Вы очень хорошо знаете мысли мои объ Ассессорѣ и намѣренія мои на счетъ моей будущности.

Г-жа Шульцъ.

Все это вздоръ, глупости!.. У васъ вѣрно была какая нибудь любовишка на сердцѣ; съ кѣмъ же этого не случилось?.. Но неужели же для этого разстроивать всю вашу будущность?.. Господинъ Ассессоръ Вольфъ! Что за чудесный человекъ!.. Мой старикъ не можетъ нахвалиться имъ; говоритъ, что онъ пользуется въ Министерствѣ большою силою и пойдетъ далеко; къ тому же у него водятся и денежки; право, мнѣ жаль смотрѣть какъ этотъ прекрасный молодой человекъ хлопочетъ, чтобъ угодить вамъ — и все напрасно!.. Видя, что вы не хотите принимать отъ него, онъ старается доставить вамъ работу, уроки... онъ, я думаю, избилъ не одну пару сапоговъ бѣгая для васъ; авы такъ суровы къ нему.

МАРІЯ (*съ досадою*).

Какъ можете вы думать, любезная мадамъ Шульцъ, что намѣренія этого человека честны!

Г-жа Шульцъ (*съ удивленіемъ*).

Вотъ еще новость!.. вотъ что вы еще выдумали!.. Спросите-ка моего мужа... Каждое утро, когда онъ придетъ въ Канцелярію, Г. Ассессоръ въ ту же минуту къ нему: здравствуйте, Г. Шульцъ!.. Что дѣлаетъ Мамзель Марихенъ!.. кланяйтесь ей отъ меня... нынче, впрочемъ, я буду имѣть удовольствіе видѣть ее!.. Онъ говоритъ это при всѣхъ, не скрываясь...

МАРІА.

И всё, слыша это, могут думать обо мнѣ дурно... Наконецъ мнѣ пора сказать вамъ прямо, какъ я смотрю на все это. Прошу васъ, мадамъ Шульцъ, чтобъ преслѣдованія этого человѣка кончились, и объявляю вамъ рѣшительно, что оставляю вашъ домъ, если вы не запретите Ассессору переступить порогъ дверей вашихъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе и Ассессоръ Вольфъ.

Вольфъ (*ласковымъ, вкрадчивымъ тономъ*).

Здравствуйте, сударыня, добрый вечеръ!.

Г-жа Шульцъ.

Сю минуту только была рѣчь о васъ... какъ вы сегодня рано изъ канцеляріи...

Вольфъ.

Нѣтъ, какъ всегда!.. (*къ Маріи*) А вы вѣрно опять все сидѣли за работой, сударыня?..

Г-жа Шульцъ.

Да положите же вашу шляпу, Г-нъ Ассессоръ, садитесь Г. Ассессоръ.

Вольфъ.

Я и такъ сижу цѣлый день (*вынимаетъ изъ шляпы конфеты, завернутые въ бумагу*). Не угодно ли?

Г-жа Шульцъ (*беретъ конфеты съ примѣтными удовольствіемъ*).

Всегда чтонибудь сладкое, Г-нъ Ассессоръ!

Вольфъ (*подходитъ къ пальцамъ*).

Скоро уже готово, Боже мой, какое прилежаніе и какая прекрасная работа, какой вкусъ!.. (*подходитъ изъ фортепіано*) Получили ли вы, сударыня, ноты?..

МАРІА.

Благодарю васъ, Г-нъ Ассессоръ.. Я от-

дала ихъ назадъ тому, кто принесъ ихъ...

Я не люблю этотъ новый родъ вальсовъ, Г-жа Шульцъ.

Намъ надобно чтонибудь посерьознѣе, Г. Ассессоръ... Какуюнибудь симфонію, увертюру...

Вольфъ (*къ Маріи*).

Вы такъ суровы къ тѣмъ ничтожнымъ подаркамъ, которые я осмѣлился предложить вамъ; вы отослали назадъ и мантилью...

Г-жа Шульцъ (*смѣясь*).

Да, а знаете ли отчего?

Вольфъ.

Отчего?

Г-жа Шульцъ (*смѣясь*).

Оттого, что въ ней была записка...

МАРІА (*перебивая ее*).

Я и безъ этого не приняла бы подарка, Г-нъ Ассессоръ. Мы только случайно увидѣли записку, на которой была означена цѣна мантильи, и это еще болѣе заставило меня оставить ее.

(*Уходитъ въ комнату, что на правой сторонѣ*).

Вольфъ (*говоритъ ей въ слѣдъ*).

Клянусь вамъ, что это было сдѣлано безъ намѣренія. (*Въ сторону*) Какая прищудница!..

Г-жа Шульцъ (*съ доверчивостію*).

Вы должны быть осторожнѣе, Г. Ассессоръ. (*Часы бьютъ шесть, Марія входитъ въ шляпку*).

Вольфъ.

Вы хотите уже оставить насъ, мамзель Марія.

МАРІА (*отдавая Г-нъ Шульцъ ключъ*).

Теперь уже шесть часовъ, любезная мадамъ Шульцъ; вы знаете, что я должна нынче итти дать тотъ урокъ, который былъ назначенъ на завтра. (*Хочетъ итти*.)

Вольфъ.

Вы, конечно, позволите мнѣ имѣть честь проводить васъ.... теперь уже смеркаетъ.... или не взять ли намъ лучше кареты?....

Марія.

Благодарю васъ, Г. Ассессоръ; я такъ часто хожу по этой дорогѣ, что, конечно, не собьюсь съ нее. (*Отводя Г-жу Шульцъ въ сторону.*) Не забудьте, мадамъ Шульцъ, на какихъ условіяхъ мы можемъ остаться вмѣстѣ съ вами. На дворцы судьба скупа; но есть много убогихъ хижинъ, гдѣ можетъ жить бѣдность и несчастіе. (*Поклонясь Ассессору очень сухо, уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вольфъ, Г-жа Шульцъ.

Вольфъ.

Все болѣе и болѣе сурова, болѣе и болѣе горда!... Развѣ вы не успѣли ни сколько убѣдить ее?

Г-жа Шульцъ (*пожимая плечами.*)

Она такая странная дѣвушка! Если бы вы могли только подозрѣвать, Г. Ассессоръ, какое она сію минуту сдѣлала мнѣ предложеніе....

Вольфъ.

Что жъ это такое? Чего она хочетъ?

Г-жа Шульцъ.

Она хочетъ, чтобъ вы прекратили ваши посѣщенія, или она найметъ себѣ квартиру въ другомъ мѣстѣ.

Вольфъ (*въ сторону.*)

Чтобъ достигнуть моей цѣли, я долженъ дѣйствовать съ величайшею осторожностью. (*Громко.*) Впрочемъ, любезная мадамъ Шульцъ, обдумавъ все хорошенько, я, съ своей стороны, не вижу ни какого неудобства, чтобъ она выѣхала отъ васъ.

Г-жа Шульцъ.

Да я-то вижу въ этомъ большое не-

удобство для себя, Г. Ассессоръ... Ницѣ такъ трудно найти хорошихъ жильцовъ.

Вольфъ.

На счетъ этого вамъ нечего беспокоиться, милая мадамъ Шульцъ; то что вы потеряете, я... у меня есть въ головѣ кой-какой планъ.... Точно ли вы увѣрены, что мамзель Марихенъ не имѣетъ здѣсь ни какого особеннаго знакомства?

Г-жа Шульцъ.

Вѣдь вы сами это знаете, Г. Ассессоръ. Родители ея были прежде люди очень достаточные и имѣли возможность дать ей прекрасное воспитаніе. Отецъ ея былъ купцомъ, обанкрутился и умеръ съ горя. Мать недолго пережила своего мужа; немного, что осталось послѣ нихъ, было употреблено на лекарства и погребеніе, и Марія осталась совершенно одна.

Вольфъ.

Все это мнѣ извѣстно; но вы какъ-то говорили мнѣ о какомъ-то знакомствѣ....

Г-жа Шульцъ.

Да, я слышала вскользь... Кажется, это былъ какой-то студентъ или докторъ.... не настоящій докторъ.... а какой-то другой докторъ.... вы понимаете меня, Г. Ассессоръ?

Вольфъ.

Не докторъ ли юриспруденціи?

Г-жа Шульцъ.

Да, да, что-то похожее на это. Я никогда не могла узнать объ этомъ подробнѣе.... (*Показываетъ на книги, лежащія на фортепіанъ.*) Вотъ посмотрите на эти книги, вѣрно это онъ ихъ подарилъ ей, въ нихъ что-то написано.... Посмотрите, здѣсь, кажется, есть даже и его имя. (*Открываетъ одну изъ книгъ.*)

Вольфъ (*читаетъ.*)

«Стансы, элегіи — обожаемой Маріи отъ ея вѣчно вѣрнаго Ген...» рука эта мнѣ что-то знакома!... (*Долго смотритъ*

на почеркъ, и потомъ кладетъ книгу на прежнее мѣсто.)

Г-жа Шульцъ.

Ну, что касается до вѣчности и вѣрности, то, кажется, это были только одни слова. Я очень хорошо вижу, что Марія груститъ и страдаетъ тайнѣ о чемъ-то; мнѣ даже часто случалось видѣть ее въ слезахъ.

Вольфъ.

И неужели вы не могли ничего выведать у ней!...

Г-жа Шульцъ.

Она такъ скрытна; никогда не проболтается!.. Иногда читаетъ она какія-то письма, въ которыхъ почти всѣ слова стерты отъ слезъ. Сонъ ея вообще безпокоенъ, она часто бредитъ такъ, что я бываю принуждена иногда вставать, чтобъ разбудить ее... Случается также, что сидя у окна, она вдругъ вздрогнетъ, когда увидитъ какого нибудь прохожаго.... Вотъ еще недавно перепугала она меня ужасно: рефендарій Фельсъ, проходитъ мимо....

Вольфъ.

Фельсъ?... любезная мадамъ Шульцъ, вотъ что я придумалъ. Я доставлю вамъ жильца, который богатъ и вознаградитъ васъ за ваши убытки, къ тому же я и самъ васъ не оставлю. Что же касается до Маріи, мнѣ хочется помѣстить ее въ такой домъ, гдѣ бы я могъ видѣть ее каждый день и куда она не могла бы запретить мнѣ приходить, когда мнѣ это вздумается. Надѣюсь, что мнѣ удастся устроить все какъ мнѣ хочется; но смотрите, ни слова ей еще объ этомъ....

Г-жа Шульцъ.

Помилуйте, Г. Ассессоръ, за кого же вы меня принимаете?

Вольфъ (въ сторону).

А мнѣ надобно устроить все это такъ, чтобъ она и не подозрѣвала, что я тутъ замѣшанъ. (Громко.) Вы скоро узнаете болѣе объ этомъ, мадамъ Шульцъ.

Г-жа Шульцъ.

А вы уже собираетесь идти, Г. Ассессоръ! (Хочетъ идти.) Ахъ, Г. Ассессоръ, еще одно слово.... (Съ принужденною усмѣшкой и съ нѣкоторою боязнью.) Вообразите: это странная дѣвушка!... думаетъ, будто ваши намѣренія, Г. Ассессоръ, не...

Вольфъ.

Какой вздоръ!... вѣдь.... моя любезная мадамъ Шульцъ!... Прощайте.... (Уходя.) Вотъ скоро праздники.... Какой цвѣтъ платья любите вы больше, темный или свѣтлый?...

Г-жа Шульцъ (притворяясь будто ей совѣстно).

Ахъ, Г. Ассессоръ.... зачѣмъ это... я уже старуха....

Вольфъ.

Ну, хорошо, хорошо, мадамъ Шульцъ.... Я постараюсь самъ выбрать и угодить вашему вкусу.... Прощайте, добрый вечеръ....

Г-жа Шульцъ (приспѣвая).

Добрый вечеръ, Г. Ассессоръ.... Берегитесь, лѣстница немного крута.... позвольте мнѣ проводить васъ....

Вольфъ (останавливаясь).

Не беспокойтесь, не беспокойтесь.... (Уходитъ).

Г-жа Шульцъ (у двери).

Все таки лучше, если я посвѣчу вамъ... (Видя, что Вольфъ держитъ дверь снаружи и что ей нельзя выйти). Какой славный человекъ этотъ Г. Ассессоръ; такой добрый, ласковый.... и какъ онъ еще молодъ, всего двадцать шесть лѣтъ... Однако же совсѣмъ ужъ стемнѣло.... Мой чижикъ уже задремалъ.... (снимаетъ клятку.) Пойдемъ дружечекъ, я насыплю тебѣ корму.... А право, славный человекъ, Г. Ассессоръ. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Перемѣна.

Богатая гостиная въ домъ Генриха фонъ Гурдина. По сторонамъ сцены отворенныя двери. Въ глубинѣ видна галерея, освѣщенная люстрами и канделябрами).

Юлія и докторъ Фельсъ.

Юлія.

Ну, любезный докторъ, что вы скажете теперь; не должны ли вы согласиться, что вы не ошибаетесь.

Докторъ Фельсъ.

Что до меня, я никогда не видалъ его такимъ веселымъ.

Юлія.

Я не спорю объ этомъ. Ужасно было бы если бъ то, что я замѣчала въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, бросалось въ глаза съ перваго раза. Нѣтъ, онъ часто бываетъ веселъ и разговорчивъ, но эта веселость смѣняется вдругъ мрачною задумчивостью; онъ погружается въ самого себя, вздрагиваетъ, когда съ нимъ заговорить, и взглядываетъ на меня и на дѣтей такъ печально, такъ странно, что я не знаю куда дѣваться отъ безпокойства и тоски.

Докторъ Фельсъ.

Все это такъ; но мнѣ кажется, что, не смотря на ваше пятилѣтнее замужество, вы еще не совсѣмъ постигли характеръ Генриха. Если бъ вы видѣли его прежде, то не стали бы теперь такъ тревожиться. Его возвышенный умъ, его слишкомъ пламенное воображеніе, оригинальность его мнѣній, особенный образъ мыслей, все это давало обращенію его въ обществѣ какую-то странность, такъ, что самые друзья его должны были привыкнуть къ нему, чтобъ понимать его. Скажите, неужели всѣ эти особенности — слѣдствіе его гевія и его мягкаго сердца, ускользнули отъ васъ?

Юлія.

О! что касается до этого, докторъ, то пронзительность моя не измѣнила мнѣ. Я поняла Генриха съ перваго раза, когда увидѣла его и сказала самой себѣ: чловѣкъ этотъ не похожъ на тѣхъ людей, которыхъ мы встрѣчаемъ ежедневно въ обществѣ! То, что другимъ казалось въ немъ страннымъ, для меня служило доказательствомъ возвышенности его ума. Насмѣшки моихъ подругъ надъ тѣмъ, что онѣ называли ошибками противу принятыхъ въ обществѣ обычаевъ, переносила я безъ досады, зная, что онѣ втайнѣ все таки мнѣ завидовали. Но чѣмъ болѣе я узнавала его, тѣмъ болѣе убѣждалась, что въ немъ есть что-то такое, чего я не могу ни понять, ни разгадать. Утромъ, при первомъ привѣтствіи, онъ бываетъ всегда мраченъ, какъ будто какія нибудь тяжкія сновидѣнія тревожили его; вечеромъ, во время прогулокъ, отдѣляется онъ отъ другихъ, выбираетъ самыя уединенныя тропинки, и бродитъ одинъ, склонивъ на грудь голову. Часто находила я его стоящаго неподвижно подъ какимъ нибудь деревомъ, съ сложенными на грудь руками, съ задумчивымъ мрачнымъ взоромъ.... Ахъ, любезный докторъ, любовь его даритъ меня всѣмъ блаженствомъ рая; онъ боготворитъ дѣтей своихъ; онъ повѣряетъ мнѣ всѣ свои намѣренія, и, не смотря на это, мнѣ часто кажется будто между мною и имъ лежитъ страшная и неизмѣримая пропасть!

Докторъ Фельсъ.

Чего не придумаете вы, молодые женщины!... и кто угодитъ на васъ?... Онъ, можетъ быть, обдумываетъ какое нибудь важное дѣло; можетъ быть, какія нибудь непріятности по службѣ; въ свѣтъ такъ много завистниковъ и интригъ. Можетъ быть, также и возвращеніе на родину пробуждаетъ въ немъ иногда воспомнанія о прежнихъ временахъ....

Юлія (*съ стремительностью*).

Не думаете ли вы, что какойнибудь давняшій простунокъ....

Докторъ Фельсъ.

О!

Юлія.

Не тревожить ли чтонибудь его совѣсти?

Докторъ Фельсъ.

Успокойтесь, успокойтесь!... На душѣ его нѣтъ ни убійства, ни вины... и какъ можете вы мучить подозрѣніями человѣка, который и безъ того уже долженъ сносить дурачества свѣта съ его предразсудками.

Юлія (*скоро*).

Я никогда не говорила ему объ этомъ ни слова, но вы, докторъ, вы, которому онъ обязанъ своимъ образованіемъ, который послѣ смерти его бѣдныхъ родителей замѣнилъ ему отца; вы, для успокоенія моего, должны бы были попытаться проникнуть въ глубину сердца и узнать его тайну...

Докторъ Фельсъ.

Пожалуй, пожалуй, я не прочь отъ этого. Но послушайтесь моего совѣта: дѣлайте побольше движенія, пейте каждое утро стакана два холодной воды, и будьте увѣрены, что всѣ ваши пустыя опасенія пройдутъ сами собою; все это ничего болѣе, какъ сгущеніе крови. (*За кулисами слышенъ шумъ.*) Но вотъ гости, кажется, поднялись....

Юлія (*уходя на правую сторону*).

И такъ, докторъ, я полагаюсь на васъ; не откладываете этого надолго. (*Уходитъ*).

Докторъ Фельсъ.

Хорошо, хорошо.... будьте спокойны! (*одинъ*.) Все это вздоръ, пустое!... Я, правда, также немного сердить на него; къ чему ему было лѣзть въ дворяне... но это не перемѣнило его, и если бъ у

него было чтонибудь на сердцѣ, я давно бы зналъ все. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Баронъ Фреско, Совѣтникъ Фалке, Ротмистръ Раппе, Мельхузъ, Референдарій Фельсъ, нѣсколько гостей и потомъ Генрихъ Юрданъ (*всѣ они выходятъ изъ галереи, съ чашками кофе въ рукахъ*).

Баронъ Фреско (*къ лакею, который подаетъ ему кофе*).

Благодарю; послѣ обѣда я никогда не пью кофе.

Раппе.

А вѣдь кофе способствуетъ варенію желудка, любезный Баронъ.

Баронъ Фреско.

Благодарю Бога, онъ у меня и безъ того варить прекрасно. А какъ мы славно пообѣдали: какія устрицы, какіе трюфели; какой каплуны съ шампиніонами.... Надобно правду сказать: я никогда не обѣдаю такъ хорошо, какъ въ этомъ домѣ.

Фалке.

Гдѣ царствуетъ такая свобода, такая непринужденность....

Баронъ Фреско.

Непринужденность!... Да, вы это доказали Г. Совѣтникъ. (*Грозно*). Вы выхватили у меня почти съ вилки самый лучшій кусокъ каплуна!

Фалке.

Мы сочтемся когданибудь въ другой разъ, Г. Баронъ. (*Оглядываясь кругомъ*). Какъ здѣсь все ново и нарядно! Сейчас видно, что тутъ живутъ дѣти богатыхъ родителей.

Мельхузъ.

Какое богатое серебро, какая бронза, какъ одѣты люди, все это гораздо мас-

сивнѣе чѣмъ происхожденіе самого хозяина.

БАРОНЪ ФРЕСКО.

Охота вамъ обращать на это вниманіе! Онъ кормить прекрасно, какъ настоящій аристократъ, а это главное.

ФАЛКЕ.

Я отправляюсь домой... не хотите ли мнѣ быть товарищемъ, Г. Баронъ?

БАРОНЪ ФРЕСКО.

Сию минуту.... Кстати, Г. Рефендарій, благодарю васъ, за ваше согласіе быть участникомъ обѣда, который я даю по подпискѣ. Вотъ видите въ чемъ дѣло: ко мнѣ является какой-то человекъ и говоритъ, что онъ отличный поваръ, не имѣющій теперь мѣста. Чтобы испытать его талантъ и помочь этому артисту, я рѣшаюсь дать обѣдъ, по три талера съ куверта.... Вотъ списокъ, въ которомъ уже двадцать два человека.... Мы поѣдимъ прекрасно!... А что можетъ быть пріятнѣе, какъ хорошо кушать?... По моему, такъ это первое и лучшее наслажденіе.... *(Уходитъ вмѣстѣ съ Фалке).*

ФЕЛЬСЪ.

Благодарю Бога! этотъ несносный болтувъ убрался наконецъ; остальнымъ также бы пора по домамъ; я съ такимъ нетерпѣніемъ жду минуты, когда мнѣ будетъ можно прижать къ груди своей стариннаго моего друга. Когда мы жили съ нимъ въ Гейдельбергѣ, нуждаясь часто въ нѣсколькихъ талерахъ, кто бы могъ подумать, что онъ такъ скоро будетъ наслаждаться всѣми дарами богатства и избытка! Но вотъ они расходятся. *(Генрихъ Иорданъ, вошедшій между тѣмъ, раскланивается съ своими гостями и остается наконецъ одинъ съ Фельсомъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГЕНРИХЪ и ФЕЛЬСЪ.

(Генрихъ подходитъ къ Фельсу и дружески пожимаетъ ему руку).

ФЕЛЬСЪ.

Прибавь: вѣрный и неизмѣнный! Ахъ Генрихъ, если бъ ты зналъ, какъ я счастливъ, свидясь опять съ тобою и найдя тебя въ такомъ блистательномъ положеніи... Ты богатъ, ты перегналъ всѣхъ своихъ товарищей, ты дворянинъ, у тебя добрая жена, прекрасныя дѣти!... Но все это досталось тебѣ по праву; ты всегда былъ первымъ между нами; посмотришь, лѣтъ черезъ пять, ты, пожалуй, будешь и Министромъ.

ГЕНРИХЪ.

Не могу жаловаться на службу: до сихъ поръ былъ я въ ней довольно счастливъ. Теперь очередь за тобою; разправь-ка крылья, такъ и ты не останешься назадъ.

ФЕЛЬСЪ.

И, братъ! гдѣ мнѣ.... Вотъ уже пять лѣтъ все рефендарій!.. Впрочемъ, я мало объ этомъ забочусь; того, что даетъ мнѣ отецъ мой, достаточно для всѣхъ моихъ прихотей. *(Смѣясь).* Послушай, надѣюсь, что ты не сдѣлался важнымъ, неприступнымъ?

ГЕНРИХЪ.

О, конечно нѣтъ; я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о нашемъ студентскомъ времени.

ФЕЛЬСЪ.

Жаль только, что ты мало имъ наслаждался.... не такъ какъ я... ты всегда бѣгалъ за книгами, я — за женщинами.

ГЕНРИХЪ.

Но вѣрно и тебя наконецъ оковала которая нибудь изъ нихъ?

ФЕЛЬСЪ.

Избави Боже! Конечно, и мнѣ случилось

иногда встрѣчать обворожительныя женскія головки, которыя вотъ такъ и лѣзли въ душу; но я никогда не вздыхалъ по нимъ очень долго. Признаюсь, я до сихъ поръ не понимаю, какъ могутъ иные мужчины имѣть довольно терпѣнія, и по нѣскольку лѣтъ сряду прясть нить любви для того, чтобъ досучивъ ее, надѣть на шею вмѣсто цѣпи. Нѣтъ, у меня совсѣмъ другая метода; я вѣроятно влюблюсь когда нибудь; можетъ быть, даже влюбленъ ужъ и теперь; но если мнѣ прійдетъ глупая мысль заковать себя въ брачныя узы, то не стану страдать и охать, а просто откомандирую батюшку, чтобъ онъ устроилъ все за меня. Повѣрь мнѣ, въ романтизмъ мало толку, и въ свѣтѣ гораздо болѣе такихъ паръ, которыя любятъ другъ друга потому, что они женаты, чѣмъ такихъ, которыя женятся потому, что любятъ другъ друга. *(Оглядываясь, говорить въ полголоса)*. Вѣдь у тебя, кажется, также была когда-то романическая любовишка?

Генрихъ.

Какъ же. Не знаешь ли ты чего нибудь о Марин; гдѣ она, что съ нею?

Фельсъ.

Право, не знаю; старики ея, кажется, умерли.

Генрихъ.

Я также слышалъ это; но они вѣрно оставили ей порядочное состояніе?

Фельсъ.

Кажется нѣтъ... *(Припоминая)*. Нѣтъ... нѣтъ... что бышь такое слышалъ я?

Генрихъ.

Какъ! она въ бѣдности, а я утопаю въ избыткѣ! Ахъ, Фельсъ, ради Бога, отвѣчай мнѣ, не знаешь ли ты чего нибудь вѣрнаго о ней?

Фельсъ.

Вотъ была бы славная штука, если бы вы какъ нибудь опять встрѣтились. Впрочемъ, слава Богу, что изъ этого ничего не вышло.

Генрихъ *(задумчиво)*.

Я посвящалъ ей лучшіе годы моей юности.

Фельсъ.

Я врагъ всѣхъ этихъ сантиментальностей, и радуюсь душевно, видя какая у тебя теперь прекрасная жена.

Генрихъ.

Да, я совершенно счастливъ. *(Испытующимъ тономъ)*. Она, вѣрно, имѣла случай составить хорошую партію?

Фельсъ *(съ добродушнымъ изумленіемъ)*.

Смотри пожалуй, какъ все это еще интересуетъ тебя!

Генрихъ.

Если я поступилъ благоразумно избравъ себя другой путь, то во мнѣ осталось еще столько уваженія къ самому себѣ, чтобъ не предавать забвенію лучшихъ дней моей юности! Кто знаетъ, что было бы со мною, если бы святое, благородное чувство, какъ десница ангела, не поддерживала меня на краю пропасти *(мрачно)*, въ которую я въ послѣдствіи погрузился такъ глубоко!

Фельсъ *(шутливымъ тономъ)*.

И въ которой ты лежишь теперь какъ жемчужина на днѣ моря. Признаюсь, я желалъ бы быть на твоемъ мѣстѣ.

Генрихъ.

Ахъ, другъ мой, если бы ты зналъ, что происходитъ во мнѣ!

Фельсъ *(съ заботливостью подходитъ къ нему)*.

Генрихъ!

Генрихъ.

Если бы ты зналъ, какія мечты тревожатъ меня!... Но, нѣтъ, это не мечты, это сама дѣйствительность, которая возстаетъ

предо мною съ такою ясностью, что я жажду самозабвенія, и часто боюсь сойтись съ ума!

Фельсъ.

Иорданъ, я былъ твоимъ другомъ и останусь имъ всегда; я, кажется, доказалъ, какъ могу любить тебя.... Иорданъ! не имѣешь ли ты чего ввѣрить мнѣ?

Генрихъ.

Нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ... Ты знаешь, я мечтатель, я былъ имъ и останусь всегда.

Фельсъ.

На меня можешь ты положиться всегда и во всемъ. (*Съ довѣрчивостью*). Послушай, братъ, я хочу сообщить тебѣ кое-что на счетъ твоихъ здѣшнихъ служебныхъ отношеній. Ты знаешь, я не честолюбивъ, и тотъ кто не поднимаетъ всегда взоровъ своихъ *кверху*, тотъ видитъ *рядомъ съ собою* то, что часто ускользаетъ отъ другихъ. Совѣтую тебѣ быть осторожнымъ и беречься Ассессора Вольфа. Этотъ человекъ и въ университетѣ былъ уже извѣстенъ, какъ проныра и негодяй. Онъ старался дружить съ нами, чтобъ вывѣдать наши тайны; часто попадался вмѣстѣ съ другими, но всегда выходилъ сухъ изъ воды. Теперь ты знаешь, каковъ этотъ молодецъ! Онъ живетъ здѣсь, надъ тобою, онъ самый ближній твой сосѣдъ, и потому я предостерегаю тебя болѣе всего отъ него. Ну, теперь прощай, другъ! (*Съ усмѣшкой*). Кстати.... знаешь ли что? у тебя чудесное вино: сейчасъ видно, что твой тещинка имѣеть помѣстья на Рейнѣ (*Обнимаетъ его*). Прощай, однако жъ! (*Смотритъ на его перстень*). Это, конечно, твой новый гербъ?... Прежде печатью твоею было пылающее сердце, пронзенное стрѣлами, теперь лиліи въ голубомъ полѣ, усыянномъ звѣздами, рыцарскій шлемъ и шпоры. (*Съ сердечнымъ увлеченіемъ*). Генрихъ, не смотри

на эту перемену, мы останемся друзьями на вѣки!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Иорданъ, потомъ Максъ, Карлъ и Юлія.

Иорданъ (*погруженный въ задумчивость, садится къ столу*).

Рано, слишкомъ рано овладѣлъ ты моимъ сердцемъ, демонъ честолюбія! Ты ослѣпилъ глаза мои и скрылъ отъ меня великость жертвы, которую я принесъ на алтарь твой!.. Теперь, блескъ окружающаго богатства меня не радуетъ уже болѣе, жажда почестей не томитъ души моей, и я ужасаюсь тѣхъ воспоминаній, которыя воскресаютъ во мнѣ, и, какъ привидѣнія, носятся предо мною!... Забвеніе! забвеніе!... нѣкогда ты было такъ легко для меня, а теперь.... теперь, выпивъ даже всю воду Леты, я не могъ бы найти тебя! (*Закрываетъ лице руками и нѣсколько времени остается въ этомъ положеніи, потомъ начинаетъ прислушиваться*). Это голосъ моихъ дѣтей! Моей доброй жены!... О! какъ сладостно дѣйствуютъ эти звуки на растерзанную душу!... Боже! къ тебѣ взываю, исполни мнѣ миръ и спокойствіе!

(*Юлія съ Максомъ и Карломъ*.)

Максъ.

Вотъ папенька!

Генрихъ (*въ сильномъ волненіи беретъ дѣтей на руки и целуетъ ихъ*).

Дѣти мои! Максъ, Карлъ!

Юлія (*ласково*).

Они пришли проститься съ тобою и пожелать тебѣ доброй ночи.

Генрихъ.

Юлія, добрая моя Юлія! Я вашъ, вашъ

навсегда!... Вы звѣзды моей жизни, вы для меня гении мира и любви!...

Юлія (*съ изумленіемъ*).

Генрихъ, что съ тобой?

Генрихъ (*внѣ себя*).

Не спрашивай, не спрашивай меня! Загадка должна разрѣшиться сама собою. Зачѣмъ говорить о борьбѣ тому (*обнимаю Юлію*) кто держитъ въ рукахъ своихъ побѣду!

ДВѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Генриха съ тремя дверьми. Письменный столъ, на которомъ въ беспорядкѣ разбросаны бумаги и книги. Рядомъ съ чернилицею стоитъ шитая шелками картина, изображающая птицъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вольфъ и Юлія.

Вольфъ.

Эта молодая женщина была мнѣ рекомендована съ самой отличной стороны. Отецъ ея былъ очень достаточный купецъ, и далъ ей прекрасное воспитаніе. Въ домъ, гдѣ я имѣлъ случай встрѣтить ее однажды, говорили мнѣ, что она права самаго тихаго, и имѣетъ всѣ качества, необходимыя для хорошей наставницы...

Юлія.

Что нынче очень рѣдко; мнѣ случалось видѣть во многихъ домахъ такихъ гувернантокъ, которыя могутъ принести дѣтямъ болѣе вреда, нежели пользы; какъ же не цѣнить послѣ того хорошей и образованной наставницы. У насъ будетъ она какъ въ родительскомъ домѣ, и если ея дѣйствительно украшаютъ всѣ тѣ достоинства, о которыхъ вы говорите....

Вольфъ.

Я передалъ вамъ только то, что слышалъ...

Юлія.

Я буду любить ее какъ сестру; у меня

давно не доставало подруги, которая могла бы раздѣлить со мною домашнія хлопоты и заботы.

Вольфъ.

Я уже и теперь радуюсь тому, какъ много успѣютъ съ нею ваши малютки.

Юлія.

Я буду умѣть оцѣнить познанія этой молодой дамы; но повторяю вамъ, что для меня всего важнѣе ея нравственные качества. И такъ, благодарю васъ еще разъ, любезный Ассессоръ, и прошу доставлять намъ чаще удовольствіе видѣть васъ. Мы такіе близкіе сосѣди, и я слышала, что вы почти всѣ вечера проводите не дома... Удѣлите нашей бесѣдѣ нѣкоторыя изъ нихъ, и мы будемъ вамъ очень благодарны.

Вольфъ.

Не премину воспользоваться такимъ пріятнымъ для меня приглашеніемъ. (*Целуетъ у нее руку.*) До сихъ поръ я не встрѣчалъ еще дома, въ которомъ бы проводилъ время съ такимъ удовольствіемъ, какъ у васъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ П.

Юлія, потомъ Генрихъ.

Юлія.

Я думаю, что и Генрихъ будетъ доволенъ такою гувернанткою. (*Подходитъ къ письменному столу.*) Въ какомъ здѣсь все безпорядкѣ? Прежде этого не было за нимъ; каждая вещь имѣла свое мѣсто; а теперь онъ вѣрно даже не замѣтитъ, если я приведу все въ порядокъ! (*Беретъ книжку и раскрываетъ ее.*) «Мой дневникъ, начатый...» Прошу покорно, онъ завелъ себя дневникъ!.. Прежде говорилъ онъ мнѣ, что я буду его памятью, что вѣряя мнѣ все, онъ въ годы старости будетъ обращаться ко мнѣ, если захочетъ что нибудь припомнить изъ минувшаго! Сегодня возвратился онъ изъ поѣздки по должности встревоженный и задумчивый... Ахъ! если бѣ только добрый докторъ могъ поскорѣе успокоить меня и узнать то, что я поручила ему. (*Смотритъ на вышитые цвѣты.*) Цвѣты эти съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе блѣднѣютъ... Онъ никогда не записался передо мною, что это шитье было подарено ему какою-то дѣвушкой, въ которую онъ когда-то былъ влюбленъ. Я смѣялась надъ этимъ (*съ горькою улыбкой*), потому что какая жена можетъ похвалиться, что она была предметомъ первой страсти своего мужа? (*Смотритъ на шитье.*) Эти пышныя розы и незабудки поблекли теперь; кто знаетъ, не поблекнетъ ли когда нибудь также и любовь его ко мнѣ!..

(*Генрихъ входитъ.*)

Милый Генрихъ, полагая, что ты не будешь недоволенъ мною, я поручила Ассесору Вольфу одно весьма важное дѣло.

Генрихъ (*разспянно*).

На счетъ чего?

Юлія.

На счетъ того, о чемъ мы уже прежде говорили съ тобою. Вольфъ рекомендуетъ намъ гувернантку для дѣтей...

Генрихъ.

Ахъ, да!.. Ты знаешь, милая Юлія, что въ этомъ дѣлѣ я совершенно вѣтрисъ тебѣ....

Юлія.

Докторъ Фельсъ, проѣзжая мимо, приказалъ сказать тебѣ, что ему надобно переговорить съ тобою.... Вѣдь ты остаешься дома?

Генрихъ.

Да, я нигуда не собираюсь.

Юлія.

Мнѣ надобно сдѣлать нѣсколько визитовъ; если эта молодая дѣвушка придетъ прежде, чѣмъ я возвращусь, то прими ее, только поласковѣе.

Генрихъ (*съ усмѣшкой*).

Развѣ ты замѣтила, что я невѣжливо съ дамами?

Юлія.

Нѣтъ, ты мой добрый, милый Генрихъ!.. А писалъ ли ты къ батюшкѣ?.. Не откладывай этого, прошу тебя, а не то онъ будетъ здѣсь прежде, чѣмъ получить извѣстіе, что мы пріѣхали.... Старикъ строгъ, у него другія понятія о жизни, чѣмъ у тебя; но онъ искренно любить тебя, своего сына... Прощай же, другъ мой; займись съ докторомъ и съ воспитательницею дѣтей твоихъ! Она гораздо ученѣе, чѣмъ твоя Юлія, которая за домашними хлопотами никакъ не можетъ найти время прочитать тѣ книги, которыя ты рекомендовалъ ей. Но потерпи Генрихъ, теперь наступаютъ длинные вечера; мы будемъ собираться всѣ вмѣстѣ вокругъ камина, и тамъ, читая твоихъ любимыхъ поэтовъ, ты станешь указывать мнѣ на красоты ихъ, ты освоишь меня съ ихъ геніемъ, и я буду въ состояніи понять и оцѣнить ихъ.... Прощай, мой милый, мой несравненный Генрихъ! (*Цѣлуетъ его и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ГЕНРИХЪ, а потомъ Конрадъ и докторъ Фельсъ.

ГЕНРИХЪ (одинъ).

Бѣдная женщина! она не подозрѣваетъ моихъ мученій!... Эти письма къ отцу ея! эти вѣчныя увѣренія въ любви и благодарности къ человѣку, закоснѣлому въ своихъ предрасудкахъ! О! какъ тягостно, какъ неспосно все это!... Глупецъ, глупецъ! какъ могъ я прибѣгнуть къ содѣйствію такихъ людей, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ. Я, который имѣлъ въ себѣ самомъ довольно силы быть творцемъ собственной судьбы своей! И вотъ, пять лѣтъ уже влечу я на себѣ бремя счастья, котораго добивался такъ безумно, счастья, которое лишаетъ меня теперь покоя!...

Конрадъ (растворяя дверь).

Докторъ Фельсъ.

ГЕНРИХЪ (съ примѣт- нымъ удоволь- ствіемъ).

Прости, прости его!

Докторъ Фельсъ.

Доброе утро, любезный Иорданъ; ты нынче не въ должности?

ГЕНРИХЪ.

Здравствуйте, любезный докторъ; я былъ нѣсколько дней въ отлучкѣ по казенному порученію, и думаю, что нынче нѣтъ присутствія...

Докторъ Фельсъ.

Какъ нѣтъ?... вѣдь сегодня вторникъ!

ГЕНРИХЪ.

Въ самомъ дѣлѣ... Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ бѣды; мое отсутствіе не помѣшаетъ дѣламъ идти какъ всегда, и не остано- вить хода государственной машины.

Докторъ Фельсъ.

Все такъ; но я думалъ, что Генрихъ фонъ Иорданъ заслужилъ себѣ имя чело- вѣка аккуратнаго и прилежнаго...

ГЕНРИХЪ.

Не думайте этого, любезный докторъ; я не рожденъ для такой однообразной дѣятельности; моей, довольно быстрой по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, карьерѣ, обязанъ я президенту, тестю моему и брату его, министру; собственно моихъ заслугъ тутъ не было; я больше ничего, какъ презрѣнное созданіе моихъ покрови- телей.

Докторъ Фельсъ.

Что ты, Генрихъ, Богъ съ тобой! (Кла- детъ свою шляпу и трость, и беретъ стулъ). Можно ли имѣть такія вздорныя мысли?... Ты, кажется, становишься про- хондрикомъ... Поди-ка, сядь сюда, дай мнѣ потолковать съ тобою.

ГЕНРИХЪ (беретъ стулъ и говоритъ съ кол- кою усмѣшкой).

Ужъ не наговорили ли вамъ чего ни- будь на меня?

Докторъ Фельсъ.

Нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ; я самъ замѣтилъ. Еще недавно, какъ-то за обѣдомъ, былъ я чрезвычайито удивленъ... тобою... Эта грустная улыбка, которая такъ часто появляется на лицѣ твоёмъ, эта необыкно- венная разсѣянность... Скажи мнѣ, Ген- рихъ, что дѣлается съ тобою?...

ГЕНРИХЪ.

Развѣ во мнѣ замѣтно чтонибудь осо- бенное? Развѣ я не таковъ, какимъ вы все- гда меня знали?

Докторъ Фельсъ.

Мнѣ жаль твоей жены; она не спуска- ла съ тебя глазъ.... скажи, нѣтъ ли у тебя какогонибудь домашнего горя?

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ.

Докторъ Фельсъ (въ поло- лоса).

Не случилось ли у тебя чегонибудь по службѣ?

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, докторъ.

Докторъ Фельсъ.

Генрихъ, ты огорчаешь меня такими холодными, отрывистыми отвѣтами... Я думалъ, что имѣю право на твою довѣренность; прежде ты ничего не скрывалъ отъ меня.

Генрихъ.

Добрый, почтенный другъ мой, вы судите обо мнѣ попрежнему. Съ тѣхъ поръ, какъ я жилъ на Рейнѣ, когда я промѣнялъ скромную будущность ученаго на государственную службу, когда, въ угодность моему гордому тестю, отказался отъ незнатнаго, но честнаго имени моихъ родителей, и вмѣсто Вернера сталъ называться Барономъ Юрданомъ, съ тѣхъ поръ многое, многое перемѣнилось во мнѣ.

Докторъ Фельсъ.

Нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ, все это случайности, которыхъ не могли подѣйствовать на тебя такъ сильно; нѣтъ, тебя гнететъ чтонибудь другое. *(Генрихъ, погруженный въ задумчивость, не отвѣчаетъ)*. Ты молчишь, Генрихъ; ахъ, выскажи мнѣ свое горе, будь откровененъ со мною.

Генрихъ *(встаетъ и въ сильномъ волненіи ходитъ по сценѣ)*.

Да, да, есть еще что-то... Я долженъ наконецъ облегчить грудь мою; долженъ высказать въ словахъ то, что внутренно томитъ меня, и что приведетъ меня къ отчаянію, если буду молчать долѣе.

Докторъ Фельсъ *(встаетъ)*.

Сдѣлай это, Генрихъ, сдѣлай это! Часто одно сознаніе въ болѣзни ведетъ уже къ исцѣленію.

Генрихъ *(обнималъ его)*.

Да, я все скажу вамъ; вы будете моимъ повѣреннымъ. Отецъ моего единственнаго друга, человѣкъ съ такими чувствами, съ такимъ сердцемъ какъ вы, пойметъ и не осудитъ меня! *(Послѣ ми-*

путнаго молчанія садится рядомъ съ докторомъ).

Докторъ Фельсъ.

Ну, Генрихъ, я слушаю тебя.

Генрихъ.

Докторъ, у меня былъ другъ, котораго характеръ, свойства и образъ мыслей были совершенно сходны съ мои. Едва достигнувъ пятнадцатилѣтняго возраста, познакомился онъ съ одною молодою дѣвушкой изъ честнаго семейства, которой было тогда только пятнадцать лѣтъ. Она не могла назваться совершенною красавицей, но отличалась какою-то особенною, ей одной свойственною прелестью, которая придавала ей взору, ея улыбкѣ, всему существу ея очарованіе невыразимое. Увидѣть ее и не полюбить было невозможно; но другъ мой не хотѣлъ вступить въ признаніе своимъ ея невинной, безпечной юности, и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ почти ежедневнаго посѣщенія ея родителей, и одобренный ихъ ласковымъ приемомъ, рѣшился онъ высказать свои чувства. Другъ мой скоро сдѣлался божествомъ этой дѣвушки; въ немъ заключалось для нее все: міръ, природа, счастье, жизнь... Если бъ она потеряла его, съ нимъ поггло бы для нее сознаніе собственнаго ея существованія, поггло бы все. И она потеряла его! *(Молчаніе)*. Другъ мой былъ, какъ говорится, безпокойная голова; мучимый честолюбіемъ, онъ жаждалъ возвыситься надъ толпою, и чтобъ дать пищу своему слишкомъ пылкому уму, предпринималъ, безъ всякаго плана, разныя путешествія. Увлечшись духомъ нынѣшняго вѣка, для котораго деньги составляютъ все, другъ мой также хотѣлъ, во что бы то ни стало, сдѣлаться богатымъ. Въ одно изъ своихъ путешествій пріѣхалъ онъ на Рейнъ, гдѣ я познакомился съ нимъ. Нѣкоторыя изъ его предпріятій приняли въ то время довольно счастливое направленіе, и общали самый блистательный успѣхъ. Всѣ об-

ратили на него вниманіе, добивались чести его знакомства, и предсказывали ему блестящую будущность. Такимъ образомъ познакомился онъ съ одною молодою, любовною дѣвушкою, которая имѣла неосторожность высказать ему ту пламенную страсть, которой онъ сдѣлался предметомъ. Знатное происхожденіе этой дѣвушки, богатство ея родителей, а болѣе всего истинная любовь ея, до того льстили его суетности, что онъ забылъ первую любовь свою и, ослѣпленный блескомъ настоящаго, связалъ себя новыми, вѣчными узамн.

Докторъ Фельсъ.

Ты возбуждаешь все мое любопытство, Генрихъ.

Генрихъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, другъ мой, казалось, наслаждался совершеннымъ счастьемъ въ новомъ своемъ быту. На него посыпались чины и отличія; жена его, прекрасное, милое созданіе, любила его пламенно; наконецъ, дѣти увеличили собою кругъ его семейнаго благополучія; онъ, казалось, обладалъ всѣми земными благами, но втайнѣ голосъ неумолимой совѣсти начиналъ уже тревожить его. Воспоминаніе, которое онъ хотѣлъ умертвить въ душѣ своей, всегда пробуждается въ ней, и очаровательный призракъ носится ежеминутно предъ его глазами...

Докторъ Фельсъ (въ сторону).

Что съ нимъ?..

Генрихъ (съ возрастающимъ жаромъ).

Онъ видитъ покинутую, оставленную имъ дѣвушку въ слезахъ и отчаяніи, и слезы эти, какъ горячая лава, падаютъ на его сердце. Онъ видитъ ея кроткій, ангельскій образъ, и переносится къ тому блаженному времени, когда, полный страсти и обожанія, сидѣлъ онъ у ногъ ея, прислушиваясь къ звукамъ ея голоса, отъ

котораго трепетали всѣ нѣбры его сердца!

Докторъ Фельсъ (въ сторону).

Онъ пугаетъ меня!..

Генрихъ (съ грустною задумчивостью).

О! тогда глаза его часто наполняются тяжкими, жгучими слезами; но свѣтъ не долженъ видѣть этихъ слезъ, онъ сталъ бы смѣяться надъ ними, онъ осудилъ бы ихъ, и въ то время, когда сердце мое готово разорваться на части отъ тоски и грусти, я долженъ казаться веселымъ, довольнымъ, счастливымъ...

Докторъ Фельсъ (съ изумленіемъ).

Ты?

Генрихъ (опомнясь).

Другъ мой счелъ несчастливъ!.. Бѣдный мечтатель, онъ давно уже простился съ спокойствіемъ!.. Даже самый сонъ не приноситъ ему забвенія... (торжественно) Едва сомкнутся глаза его, какъ минувшее воскресаетъ передъ нимъ; онъ не можетъ вырваться изъ того волшебнаго круга, въ который прежняя, первая любовь заключаетъ его... Вотъ, вотъ она, та маленькая комнатка Маріи, гдѣ я былъ такъ счастливъ; вотъ цвѣты, за которыми она такъ ухаживала; вотъ тѣ картинки, которыя она рисовала и которыя я самъ оклеивалъ для нее въ золотыя рамки; вотъ она сама, моя Марія; вотъ ея густые, черные локоны, которые я цѣловалъ украдкой...

Докторъ Фельсъ (вскочивъ со стула).

Ты, Генрихъ!..

Генрихъ (внѣ себя).

Да, я, я самъ!.. Пусть свѣтъ, пусть всѣ осудятъ меня; но я не могу освободиться отъ этихъ воспоминаній; не могу забыть минувшаго! Оно было такъ прекрасно, такъ очаровательно; я не могу

вырвать изъ сердца память о счастливыхъ годахъ моей юности; не могу, это выше силъ моихъ! (*бросается на грудь доктора*).

Докторъ Фельсъ.

Ради Бога, успокойся, Генрихъ; прійди въ себя!.. ты пугаешь меня!.. вооружись мужествомъ; выкинь изъ головы всё эти пустыя мечты!..

Генрихъ (*съ отчаяніемъ*).

Не могу; всё усилія мои напрасны. Три года уже терзаютъ меня эти воспоминанія; чѣмъ болѣе я борюсь съ ними, тѣмъ болѣе преслѣдуютъ онѣ меня!

Докторъ Фельсъ.

Никогда не повѣрилъ бы я, чтобъ мечтательность и воображеніе могли взять надъ тобою такую власть. Предайся совершенно настоящему, и ты забудешь то, что было въ минувшемъ.

Генрихъ.

Я часто это пробовалъ, но напрасно!

Докторъ Фельсъ.

Я уже и прежде слышалъ кое-что о твоихъ сердечныхъ отношеніяхъ; но тогда ты секретничалъ. Неужели ты до того связалъ себя съ этою дѣвушкой, что можешь упрекать себя въ вѣроломствѣ?

Генрихъ.

Я помѣнялся съ нею кольцомъ; мы были обручены!

Докторъ Фельсъ.

Обручены! какъ же могъ ты послѣ этого покинуть ее?

Генрихъ.

Не знаю, что сдѣлалось со мною; жажда почестей и богатства увлекла меня; честолюбіе помрачило разсудокъ, и я бросился безсознательно въ вихрь свѣта! — Теперь минутное помѣшательство это миновалось, глаза мои прозрѣли, я увидѣлъ ничтожность всѣхъ благъ, которыхъ добивался, и понялъ, что былъ губителемъ собственнаго своего счастья.

Докторъ Фельсъ.

Но развѣ у тебя нѣтъ жены, которая тебя любитъ и достойна любви твоей?

Генрихъ (*нѣжно*).

Да, она мать моихъ дѣтей!

Докторъ Фельсъ.

Она для тебя болѣе, Генрихъ, она другъ твоя.

Генрихъ.

Знаю, докторъ, знаю, и никогда не огорчу ее!

Докторъ Фельсъ.

Но грусть твоя дѣлаетъ ее несчастливою; Генрихъ, ты обязанъ, ты долженъ беречь ее.

Генрихъ.

О, будьте увѣрены, докторъ, я умѣю цѣнить ее, и повторяю, что счастье и спокойствіе ея дороги мнѣ. Но мнѣ было такъ отрадно излить мое сердце въ сердце друга; мнѣ теперь такъ легко, такъ легко, докторъ...

Докторъ Фельсъ.

И повѣрь мнѣ, что это есть уже начало твоего исцѣленія. Только въ романахъ пишутъ о вѣчности первой любви; но въ нашей дѣйствительной, прозаической жизни, она проходитъ также скоро, какъ и всѣ другія впечатлѣнія. Мы видимъ это всякій день. Теперь, когда ты облегчилъ свое сердце довѣренностью, поиди къ женѣ своей, и приласкай ее, бѣдную...

Генрихъ.

Не поручила ли она вамъ поговорить со мною?

Докторъ Фельсъ.

Нѣтъ, она только жаловалась на твою задумчивость... (*весело*) Ну, полно объ этомъ, Генрихъ; не оставайся одинъ, дѣлай побольше движенія; все это ничтожное, какъ излишняя мечтательность, слѣдствіе полнокровія. И стоитъ ли думать объ этомъ: что прошло, то прошло!.. Прощай, Генрихъ, завтра надѣюсь найти тебя въ лучшемъ расположеніи духа (*ухо-*

да) оставь мертвыхъ въ покоѣ, и помни слова Шиллера: только живые правы!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Генрихъ, потомъ Конрадъ.

Генрихъ.

Да, я хочу попытаться еще... быть можетъ, мучительныя мысли покинуть меня наконецъ... теперь мнѣ стало какъ-то легче, когда я высказалъ свое горе. Оно терзало меня такъ ужасно потому, что я долженъ былъ таить его въ глубинѣ души моей. Теперь я дышу свободнѣе. Да, докторъ правъ, все это только избытокъ мечтательности, я долженъ побѣдить ее, Богъ поможетъ мнѣ.. Одно только могло бы опять возвратити мнѣ всѣ мои мученія—встрѣча съ нею!.. Часто, однако же, думаю я, что если бъ это случилось, я подошелъ бы къ ней спокойно, прижалъ бы руку ея къ моему сердцу, подвелъ бы ее къ Юли, и сказалъ: заключимъ между собою вѣчный союзъ и будемъ друзьями; свѣтъ сталъ бы смѣяться надъ этимъ; но сонмъ ангеловъ порадовался бы такой святой, чистой дружбѣ!

Конрадъ (за кулисами).

Прошу обождать, я сію минуту доложу о васъ. (Входитъ.) Вы дома, Г. Баронъ, вы не ходили къ должности, а вѣдь нынѣ присутственный день!... Тамъ пришла молодая дама....

Генрихъ (берембиралъ бумаги).

Кто?

Конрадъ.

Новая гувернантка; она жаждетъ представиться вамъ.

Генрихъ.

Ахъ, Боже мой, къ чему это?

Конрадъ.

Дѣти видѣли уже, ее и очень полюбили... Прикажете ей прийти въ другой разъ?

Генрихъ.

Я занятъ и какъ-то не расположенъ говорить. Впрочемъ, позови ее.

Конрадъ.

Пожалуйте сюда, Г. Баронъ проситъ васъ. (Впускаетъ Марію и самъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Генрихъ сидитъ у письменнаго стола и перебираетъ бумаги, Марія тихо приближается къ аванс-сценѣ, потомъ

Конрадъ.

Генрихъ (не оглядываясь).

Я сію минуту къ вашимъ услугамъ.

Марія (въ сторону).

Боже! какой голосъ!

Генрихъ.

Только одну бумагу... нужны дѣла...

Марія (въ сильномъ волненіи и устремивъ глаза на рамку съ шитьемъ).

Гдѣ я?... Что со мною?... Что вижу я тамъ?... Букетъ этотъ какъ-то знакомъ мнѣ..

Генрихъ.

Вы, какъ я слышалъ, хорошая музыкантша.... знаете языки....

Марія.

Всемогущій Боже! это Генрихъ!... (Хочетъ бѣжать.)

Генрихъ.

Вотъ я и кончалъ. (Встаетъ и съ възлостію обращается къ Марію) Извините меня, сударыня. (Узнаетъ Марію и въ сильномъ волненіи восклицаетъ.) Марія! (Какъ будто уничтоженный.) Такъ вотъ какъ свидѣлись мы опять! (Марія хочетъ удалиться, Генрихъ беретъ ее за руку и останавливаетъ.) Остань-

ся Марія!... (Долго смотритъ на нее.)
Вотъ какъ свидѣлись мы опять!

Марія (стараясь скрыть
свое волненіе).

Г. Баронъ.... я не знала, не могла по-
дозрѣвать.... чтобъ это мѣсто гувернантъ....

Генрихъ.

О! эти звуки, эти звуки, какъ сладко
рздаются они въ груди моей....

Марія (дѣлаетъ усиліе,
чтобъ уйти отъ
него).

Г. Баронъ! при такихъ обстоятель-
ствахъ.... я не могу.... я не должна....

Генрихъ (нѣжно).

Останься, Марія! Само небо привело
тебя сюда!

Марія.

Умоляю васъ!... Ваши обязанности....
ваша супруга. (Генрихъ заграждаетъ ей
дорогу.) Пустите меня, Г. Баронъ, пу-
стите!...

Генрихъ.

Г. Баронъ! О! какъ все измѣнилось!...

Марія.

И потому-то я не могу, не должна
оставаться въ вашемъ домѣ.

Генрихъ (съ рѣшитель-
ностью).

Не должна?... это мое дѣло!... Ахъ,
Марія, зачѣмъ хочешь ты бѣжать отъ
меня?... (Смотритъ на нее и потомъ по-
тупляетъ глаза.) Что же молчишь ты?
Уничтожь меня своими упреками!

Марія.

Не ожидайте ихъ отъ меня, они не
искупили бы моихъ страданій.... теперь,
теперь все кончено!... (вырывается отъ
него.) Пустите меня, я прощаю вамъ все.

Генрихъ.

Но я не прощаю самого себя.... Остань-
ся, Марія, останься до тѣхъ поръ, пока
я не устрою твоей будущности.

Марія.

Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

Генрихъ.

Родители твои умерли; ты осталась въ
бѣдности, въ несчастіи, и всему виноватъ
я!... Я клялся твоей матери никогда не
покидать тебя и — неблагодарный, я по-
кинулъ, бросилъ тебя!

Марія.

Что дѣлать; вѣрно такъ было угодно
судьбѣ: я не рошу на нее... Но, ради
Бога, пустите меня....

Генрихъ (удерживая ее).

Марія, если ты цѣнишь во что нибудь
счастіе жены моей, если хочешь сохра-
нить дѣтямъ моимъ отца ихъ — останься.

Марія.

Генрихъ.... успокойся, прійди въ себя!

Генрихъ.

Это неожиданное свиданіе сразило,
уничтожило меня, и только одна мысль,
что жена моя будетъ твоимъ другомъ,
можетъ нѣсколько успокоить меня.

Конрадъ (входитъ).

Г-жа Баронесса изволила пріѣхать и
ожидаетъ васъ къ себѣ.

Марія.

Правосудный Боже! теперь, послѣ та-
кого открытія!...

Генрихъ.

Я слышу ее.... пооди къ ней, Марія,
она добра и благородна; она приметъ те-
бя радушно; вы полюбите другъ друга....
Пооди, Марія, она могла бы прійти сюда,
и увидѣла бы мое волненіе.... Ты пой-
дешь, Марія? (Смотритъ на нее съ нѣж-
ностію.) Марія! моя первая любовь!...

Марія (увлеченная чув-
ствомъ, говоритъ
со слезами).

Генрихъ! (Опомнись.) Иду; но не на-
дѣйтесь, чтобъ я осталась здѣсь. Я при-
учила уже себя къ мысли считать васъ
какъ бы мертвымъ, и беречь воспомина-
ніе о любви нашей, какъ берегутъ цвѣты,

украшающіе могилу друга. (*Уходитъ тихо.*)

ГЕНРИХЪ (*смотритъ въ слѣдъ ей*).

И вотъ женщина, которая могла быть моею! Безумецъ! безумецъ! какихъ мученій избѣгнулъ бы я, если бѣ остался вѣренъ своимъ клятвамъ!... (*Прислушивается.*) Теперь онѣ вмѣстѣ, теперь должна рѣшиться судьба всей моей жизни!... О! какъ холодно, какъ важно говоритъ она съ нею!... Неужели и сердца самыя благородныя не могутъ найти тотчасъ тона, которымъ они должны говорить несчастью!... Она спрашиваетъ о ея познаніяхъ, испытываетъ ее.... Вотъ, вотъ она требуетъ, чтобъ Марія сѣла за фортепіаны. (*За кулисами раздаются нѣжные, грустные аккорды, которые скоро переходятъ въ громкіе, бурные пассажи*) О Боже! какія мученія должны терзать тебя, бѣдная страдалица!... Какіе дикіе, бурные звуки!... въ нихъ изливается вся душа ея; она бессознательно выражаетъ то,

чѣмъ преисполнено ея сердце!... отъ все громче и громче становятся ея аккорды.... (*Музыка вдругъ умолкаетъ.*) Что это?... порвалась струна.. О, Боже! что со мною?.. холодная дрожь обдаетъ меня... но она все еще остается тамъ.... (*хочетъ устремиться къ двери.*) Куда, безумецъ? Что хочешь ты дѣлать? О, какое мученіе! Здѣсь долгъ, тамъ клятвы! (*Задумывается.*) Это неожиданное свиданіе!... Память минувшаго.... первая любовь.... все это снова взволновало меня!... О, сердце! сердце! Зачѣмъ бьешься ты такъ сильно въ груди моей; зачѣмъ стремишься ты къ тому, что погибло для тебя? (*Съ рѣшительностью.*) Нѣтъ, нѣтъ, я не въ силахъ побѣдить себя... Я признаюсь во всемъ Юліи, пусть она будетъ судьбою моихъ чувствъ.... Свѣтъ можетъ осудить меня, но сердце чистое и благородное пойметъ меня и утѣшитъ.... Къ ней, къ ней за спокойствіемъ и счастіемъ. (*Бросается стремительно въ комнату Юліи.*)

ДВѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната въ домѣ Барона Юрдана. Трое дверей, направо окно; направо столъ, на которомъ лежатъ карандаши и бумага.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГЕНРИХЪ, ПОТОМЪ КОНРАДЪ И РЕФЕРЕНДАРИЙ ФЕЛЬСЪ.

ГЕНРИХЪ (*входитъ въ красивомъ охотничьемъ платьѣ, съ шпорами и хлыстомъ*).

Конрадъ! Конрадъ! Скоро ли будутъ готовы лошади?...

КОНРАДЪ.

Ихъ выводятъ сію минуту, Г. Баронъ.

ГЕНРИХЪ.

Вели, чтобъ ихъ хорошенько осѣдали, мнѣ на уздечкѣ, а Фельсу, какъ всегда, на мундштукѣ.

КОНРАДЪ.

Слушаю, Г. Баронъ. (*Уходитъ.*)

ГЕНРИХЪ (*вынимаетъ изъ кармана письмо, и распечатываетъ его*).

Она отдала мнѣ мимоходомъ эту записку. Что-то она пишетъ? До сихъ поръ я не имѣлъ еще довольно мужества, чтобъ признаться во всемъ женѣ.... а вотъ уже восемь дней, какъ Марія здѣсь. (*Читаетъ.*) Прошу покорно!... Этотъ дуракъ Вольфъ преслѣдуетъ бѣдную дѣвушку.... (*Читаетъ.*) «Я не въ состояніи сносить долге такого положенія, меня мучитъ безпрестанно мысль, какъ жестоко оскорбляю я благородное, любящее сердце жены вашей. Кромѣ всего этого страдаю я отъ преслѣдованій человѣка, который уже около года не даетъ мнѣ покоя и надѣдаетъ своимъ нѣжностями; зная его, я не могу сомнѣваться въ его подлыхъ видахъ, и не имѣю возможности избѣгнуть здѣсь встрѣчи съ нимъ.» Уже около года! И чтобъ имѣть больше возможности преслѣдовать свою жертву, онъ помѣстилъ ее въ домъ, гдѣ принять какъ хорошій знакомый!... А! Г. Ассессоръ, мы перемолвимъ съ вами слово на счетъ этого!...

Фельсъ (*входитъ*).

Здравствуй, Иорданъ; знаешь ли ты какую новость принесъ я тебѣ?

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ.

ФЕЛЬСЪ.

Въ Министерствѣ рѣшено, что ты черезъ мѣсяцъ будешь совѣтникомъ.

ГЕНРИХЪ.

Наконецъ!

ФЕЛЬСЪ.

Наконецъ! помилуй, братецъ, ты, кажется, все хочешь брать штурмомъ.

ГЕНРИХЪ.

Да, мнѣ надобно торопиться впередъ, чтобъ выйти изъ того зависимаго состоянія, которое мнѣ несносно. Тогда только, Фельсъ, буду я въ настоящей своей сти-

хи, тогда только буду я совершенно доволенъ и счастливъ.

ФЕЛЬСЪ.

Впрочемъ, ты и теперь, кажется, довольно веселъ, и я радуюсь, видя тебя въ такомъ хорошемъ расположеніи духа.

ГЕНРИХЪ.

Вотъ уже недѣля, какъ я сталъ совершенно другимъ человѣкомъ.

ФЕЛЬСЪ.

Слава Богу! когда ты пріѣхалъ сюда, ты былъ страхъ какъ угрюмъ и мраченъ. Теперь тебя видишь, по крайней мѣрѣ, въ обществѣ, въ театрахъ, на гуляньяхъ.

ГЕНРИХЪ.

Я былъ боленъ нравственно и тѣлесно, теперь чувствую я себя совершенно здоровымъ; я какъ будто переродился, и теперь хотѣлъ бы прижать къ моему сердцу цѣлый міръ (*обнимаетъ его*), какъ тебя, моего Германа, моего друга! Ну, теперь на лошадей, онѣ ждутъ насъ!...

ФЕЛЬСЪ.

Куда же мы поѣдемъ?

ГЕНРИХЪ.

Куда хочешь; мимо оконъ какойнибудь красавицы: у тебя вѣрно есть какаянибудь на примѣтѣ?

ФЕЛЬСЪ.

Да, я принялъ было привычку ходить и вздирать все по одной и той же улицѣ...

ГЕНРИХЪ (*смѣясь*).

Право!... Такъ и ты наконецъ влюбленъ?

ФЕЛЬСЪ.

Влюбленъ?... Нѣтъ, братъ, это такъ, шалость; меня не скоро завербуютъ, а если это и случится, то какънибудь нечаянно; я считаю женитьбу за такой прыжокъ, который только тогда удастся, когда его сдѣлаешь экспромтомъ, безъ всякихъ приготовленій! Поѣдемъ, однако же, я покажу тебѣ съ десятокъ оконъ, у которыхъ вмѣсто цвѣтовъ красуются самыя прелестныя женскія головки.

Генрихъ.

Нѣтъ, нѣтъ, покажи мнѣ только то окно, въ которое смотритъ твоя богиня.

Фельсъ.

Мнѣ право совѣстно, видишь, какъ я краснѣю!

(Уходятъ оба, громко смѣясь.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Докторъ Фельсъ и Юлія *входятъ съ правой стороны.*

Докторъ Фельсъ.

Что же хотите вы еще? Къ величайшему изумленію моему, вижу я на дворѣ осѣдланныхъ лошадей... Г. Баронъ изволитъ ѣхать прогуливаться!.. Развѣ это не доказательство совершеннаго выздоровленія? Посмотрите *(подходитъ къ окну)*, какимъ молодцомъ онъ сидитъ на лошади... Что жъ вы не кланяетесь: онъ киваетъ вамъ головою. *(Юлія кланяется съ принужденною веселостію.)* Что это?... мнѣ кажется, будто теперь вы въ свою очередь повѣсили голову?... Чѣмъ же вы недовольны?

Юлія *(съ огорченіемъ)*.

Ни сколько, я совершенно довольна; эта веселость Генриха дѣлаетъ меня счастливою.

Докторъ Фельсъ.

Однако же, глядя на васъ, никто этого не скажетъ. Что съ вами?

Юлія.

Ничего! привыкнувъ видѣть мужа моего такъ долго задумчивымъ и мрачнымъ, я вѣроятно не могу еще освоиться съ его внезапною веселостію.

Докторъ Фельсъ.

Да, вѣрно что нибудь похожее на это... въ противномъ же случаѣ, прошу извинить меня, сударыня, но...

Юлія.

Что жъ можете вы предполагать, лю-

безный докторъ? Впрочемъ, сказать правду, мнѣ кажется страннымъ, что довольно было одного разговора съ вами, чтобъ совершенно измѣнить Генриха и заставить его отбросить вовсе ту мрачную задумчивость, которая нѣсколько лѣтъ отравляла мое счастье, и которую не могли разсѣять всѣ мои попеченія... Ахъ! Боже мой, грустно подумать о такихъ бездѣлицъ зависить часто спокойствіе бѣдныхъ женщинъ!

Докторъ Фельсъ.

Не только женщинъ, но и всѣхъ людей, любезная Баронесса! Повѣрьте мнѣ, хорошее кровопусканіе, ванна, моціонъ, все это, предписанное во время, можетъ произвести чудеса, и я убѣжденъ, что вся Всемирная Исторія имѣла бы совершенно другой характеръ, если бъ эти средства были употреблены, какъ должно.

Юлія.

Нынѣшняя веселость Генриха страшитъ меня какъ-то болѣе, чѣмъ прежняя грусть его. Отчего эта внезапная перемѣна? Отчего обязанъ онъ ею не мнѣ, не моимъ убѣжденіямъ? И въ самой веселости этой есть что-то странное, болѣзненное; что-то такое, что меня болѣе изумляетъ, чѣмъ радуетъ.

Докторъ Фельсъ *(смѣясь)*.

Признаюсь, я никогда не ожидалъ, чтобы можно было такъ анатомировать нравственную сторону человѣка!

Юлія *(съ большою рѣшимостью)*.

Смѣйтесь надо мною, сколько хотите, но я не могу скрыть моего безпокойства. Онъ во всемъ дѣйствуетъ не такъ, какъ другіе; онъ не знаетъ границъ ни въ радости, ни въ горѣ. Я часто пугаюсь той пылкости, съ какою онъ обнимаетъ дѣтей, той горячности, которою онъ показываетъ иногда въ разговорахъ со мною или съ гувернанткой нашей, съ этой Маріей...

Докторъ Фельсъ (*перебивая ее, и взявъ за руку шуппаетъ пульсъ*).

Боже мой! ужъ не ревнivy ли вы?

Юлія.

Перестаньте докторъ; я не ревнива, но несчастлива.

Докторъ Фельсъ (*смѣясь*).

Послушайте, что я скажу вамъ. Мы, доктора, признаемъ существованіе одной болѣзни, родъ матеріи *rekans*, которая переходитъ отъ одного субъекта къ другому. Что, если вы подверглись теперь ей, и если она отъ вашего мужа изволила переселиться въ васъ!... Перестаньте, сударыня, выбросьте изъ головы всѣ вздорныя мысли; неужели вы хотите раздражать вашему супругу? Если вы не слушаетесь меня, я примусь лечить васъ серьезно; берегитесь же и будьте веселы и спокойны....

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Юлія, потомъ Конрадъ и Вольфъ.

Юлія (*садится къ столу, беретъ карандашъ и начинаетъ рисовать*).

Добрый, хорошій человекъ, но чрезвычайно односторонній въ своихъ мнѣніяхъ. Каждую болѣзнь души приписываетъ онъ сгущенію крови.... Если бъ это действительно было такъ, то исцѣленіе было бы нетрудно, и мы никогда не знали бы горя... Впрочемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи онъ правъ: я должна искать разсѣянія, чтобъ хоть на минуту освободиться отъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ меня. (*Задумчиво*.) Генрихъ говорилъ мнѣ какъ-то недавно, чтобъ я попробовала нарисовать портретъ Ма-

рин, увѣряя, что онъ вѣрно будетъ похожъ. Неужели самолюбіе его хотѣло, чтобъ я выказала свой талантъ передъ этой молодой дѣвушкой. Нѣтъ, у него было что-то другое на умѣ, я угадала это по тону его голоса. И для чего хотеть онъ, чтобъ узы самой нѣжной дружбы связывали меня съ нею. Для чего?...

Конрадъ.

Ассессоръ Вольфъ!

(*Юлія встаетъ*).

Вольфъ.

Сдѣлайте одолженіе, Баронесса, не безпокойтесь.... останьтесь при вашихъ занятіяхъ.

Юлія (*показывая ему на стулъ*).

Прошу садиться, здѣсь, подлѣ меня.

Вольфъ (*беретъ стулъ*).

Я хотѣлъ только навѣдаться мимоходомъ о вашемъ драгоценномъ здоровьѣ.... Что это? (*Смотритъ на рисунокъ*). Опять новое соперничество съ Рафаэлемъ?

Юлія (*смѣясь*).

Такъ, маленькій эскизъ!

Вольфъ.

Позвольте взглянуть. Ваша картина на послѣдней выставкѣ была безпрестанно окружена толпою публики.

Юлія.

Вѣроятно для того, чтобъ смѣяться надъ несмѣтнымъ множествомъ ошибокъ моихъ.

Вольфъ.

Излишняя скромность; вѣдь вы принадлежите къ Дюссельдорфской Школѣ, которая должна гордиться вами... Позвольте, это, кажется, очеркъ портрета дѣвicy Винтеръ?

Юлія.

Находите ли вы сходство?

Вольфъ.

Чрезвычайное! Не хотите ли вы сдѣ-

латъ этимъ портретомъ сюрпризъ вашему супругу?

Юлія.

Моему мужу?

Вольфъ (съ злобною насмѣшкой).

Я такъ предполагалъ.... Знаете ли вы, что онъ сказалъ недавно въ одномъ обществѣ?

Юлія.

Что?... (Опомнясь говоритъ съ улыбкой). Вы возбуждаете мое любопытство, Г. Вольфъ.

Вольфъ (также улыбаясь).

Съ нѣкотораго времени, Г. Баронъ сталъ чрезвычайно веселъ и шутивъ.

Юлія.

Но что же сказалъ онъ?

Вольфъ (смѣясь).

Что онъ похожъ на Графа Глейхена, потому что и у него теперь двѣ жены.

Юлія (пересиливаетъ свое волненіе и говоритъ шутивымъ тономъ).

Браво!... а я думала, что ему и съ одною довольно хлопотъ. (Послѣ минутнаго молчанія встаетъ, довольно встревоженная, и идетъ къ окну, какъ будто хочетъ посмотреть въ него).

Вольфъ.

А между тѣмъ свѣтъ завидуетъ ему и въ этой одной!... (Въ сторону). Это дѣйствуетъ! Марія должна оставить этотъ домъ; (въ сторону) будемъ продолжать въ этомъ тонѣ.

Юлія (у окна).

Никого! (Возвращаясь). Мнѣ показалось, будто кто-то подѣхалъ. (Садится опять къ столу и тушуетъ рисунокъ карандашемъ).

Вольфъ.

Боже мой! что вы дѣлаете; вы уничтожаете эти прекрасныя черты! (Садится опять) Сію минуту встрѣтилъ я Г. Барона съ другомъ его, Г. Фельсомъ; они скакали во весь опоръ.... Право, удивительно, какъ Г. Баронъ въ короткое время перемѣнился....

Юлія.

И вы также находите это?

Вольфъ.

Его нельзя узнать; онъ совершенно переродился. Когда вы въѣхали въ этотъ домъ, я испугался, увидѣвъ вашего супруга; онъ былъ такъ мраченъ, такъ угрюмъ!... Теперь.... онъ совсѣмъ другой... и перемѣна эта сдѣлалась замѣтна въ немъ, кажется, именно съ того дня, въ который я имѣлъ честь рекомендовать вамъ вашу нынѣшнюю гувернантку.... Кстати, довольны ли вы ею?...

Юлія.

Очень!... Небольшое путешествіе, которое онъ предпринималъ, развлекло его и сдѣлало много ему пользы....

Вольфъ.

Да, путешествіе и еще другое кое-что; онъ самъ говорилъ это....

Юлія.

Я, право, удивляюсь, съ какою подробностью извѣстно вамъ все, касающееся до него.... Что жъ сказалъ онъ?

Вольфъ.

То, что не смотря на страсть свою къ хорошимъ картинамъ, онъ рѣшился не покупать ихъ съ тѣхъ поръ, какъ у него въ домъ, вмѣсто бездушныхъ образовъ, такъ много прекрасныхъ живыхъ красотъ. (Смѣется).

Юлія.

Что жъ вы тутъ находите страннаго?

Вольфъ.

Я, ничего; но свѣтъ ловить всегда по-

добныя выраженія, и дѣлаеть свои заключенія... Часто смотрю я съ удивленіемъ на вашего супруга, когда встрѣчаю его въ саду... листья падаютъ ужъ съ дерева, аллеи рѣдѣютъ, воздухъ холодѣеть, а онъ, не замѣчая ничего, гуляетъ себѣ по нѣскольку часовъ сряду, съ дѣвицею Винтеръ...

Юлія.

Съ Маріей?

Вольфъ.

Да, это доказываетъ, впрочемъ, только чрезмѣрную любовь его къ дѣтямъ; онъ хочетъ вниманіемъ своимъ, котораго нельзя высказать, вознаградить ее за попеченія, которыя она прилагаетъ о нихъ. Какъ долженъ я быть благодаренъ ему за такое хорошее обращеніе съ дѣвушкой, которая по моей рекомендаціи была принята у него въ домъ. Право, самая близкая родственница не могла бы ожидать большей приязни.

Юлія (*встаетъ въ сильномъ волненіи*).

Извините меня, Г. Ассессоръ... домашнія занятія... хозяйство... требуютъ моего присутствія.

Вольфъ.

Мнѣ надобно просить у васъ извиненія... Баронесса; я засидѣлся такъ долго...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Конрадъ (*объяетъ*), потомъ Генрихъ, Референдарій Фельсъ и прежнія.

Конрадъ.

Не пугайтесь, Г-жа Баронесса, не пугайтесь!

Юлія.

Боже мой, что случилось?

Фельсъ (*выталкивая Конрада за дверь*).

Ничего, ничего.... Этотъ старый болтушъ только напрасно встревожилъ васъ.

Генрихъ.

Ничего, другъ мой, успокойся... я имѣлъ неловкость упасть вмѣстѣ съ лошадыю.

Юлія.

Генрихъ, ты ушибся, ты раненъ!...

Фельсъ.

Ничего не бывало, онъ цѣлъ и здоровъ, посмотрите сами; эта проклятая мельница всему виновата.... лошадь испугалась, кипулась въ сторону и растянулась вмѣстѣ съ нимъ. Впрочемъ, все благополучно, мы отдѣлались только страхомъ.

Генрихъ (*садится потирая правую ногу*).

Успокойся, Юлія, это рѣшительно ничего; такъ, маленькій толчокъ....

Вольфъ.

Повѣрьте, Баронъ, что я чрезвычайно сожалею... вамъ нуженъ покой... позвольте пожелать вамъ добраго вечера. (*Хочетъ идти*).

Генрихъ.

Куда вы такъ спѣшите, Г. Вольфъ... я бы желалъ имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами еще минутку.

Вольфъ.

Со мною?

Фельсъ.

Въ такомъ случаѣ, не хочу мѣшать вамъ; къ тому же мнѣ пора. (*Къ Юліи, кланяясь ей почтительно*). Баронесса!... (*Къ Вольфу*). Г. Вольфъ. (*Насмѣливо*). Кстати: говорятъ, вамъ поручена ревизія дѣлъ... радуюсь, радуюсь; вы, конечно, приведете все въ должный порядокъ. (*Раскланявшись, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Генрихъ, Вольфъ и Юлія.

Вольфъ.

Я къ вашимъ услугамъ, Г. Юрданъ. (*Садится*).

Генрихъ (*съ примѣтною горячностію, которую онъ старается однако же умлрить*).

Г. Вольфъ, я слышалъ, что вамъ угодно обращать иногда особенное вниманіе на слова, сказанныя мною въ шутку, и давать имъ другой смыслъ; что вы любите все преувеличивать, и часто дѣлаете изъ мухи слона.

Вольфъ (*показывая на Юлію*).

Г. Баронъ, прошу васъ.... подумайте, что вы говорите.

(*Юлія хочетъ идти*).

Генрихъ.

Останься, другъ мой, останься!.. прошу тебя.... (*къ Вольфу*). Г. Вольфъ, вы слишкомъ неосторожны, слишкомъ опрометчивы.... Вы не оказываете должнаго уваженія моему дому....

Вольфъ (*встаетъ*).

Г. Баронъ!

Генрихъ.

Молодая дама, которую вы намъ рекомендовали, кажется, не расположена отблагодарить васъ такъ, какъ вы того надѣялись.... (*Юлія дѣлаетъ знакъ движенія, чтобъ выйти*). Останься, милая Юлія! Дѣло это касается гораздо болѣе до тебя, чѣмъ до меня; останься....

Юлія (*садится опять къ столу и говоритъ про себя*).

По тону, съ какимъ онъ будетъ говорить о ней, постараюсь угадать о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ...

Вольфъ.

Мы можемъ въ другое время...

Генрихъ.

Нѣтъ, Г. Вольфъ, не въ другое время, а теперь хочу я говорить съ вами... Мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, что вы

ухаживаете за воспитательницею дѣтей моихъ... что вы преслѣдуете ее давно.

Юлія (*съ сторону*).

Онъ?

Вольфъ.

Преслѣдую?... Я?..

Генрихъ (*примѣтно разгорячаясь*).

Но она нерасположена отвѣчать вамъ, вы понимаете меня, Г. Вольфъ, не расположена ни сколько...

Вольфъ.

Къ чему, позвольте васъ спросить?..

Генрихъ.

Увѣряю васъ, что она не расположена къ вамъ, что вы ей противны... понимаете ли вы меня, Г. Вольфъ?..

Вольфъ (*внутренно взбѣшенный, но стараясь скрыть это чувство*).

Не совсѣмъ, любезный товарищъ!..

Генрихъ (*вскакивая*).

Какой я вамъ товарищъ!.. Сатана можетъ быть вашимъ товарищемъ, а не я (*Юлія прокрадывается къ двери сосѣдней комнаты и скрываясь за нее оставляетъ ее незатворенною*); какъ осмѣлились вы обратить взоры на дѣвушку, которая такъ же недоступна для васъ, какъ недоступенъ рай для грѣшника; какъ осмѣлились вы преслѣдовать ее вашими гнусными намѣреніями... Совѣтую вамъ бросать ваши сѣти въ другомъ мѣстѣ... люди, подобные вамъ, могутъ ловить рыбу только въ мутной водѣ...

Вольфъ (*взглянувъ съ ту сторону, куда ушла Юлія*).

Я вижу, что эта мутная вода становится здѣсь очень ясна... но я спрошу васъ, въ свою очередь, Г. Баронъ, какъ смѣете вы говорить со мною такимъ образомъ?

Генрихъ.

Въ этомъ я не обязанъ вамъ отчетомъ; однимъ словомъ, я запрещаю вамъ имѣть

какіе бы те ни было виды на эту дѣв-
шку...

Вольфъ.

По какому праву?.. Развѣ она избрала
васъ своимъ опекуномъ?..

Генрихъ.

Я самъ принимаю на себя это званіе.

Вольфъ (*злобно*).

Въ такомъ случаѣ, я прошу у васъ ру-
ки этой дѣвочки.

Генрихъ.

У меня? У меня?.. Что вы хотите ска-
зать этимъ, государь мой?..

Вольфъ.

Вы сами запутываетесь въ словахъ сво-
ихъ и противорѣчите себѣ, Г. Баронъ.

Генрихъ (*внѣ себя*).

Нѣтъ, нѣтъ, неправда!.. Вы хотите на-
звать своею женщиною, которую судьба со-
здала столь совершенною, что отказала въ
ней даже и тому, кто... умѣлъ постичь
ее... Для такой женщины надобно родить-
ся такимъ, какъ она.. чтобъ имѣть право
назвать ее своею, надобно было любить
ее, страдать съ нею, плакать съ нею,
жить ея жизнью, благоговѣть предъ нею...
и вы, вы хотите.. О! Г. Вольфъ, вы мнѣ
жалки, вы заставляете меня смѣяться...

Вольфъ.

Смѣйтесь, смѣйтесь!.. (*взглянувъ на ком-
нату, идѣ Юлія.*) Другіе, можетъ быть,
будутъ плакать...

Генрихъ.

Ни слова болѣе, оставьте домъ мой!

Вольфъ.

Иду, иду; но что касается до ва-
шихъ оскорбленій, вы вспомните обо
мнѣ...

Генрихъ (*взглянувъ на
нею презрительно*).

Вы, кажется, грозите мнѣ...

Вольфъ.

Хорошо, хорошо... вы вспомните обо
мнѣ! (*Идетъ къ двери*).

Генрихъ.

Я не боюсь васъ!.. Обкрадываютъ вдовъ

и сиротъ, обкрадываютъ цѣлый міръ; но о-
ставьте небу то, что принадлежитъ ему
одному (*закрываетъ за нимъ дверь, Юлія
между тѣмъ показывается*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГЕНРИХЪ и Юлія.

Юлія (*трепещущимъ го-
лосомъ*).

Генрихъ, я все слышала, все поняла...
Могла ли я когда нибудь думать, что на-
станетъ минута, въ которую между мной
и тобой разверзнется ужасная, глубокая
пропасть!.. Сцена, которой я была сви-
дѣтельницею, конечно, не отторгнетъ меня
совершенно отъ того, кого дѣти мои на-
зываютъ отцемъ своимъ; но она разры-
ваетъ навсегда тѣ узы, которыя привязы-
вали сердце мое къ человѣку, избранному
моею любовью!..

Генрихъ (*въ сторону*).

Я измѣнилъ себѣ... теперь скажу ей все...

Юлія.

Я была бы въ состояніи перенести тер-
пѣливо всѣ несчастія, всѣ потери; я да-
же почти ожидала ихъ... (*со слезами*) не
ожидала только одного — потери любви
твоей!..

Генрихъ (*нѣжно*).

Милая, добрая Юлія!..

Юлія (*съ негодованіемъ*).

Оставь эти нѣжныя названія, которыя
теперь потеряли для меня всю прелесть...
Пламенные слова, которыми ты сію мину-
ту выразилъ блаженство, находимое въ об-
ладаніи любимой дѣвочкой, раздаются еще
въ ухахъ моихъ!.. Слова эти, какъ голосъ
демона, прокричали мнѣ: ты никогда не
была для него этой женщиной!.. (*Въ от-
чаяніи падаетъ на кресла*.) О Боже! Бо-
же! и я должна была слышать это!..

Генрихъ (*спокойно и крот-
ко*).

Милая Юлія, всякій другой мужъ на
моемъ мѣстѣ сталъ бы оправдываться, сталъ

бы искать средства успокоить тебя и разувѣрить.

Юлія (*стремительно*).

А ты даже и этого не хочешь сдѣлать!..

Генрихъ (*нѣжно*).

Вотъ видишь ли, другъ мой, я такъ вѣрю въ прочность нашихъ взаимныхъ чувствъ и въ счастливое окончаніе этой тягостной сцены, что ко всѣмъ безпокойствамъ, которыя мучаютъ тебя теперь, рѣшаюсь прибавить еще новое...

Юлія (*внѣ себя*).

Еще новое?..

Генрихъ.

Да, но оно будетъ только минутнымъ... (*принуждаетъ ее стѣсть и подвигаетъ къ ней свое кресло*.) Юлія, ты знаешь тотъ поблеклый, вышитый букетъ цвѣтовъ, который всегда у меня на столѣ?.. Онъ вышитъ рукою Маріи.

Юлія (*вскакиваетъ*).

Рукою Маріи!..

Генрихъ (*сажая ее снова, говоритъ съ чувствомъ*).

Выслушай, выслушай меня!.. (*нѣжно*) Сію минуту была ты свидѣтельницей, что Марія только по просякамъ этого человѣка, который преслѣдуетъ ее своею презрѣнной любовью, успѣла вступить въ домъ нашъ. Я увидѣлся опять съ нею въ первый разъ тогда только, когда она, пришедши сюда, обратилась ко мнѣ, какъ къ отцу тѣхъ малютокъ, которыхъ должна была воспитывать. Узнавъ меня, она хотѣла бѣжать; я принудилъ ее остаться... (*Юлія опять дѣлаетъ движеніе, чтобы встать*) Юлія, не принимай этого въ дурную сторону; Юлія, ты не хочешь выслушать меня!.. (*Юлія, вырвавшись отъ него, перебѣгаетъ на другую сторону сцены*).

Юлія.

Я не знаю, живу ли я еще!..

Генрихъ (*спокойно приближается къ ней*).

Я хочу объяснить тебѣ причины, заставившія меня поступать такимъ образомъ. Марія бѣдна; у ней нѣтъ никого въ мірѣ, и чтобъ имѣть средства къ существованію, она должна искать ихъ въ домахъ людей, чужихъ для нее...

Юлія.

Ты могъ бы удѣлить ей отъ нашихъ избытковъ; могъ бы безъ моего и ея вѣдома помогать черезъ кого нибудь посторонняго.

Генрихъ.

Нѣтъ, Юлія, она слишкомъ горда, и никогда не приняла бы помощи, не зная откуда она происходитъ.

Юлія.

Я также горда не менѣе ее, и никогда не соглашусь раздѣлять съ другою властью въ моемъ домѣ.

Генрихъ.

Власть въ домѣ! въ твоемъ домѣ! Я думалъ до сихъ поръ, что вся власть твоя и всѣ дѣйствія имѣли цѣлю только одно мое счастье.

Юлія.

И чтобъ увеличить это счастье, должна я сносить присутствіе женщины, которая, какъ ты самъ выразился, снова зажгла въ тебѣ весь пламень твоей прежней страсти?..

Генрихъ.

Юлія, я люблю тебя; я счелъ бы потеряннѣе невозвратно все мое счастье, еслибъ лишилъ тебя, жену мою, правъ, тебѣ принадлежащихъ... Но и ты съ своей стороны выйди спокойно въ мои чувства; пойми ихъ, усвой ихъ себѣ, и ты увидишь, что въ сердцѣ своемъ я не виновать предъ тобою...

Юлія.

Не предполагай во мнѣ великодушія, котораго я не имѣю; не вѣрь моей твердости въ борьбѣ съ собственнымъ моимъ сердцемъ; я ничто болѣе, какъ слабая

женщина, и хочу остаться ею, хочу упорствовать въ этой слабости.

Генрихъ.

Ты клеветашь на себя, Юлія!... Развѣ я сказалъ тебѣ, что еще люблю Марію?... Но я много виноватъ передъ нею, я погубилъ всю ея будущность! Я поставилъ ее въ то ужасное положеніе, которое заставляетъ ее теперь служить въ чужомъ домѣ изъ пропитанія....

Юлія (*стремительно*).

И за все это должна расплачиваться я?

Генрихъ (*съ возрастающимъ жаромъ*).

Мало того: я разрушилъ въ сердцѣ ея вѣру въ людей; я отнялъ у ней возможность любить; я нарушилъ священнѣйшія клятвы, клятвы, которыя слышалъ Богъ....

Юлія.

Замолчи! Замолчи! Не думай, чтобъ слова твои могли ослѣпить меня на счетъ твоего долга и моихъ правъ. Въ ту минуту, когда ты отдалъ мнѣ свою руку, дверь, черезъ которую ты могъ бы возвратиться къ прошедшему, затворилась наглухо. Стараясь отворить ее теперь насильно, ты дѣлаешься преступникомъ противъ меня и противъ дѣтей твоихъ.

Генрихъ (*устремивъ глаза къ небу*).

Въ этомъ дамъ я отчетъ только одному Богу; мы всѣ слабые сыны праха и никто не можетъ похвалиться, чтобъ ему были извѣстны намѣренія Божія....

Юлія (*съ горячностью*).

Я, я хвалюсь этимъ, слѣдуя внушеніямъ моего сердца. Я требую, чтобъ ты пощадилъ, по крайней мѣрѣ, честь мою, если не могу уже владѣть твоей любовью.... Марія должна оставить нашъ домъ.

Генрихъ.

Юлія, твоя горячность!...

Юлія.

Она слѣдствіе твоихъ поступковъ....

Не думай, чтобъ ты могъ заставить меня смотрѣть на вещи какъ тебѣ хочется, я чувствую себя оскорбленной, уничтоженной, обезчещенной, и отчаяніе изливается въ справедливыхъ жалобахъ....

Генрихъ.

Юлія, дай вразумить тебя!...

Юлія (*въ сильномъ волненіи*).

Нѣтъ, меня приводятъ въ негодованіе тѣ правила, на которыхъ ты основываешь свои безумные поступки. Законы нравственности и чести утверждены вѣками, и ты не можешь перемѣнить ихъ. Тотъ, кто подобно тебѣ хочетъ итти наперекоръ обыкновеннаго порядка, тотъ долженъ наконецъ сдѣлаться жертвой собственнаго своего безумства....

(Генрихъ, погружаясь въ задумчивость, отворачивается.)

Ты хочешь указывать звѣздамъ путь ихъ; хочешь дать новое направленіе солнцу и не можешь найти дороги, которая ведетъ къ чести и нравственности!... Возьми назадъ тѣ клятвы, которыми ты увѣрялъ меня въ любви своей, возьми ихъ назадъ, чтобъ не краснѣть предо мною!...

Генрихъ (*какъ будто пробудясь отъ сна*).

Марія!

Юлія (*внѣ себя*).

Правосудный Боже! (*Съ чувствомъ глубокой скорби*.) Марія! Марія!... Мысль о ней до того неразлучна съ его душою, что даже въ эту ужасную минуту, имя ея носится на устахъ его!... О, я несчастная! (*Закрываетъ лице руками и горько плачетъ*.)

Генрихъ (*съ нѣкоторою запальчивостію*).

Юлія, не раздражай меня!... Не выводи меня изъ терпѣнія.... Я хочу покоя, слышишь ли, покоя!...

Юлія (съ рѣшительно-
стію).

Ты хочешь покоя?... Хорошо!... Желаніе твое исполнится; ты будешь удовлетворенъ. (Идетъ къ столу, беретъ колокольчикъ и звонитъ.)

ГЕНРИХЪ.

Что это значитъ?... Какое твое намѣреніе?...

Юлія (дрожавшимъ голосомъ, которому она старается однако жъ придать твердость).

Я хочу искать покровительства у родителей моихъ, я ѣду на встрѣчу къ отцу моему, ѣду теперь же....

(Конрадъ входитъ.)

Конрадъ.... карету и почтовыхъ лошадей.... сію минуту!...

ГЕНРИХЪ (съ рѣшительно-ностію и повелительно взглядывал на Конрада, приказываетъ ему выйти).

Конрадъ!... ни шагу со двора!... (Конрадъ кланяется почитательно и уходитъ.) Довѣрчиво, со всею искренностію раскрылъ я передъ тобою сердце мое; я надѣялся найти въ тебѣ участіе и снисхожденіе, а ты, вмѣсто того, чтобъ утѣ-

шить и успокоить меня, страждущаго и встревоженнаго, ты хочешь еще увеличить мое горе. Ты хочешь удалиться къ твоимъ и безъ того уже непріязненнымъ мнѣ родителямъ, хочешь искать у нихъ покровительства и опозорить меня... Нѣтъ, этому не бывать; ты не переступишь порога этого дома. Хочу, чтобъ подъ эту кровлю развязался тотъ узелъ, который ты затянешь еще крѣпче, если къ моимъ настоящимъ горестямъ прибавишь еще непріятность огласки. Не все то, что освѣщаетъ пламень домашняго очага, можетъ быть выставлено напоказъ свѣту. Горе тому, кто первый выскажетъ людямъ тайны домашней жизни! (Уходитъ.)

Юлія (посль минутнаго молчанія).

Чувствую, что въ словахъ его звучитъ истина, но чувствую также, что есть истины разсудка, которыхъ не можетъ постигнуть сердце. Пусть будетъ, что будетъ!... Только та любовь велика и священна, которая отдала все и не можетъ привести уже болѣе ни какой жертвы; но такая любовь требуетъ взаимности нераздѣльной, безусловной; она живетъ ею.... все или ничего, вотъ девизъ ея; его избираю себѣ и я!... (спѣшитъ въ свою комнату.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Богатая гостиная въ домѣ Министра.

ЯВЛЕНІЕ I.

Докторъ Фельсъ, Президентъ, Юлія, потомъ Іосифъ.

Докторъ Фельсъ.

Я разгадаю вамъ эту загадку, Г. Пре-

зидентъ; здѣсь дѣло коснулось моего самолюбія, и я хочу доказать вамъ, что умѣю лечить не токмо болѣзни тѣла, но и болѣзни души.

Президентъ.

Если бъ это дѣло могло устроиться деньгами, если бъ нужно было назначить какойнибудь пенсіонъ этой дѣвицѣ, я готовъ былъ бы жертвовать всѣмъ моимъ имѣніемъ.

Докторъ Фельсъ.

Предоставьте все моимъ попеченіямъ: болѣе одинъ онъ, и его одного надобно лечить; во всякомъ случаѣ, не теряйте мужества, Богъ поможетъ намъ, и все прійдетъ въ должный порядокъ.

Президентъ.

Я никакъ не надѣялся найти васъ въ такихъ отношеніяхъ другъ къ другу, и это совершенно меня сразило! Миѣ не хотѣлось бы говорить объ этомъ брату; онъ, какъ и всѣ родственники наши, былъ всегда противъ этого союза; и когда я подумаю, какъ мало ручательствъ представлялъ этотъ мечтатель, то вижу, что братъ былъ правъ! Впрочемъ, ты поступила хорошо, что дѣйствовала рѣшительно и оставила его. (*Юлія не отвѣчала, склоняетъ голову на руку.*) Ты молчишь, ужъ не раскаяваешься ли въ томъ, что сдѣлала?

Юлія.

Я плачу о томъ, что сдѣлала, но не раскаяваюсь.

Президентъ.

На этого человѣка можно дѣйствовать только съ энергіею. Вообще, я слышу здѣсь о немъ такія вещи, которыя чрезвычайно для меня неприятны. Онъ неглижируетъ службой; не радѣетъ о своихъ обязанностяхъ; все это ставитъ меня и брата моего, Министра, въ самое тягостное положеніе.

Юлія.

Батюшка, я думаю, что слухи эти выпускаютъ его завистники.

Президентъ.

Нѣтъ, директоръ его департамента недоволенъ имъ. Къ чему служить способности и дарованія, если мы не хотимъ или

не умѣемъ съ точностію исполнять приказаній начальства. Впрочемъ, я ожидалъ этого; такія блестящія кометы не годятся для службы, гдѣ все основано на правильной, однообразной системѣ. (*Помолчавъ съ минуту.*) Писала ли ты къ нему? (*Юлія не отвѣчаетъ.*) Отчего молчишь ты?... Писала ли ты къ нему?

Юлія.

Нѣтъ.

Президентъ.

Слыхалъ ли кто о подобныхъ дурачествахъ, о такой нелѣпой мечтательности. Родись онъ дворяниномъ, то ничего такого не было бы и въ поминѣ; мы имѣемъ предъ людьми, рожденными въ низкомъ состояніи, то преимущество, что не придаемъ столько цѣны всѣмъ этимъ сердечнымъ вздорамъ. Я иду къ нему, и напому ему какъ должно о его обязанностяхъ.

Юлія (*встаетъ.*)

Но, батюшка, можетъ быть, я неправа гораздо болѣе, чѣмъ онъ?

Президентъ.

Не потому ли, что ты оставила его? Каждая другая жена сдѣлала бы то же самое на твоемъ мѣстѣ.

Юлія (*задумчиво.*)

Въ этомъ нѣтъ еще большой заслуги дѣлать то, что сдѣлала бы каждая другая!...

Президентъ.

Я надѣюсь, Юлія, что ты не зарази- лась его сумасбродствомъ. Ты воспитана въ такихъ правилахъ, которыя учатъ со- ображаться съ принятыми приличіями. Тотъ, кто переходитъ за черту этихъ при- личій, лишается общаго уваженія и не заслуживаетъ его.

Юлія.

Страсть увлекла меня слишкомъ дале- ко; я забыла, что Марія слишкомъ благо- родна для того, чтобы....

Иосифъ (*входитъ*).

Какая-то дѣвица, по имени Марія Винтеръ, желаетъ видѣть Г-жу Баронессу.

Президентъ.

Кто это?...

Юлія.

Батюшка, это та, которая, можетъ быть, невинно лишила меня всего моего счастья!

Президентъ (*къ Иосифу*).

Скажи этой дѣвухѣ, чтобъ она написала то, что ей нужно.... дочь моя занята и не можетъ принять ее...

Юлія.

Нѣтъ, батюшка, нѣтъ... Я не могу ее ненавидѣть, пусть войдетъ она!

(*Иосифъ уходитъ*).

Президентъ.

Ты только еще болѣе разстроишь себя, Юлія; ты не должна была бы удостаивать ее теперь даже взоромъ...

Юлія.

Я вся дрожу, какъ въ лихорадкѣ, но не могу не принять ее; оставьте меня одну съ нею.

Президентъ.

Преодолей свое волненіе и призови на помощь собственное свое достоинство. Иду къ твоему мужу и потребую у него дѣтей.

(*Юлія въ слезахъ склоняетъ голову на плечо его*).

Президентъ.

Радуюсь, что твердость твоя сильнѣе любви. Она идетъ сюда, покажи ей все презрѣніе, котораго она заслуживаетъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Юлія и Марія.

Юлія.

Я слышу ее... о! какъ бьется мое серд-

це... Буду ли я въ состояніи вынести ея присутствіе... Боже! вотъ она (*садится къ столу*).

Марія (*входитъ*).

Баронесса! приходъ мой въ такое позднее время долженъ уже служить вамъ доказательствомъ, какъ важно то, что привело меня къ вамъ.

Юлія (*възвѣсиво, но холодно*).

Что вамъ угодно?

Марія (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Я, право, не знаю какъ мнѣ начать, чтобъ обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство...

Юлія.

Отложите въ сторону всѣ приготовленія; есть вещи, которыя выходятъ изъ общаго порядка, и о которыхъ нельзя говорить мимоходомъ.

Марія.

Итакъ, Баронесса, выслушайте меня; я вижу, что ваше семейное счастье разстроено, и что я безъ всякой вины съ своей стороны — Богъ свидѣтель мнѣ въ томъ — несу на себѣ отвѣтственность за это.

Юлія.

Я напрасно стала бы увѣрять васъ въ противномъ...

Марія (*торжественно*).

Баронесса, если бъ я перечла вамъ тѣ ночи, которыя я провела безъ сна и въ слезахъ съ тѣхъ поръ, какъ вступила въ домъ вашъ; если бъ я описала вамъ то отчаяніе, которое терзало мою душу за невольную вину мою; если бъ я могла передать вамъ всѣ мученія, вытерпѣнные мною — вы, конечно, не стали бы проклинать меня!...

Юлія.

Не думаете ли вы, что я стану дѣлать вамъ упреки!...

Марія.

Нѣтъ, клянусь Богомъ Всемогущимъ,

вы не имѣете на это ни какого права! Я должна была остаться въ вашемъ домѣ, чтобъ предохранить васъ еще отъ большаго несчастія; я думала, что могу положиться на твердость вашего супруга и на умѣнье владѣть самимъ собою, не ожидая, чтобъ мы когда нибудь могли встрѣтиться такъ, какъ встрѣтились теперь.

Юлія (*склонивъ голову на руку долго смотритъ съ грустію на Марію*).

Такъ вы были та, которая первая загляла въ сердцѣ его пламень любви неугасимой?

Марія.

Пусть непроницаемое покрывало забвенія скроетъ отъ насъ прошедшее!.. Небо даетъ намъ здѣсь только предчувствія блаженства, которое ждетъ насъ тамъ, и хочеть, чтобъ мы испытаніями временными созрѣли для радостей вѣчныхъ!... Когда-то, давно, мой Генрихъ — я имѣла право назвать его тогда этимъ именемъ, подарилъ мнѣ прекрасный пышный цвѣтокъ; его благоуханіе сроднилось съ моею душою, я берегла его какъ сокровище, какъ лучшее мое достояніе... но онъ увялъ внезапно, неожиданно... горько плакала я надъ нимъ; но слезы мои не оживили его... Тогда собрала я поблекшіе листья его, и скрыла ихъ на груди моей; тамъ должны они были оставаться до тѣхъ поръ, пока сердце, бившееся въ груди этой, не обратилось бы въ прахъ... Теперь все перемѣнилось — теперь я сама отдаю вамъ эти завѣтные листья.

Юлія.

Какъ мнѣ понимать васъ?...

Марія (*посль минутнаго молчанія*).

Я выхожу за мужъ!...

Юлія (*встаетъ*).

Вы хотите принести себя мнѣ въ жерт-

ву!... Нѣтъ, я никогда не потерплю этого!...

Марія (*съ рѣшимостью и спокойствіемъ*).

Я дѣлаю это по собственному убѣжденію — добровольно!

Юлія.

Нѣтъ, нѣтъ, это быть не можетъ!

Марія (*снимаетъ съ руки кольцо*).

Возьмите этотъ залогъ нашего обрученія!... онъ не можетъ, не долженъ уже принадлежать мнѣ... Я отдавала это кольцо нѣсколько разъ самому Генриху; но онъ не хотѣлъ взять его...

Юлія (*смотритъ со слезами на кольцо*).

Какъ оно блеститъ еще; о, сколько слезъ было пролито на него... (*надвѣваетъ себѣ его на палецъ*) Нѣтъ, повторяю вамъ, вы обманываете меня; вы не могли рѣшиться на эту жертву добровольно.

Марія.

Если не добровольно, то, по крайній мѣрѣ, безъ раскаянія и съ твердостью. То, что я дѣлаю, внушено мнѣ самимъ небомъ, и мнѣ кажется, будто голоса ангеловъ звучать мнѣ: «сдѣлай это, мы порадуемся такой жертвѣ!»

Юлія (*обнимаетъ ее*).

Марія!

Марія (*торжественно*).

Я была увѣрена, что мы разстанемся друзьями.

Юлія.

Я спѣшу къ отцу моему; останься здѣсь, Марія, останься. Я должна объявить ему о перемѣнѣ судьбы моей, и показать того ангела, которому буду обязана моимъ счастіемъ! (*Уходитъ*).

Марія.

Останься... и быть свидѣтельницею — радости ихъ, купленной моими страданіями?.. Нѣтъ, это выше силъ моихъ! Чтобъ упрочить его счастье, могла я промѣнять могильные цвѣты любви моей на марты

супружества; но скрыть слезы, которыхъ стоитъ мнѣ эта жертва, не въ моей власти... (съ сердечною грустью). Лейтесь, лейтесь же, отрадные слезы, скоро и вы должны будете изсякнуть въ глазахъ моихъ; скоро даже самая жалоба на судьбу будетъ преступленіемъ!... (закрываетъ лице руками и горько плачетъ; послѣ некотораго молчанія). Прочь, прочь отсюда!... люди не должны видѣть этихъ послѣднихъ, священныхъ слезъ!... Долгъ зоветъ меня, онъ подкрѣпитъ и поддержитъ меня!... О Генрихъ! любить тебя—было моею жизнію, потерять—смертію; но спасти тебя, возвратитъ къ счастью, сохранить для жены и дѣтей твоихъ.... О! это будетъ для меня блаженствомъ, радостью воскресенія! (Поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Кабинетъ Генриха.

Генрихъ (входитъ задумчивый, съ письмомъ въ рукѣ).

Германъ женится, и та, которая когда-то была такъ близка мнѣ, которая любила меня, какъ могутъ любить однѣ ангелы — будетъ принадлежать другому!... Да исполнятся судьбы Предвѣчнаго!... (развертываетъ письмо и читаетъ) «Я увидѣлъ Марію въ первый разъ у окна маленькаго, скромнаго домика; я старался сдѣлаться ей извѣстнымъ; старался встрѣтиться съ нею въ домахъ, гдѣ она давала уроки, и гдѣ я былъ знакомъ. Сладостный звукъ ея голоса, ея кротость, необыкновенная, очаровательная прелесть, которая дышитъ во всѣхъ чертахъ ея!» Онъ правъ; неужели всѣ эти совершенства должны были увянуть неосчастлививъ никого, кромѣ меня, и я самъ могъ отказаться отъ нихъ! Германъ, единственный, несравненный другъ мой, само Провидѣніе вело тебя къ счастью!.. (продолжаетъ читать) «Все это плѣнило меня, и я началъ искать руки ея; дол-

го колебалась она, прежде чѣмъ рѣшилась...» Долго!... Сердце, сердце!... Зачѣмъ замраешь ты опять въ груди моей!... Но нѣтъ, все миновалось!... Живите счастливо, счастливые чѣмъ вашъ бѣдный другъ!.. Милый, добрый Германъ, насладись въ полной мѣрѣ блаженствомъ, которое ожидаетъ тебя; а ты, Марія, забудь бывшее, забудь виновую, за которую я оплачиваюсь такъ дорого. Нить, связавшая судьбу твою съ моею, теперь разорвана, и новая будущность, новая жизнь открывается предъ тобою.... Пусть эта будущность превратитъ горькія слезы скорби въ драгоценныя перлы воспоминанія, пусть эта новая жизнь принесетъ тебѣ всѣ радости, всѣ блага, которыхъ ты такъ достойна!... Да, Марія, изъ глубины души моей взываю къ тебѣ.... Живи счастливо, счастливые, чѣмъ я!... (у дверей стучатся).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Шульцъ и Генрихъ.

Шульцъ.

Добрый вечеръ, Г. Ассессоръ!.. Васъ давно уже не видать въ канцеляріи?

Генрихъ.

Здравствуйте, любезный Шульцъ; что скажете?..

Шульцъ (подастъ ему письмо).

Ничего особеннаго; я принесъ вамъ письмо.

Генрихъ (беретъ письмо и не распечатавъ кладетъ на столъ).

Шульцъ.

Вы вѣрно были нездоровы, Г. Ассессоръ?

Генрихъ.

Да, я чувствую себя не совсѣмъ хорошо.

Шульцъ (тайно).

А сказать между нами, теперь именно вамъ не надобно было бы оставаться дома.

Генрихъ.

Какъ такъ?

Шульцъ.

Не могу сказать вамъ навѣрное, что такое; но у насъ въ канцеляріи что-то не ловко, ищутъ какихъ-то бумагъ и поговариваютъ, что въ счетахъ есть какая-то невѣрность.

Генрихъ.

Это вѣрно относится не ко мнѣ.

Шульцъ.

Не знаю; однако же долженъ сказать вамъ, что Совѣтникъ Ланге раза два входилъ въ ваше отдѣленіе, и такъ какъ у васъ всѣ ящики не заперты, онъ рылся въ вашихъ бумагахъ вмѣстѣ съ Г. Ассессоромъ Вольфомъ, у котораго при этомъ было такое лице, такое лице, что...

Генрихъ.

Ассессоръ Вольфъ?...

Шульцъ.

Да... Сегодня, бывши въ Регистратурѣ, я вытерпѣлъ настоящую муку... Недостаетъ важныхъ актовъ: нѣкоторыя подписи оказались невѣрными; сиротская касса...

Генрихъ.

Пусть только разсмотрятъ хорошенько, у меня все въ должномъ порядкѣ...

Шульцъ.

Дай-то Богъ!.. Ну, прошайте, Г. Ассессоръ!.. Прощайте!..

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Генрихъ, потомъ Конрадъ.

Генрихъ (беретъ письмо и распечатываетъ).

Да, вотъ кругъ, въ которомъ бы я долженъ былъ дѣйствовать!.. И такъ, мои слабые ученые труды обратили наконецъ на себя вниманіе... Мнѣ предлагаютъ кафедру, и гдѣ же?.. въ одномъ изъ лучшихъ университетовъ Германіи... Съ какою ра-

достью принялъ бы я ее... но я прикованъ здѣсь... прикованъ навсегда!..

(Кладетъ письмо опять на столъ).

Конрадъ (вбѣгаетъ съ болзливимъ видомъ).

Г. Президентъ!..

Генрихъ.

Мой тестъ!..

Конрадъ.

Онъ, кажется, очень разсерженъ... едва взглянулъ на дѣтей...

Генрихъ (рѣшительно).

Береги мнѣ ихъ... оставь насъ однихъ. (Конрадъ уходитъ, Генрихъ садится).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Президентъ и Генрихъ.

Президентъ (входитъ въ плащъ, останавливается на минуту по срединѣ сцены, и когда Генрихъ встаетъ, подходитъ къ нему ближе).

Такой-ли это привѣтъ, какого я заслуживаю?

Генрихъ (дѣлаетъ движеніе рукою).

Президентъ.

Развѣ вы не знаете меня?

Генрихъ.

Вы Президентъ Баронъ Юрданъ.

Президентъ.

Я тотъ глупецъ, который нѣкогда бѣдному, страдствующему студенту, пришедшему въ домъ мой и осмѣлившемуся сказать, что онъ хочетъ жениться на дочери моей, вмѣсто того, чтобы подать милостыню, отдалъ не только дочь мою, но и мое имя... Я тотъ глупецъ, который расточалъ благодѣянія неблагодарному.

Генрихъ (спокойно).

У меня было имя прежде того, которое я получилъ отъ васъ.

Президентъ.

И была также прежде любовь къ другой женщинѣ, кромѣ моей дочери! Скажите мнѣ, въ какомъ мѣрѣ живете вы? Я долженъ слышать о васъ такія вещи, которыя нарушаютъ всѣ правила нравственности и всѣ приличія. Соответствуютъ ли ваши поступки обязанностямъ вашимъ и тому положенію, въ какомъ вы находитесь теперь? Что можете имѣть теперь общаго съ вами то, что было прежде и о чемъ вы никогда бы не должны были думать?

Генрихъ.

Вы, кажется, хотите присвоить себѣ право осуждать во мнѣ даже и тѣ чувства, которымъ было доступно мое сердце въ то время, когда я назывался еще не такъ, какъ теперь.

Президентъ.

Для чего осыпалъ я васъ богатствомъ? Если у васъ на совѣсти былъ какойнибудь проступокъ, какаянибудь прежняя связь, вы могли бы поступить какъ честный, благородный человекъ, и, сообразно званію вашему, выкупить благодѣяніями прошедшіе грѣхи.

Генрихъ *(спокойно)*

Деньгами еще не залечивали ранъ разтерзаннаго сердца, и золото еще никогда не осушало слезъ скорби!...

Президентъ.

Оставьте эти сантиментально-философическія выходки, которыя очень хороши въ книгахъ, но никуда не годятся въ дѣйствительной жизни. Что у васъ съ моею дочерью? Объясните мнѣ ваши взаимныя отношенія, отвѣчайте какъ должно разсудительному человѣку.

Генрихъ.

Она оставила меня и дѣтей своихъ; она знаетъ, что въ моихъ отношеніяхъ съ Маріей нѣтъ и не было ничего преступнаго; она знаетъ, что характеръ этой дѣвушки слишкомъ благороденъ, а привя-

занность моя къ женѣ моей слишкомъ велика, и потому не должна была бы имѣть ни какихъ опасеній.

Президентъ.

Но прошедшее не должно существовать для васъ. Законы супружества, настоящія ваши обязанности повелѣваютъ вамъ это.

Генрихъ *(съ усмѣшкой)*.

Прошедшее! Кто же можетъ уничтожить его?

Президентъ.

Я готовъ допустить, что неожиданное свиданіе съ женщиной, которую мы любилъ прежде, можетъ въ первую минуту заставить насъ забыть все; я готовъ даже найти натуральнымъ, что взволнованные такою нечаянною встрѣчей, вы не имѣли твердости удалить изъ вашего дома эту дѣвушку; но глядя на васъ, вижу, что вы совершенно разстроены, что вы никогда не будете въ состояніи поддержать достоинство вашего новаго званія, и что дочь моя, оставшись съ такимъ сумасброднымъ мечтателемъ, какъ вы, должна будетъ обречь себя вѣчному несчастію.

Генрихъ *(спокойно)*.

И эти опасенія раздѣляетъ съ вами Юлія?

Президентъ.

Нѣтъ, эти опасенія собственно мои: я знаю людей и свѣтъ; знаю какую жалкую будущность готовитъ вамъ судьба. Вы неглижируете вашими служебными обязанностями; вы наносите стыдъ моимъ и брата моего рекомендаціямъ.

Генрихъ *(съ горячностью)*.

Г. Президентъ!

Президентъ.

Не думаете ли вы, что этотъ грозный видъ испугаетъ меня и заставитъ промолчать о томъ, что я хочу сказать вамъ? Я не сомнѣваюсь, что вы любите дочь мою; она также любитъ васъ; но эта лю-

бовъ не принесетъ вамъ счастья, если ваше поведеніе не будетъ соответствовать тѣмъ условіямъ, которыя я при обрученіи вашему предписалъ вамъ.

Генрихъ *(съ большою горячностью и угрожающимъ тономъ)*.

Прошу, умоляю васъ, не прикасайтесь къ этой ранѣ, не растравляйте ее.... Не повторяйте, что я не долженъ имѣть прошедшаго; не повторяйте этихъ ужасныхъ словъ, если не хотите довести меня до крайности....

Президентъ.

До крайности! Что вы разумѣете подъ этимъ?

Генрихъ *(стараясь воздержаться)*.

Г. Президентъ, умоляю васъ, пощадите меня; я человекъ больной, растерзанный, несчастный!...

Президентъ.

До крайности!... Что это значить.... говорите!...

Генрихъ.

Оставьте меня!...

Президентъ.

Говорите; я хочу, чтобъ вы объяснили мнѣ!...

Генрихъ.

Вы хотите этого?.... хорошо; слушайте же: Юлія покинула меня, будучи убѣждена въ сердцѣ своемъ въ моей невинности, и положила тѣмъ между нами страшную преграду; не я, а она первая отказалась отъ супружескаго крова, и приготовила мнѣ и себѣ ту жалкую будущность, о которой вы пророчили. Теперь настала минута, въ которую должна рѣшиться судьба моя. Юлія знаетъ, что я люблю ее; но я тогда только прошу ей тотъ шагъ, который она сдѣлала, покинувъ меня и дѣтей, когда она сама скажетъ, что будетъ любить меня, именно съ тѣмъ прошедшимъ, которое вы хотите умертвить

въ душѣ моей; если она будетъ любить меня такимъ, каковъ я есть, безъ пустого, хотя и громкаго титла дворянства, меня Генриха Вернера, какимъ я былъ и какимъ останусь навсегда!... Вы хотѣли, чтобъ я сказалъ вамъ все это.... вы сами принудили меня.... довольны ли вы?...

(Президентъ стоитъ молча, пораженный удивленіемъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Полицейскій Коммиссаръ Денкеръ и два помощника его.

Денкеръ.

Прошу извинить меня, что я вошелъ безъ доклада. *(Показываетъ помощникамъ своимъ на письменный столъ)*. Исполняйте свою обязанность.

Президентъ.

Что вамъ угодно?

Денкеръ.

Разныя упущенія и безпорядки по отдѣленію Г. Ассессора....

Президентъ.

Обыскъ!...

Денкеръ.

Намъ поручено только задержать бумаги Г. Юрдана. *(Подходитъ къ столу)*.

Президентъ *(въ полголоса, обращаясь къ Генриху)*.

Такъ вотъ до чего дожили вы, и вотъ какъ оправдали мое къ вамъ участіе!... *(Съ презрѣніемъ)*. Я отказываюсь отъ васъ и предаю васъ судьбѣ вашей!

(Уходитъ).

Генрихъ.

Благодарю тебя, Боже Всевышній!... Ты разорвалъ завѣсу, скрывавшую отъ глазъ моихъ собственную силу мою!... Счастіе могло сдѣлать меня слабымъ.... Несчастіе укрѣпитъ меня и будетъ моихъ учителемъ!... Распались тяжкія оковы, и облегченная грудь вздымается свободно, какъ волны моря.... Вы ждете меня, господа?.... Я слѣдую за вами.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Гостиная въ домѣ Министра Фонъ Юрдана.

ЯВЛЕНІЕ I.

Президентъ, Ассессоръ Вольфъ.

Вольфъ.

И такъ, Г. Президентъ, я смѣю ласкать себя надеждой, что при случаѣ вы не забудете обо мнѣ....

Президентъ.

Вы можете быть въ этомъ увѣрены, Г. Ассессоръ; каждый начальникъ будетъ конечно радъ такому дѣятельному и усердному человѣку, какъ вы...

Вольфъ.

Я могу сказать только, что въ доброй волѣ и усердіи у меня нѣтъ недостатка....

Президентъ.

Положитесь на меня, Г. Вольфъ, и когда вздумаете просить перемѣщенія....

Вольфъ.

Здоровье мое требуетъ этого; да къ тому же я такъ люблю красивый Рейнъ....

Президентъ.

Это очень естественно: тамъ живешь прелестно; и такъ, общаю вамъ подумать о васъ при первой вакансіи.... Часто ли вы посѣщаете домъ моего брата?...

Вольфъ.

Довольно часто, Г. Президентъ; Его Превосходительство удостоиваетъ меня особенной своей благосклонности.

ЯВЛЕНІЕ II.

Референдарій Фельсъ, Полицейскій Коммиссаръ Денкеръ и его помощники.

Фельсъ.

А! господинъ Вольфъ, вы здѣсь.... а мы вездѣ васъ ищемъ.

Вольфъ (*въ смущеніи*).

Меня?

Денкеръ (*къ Вольфу, въ полголоса*).

Присутствіе ваше, Г. Вольфъ, при разборѣ бумагъ Г. Юрдана, совершенно необходимо.

Вольфъ.

Мое присутствіе?...

Фельсъ.

Да, любезный Вольфъ, говорятъ, что ключъ....

Вольфъ (*вздригнувъ*).

Что вы говорите, что вы разумѣете подъ этимъ?

Фельсъ.

Ахъ, Боже мой, чего же вы такъ испугались? Говорятъ, что ключъ къ разгадкѣ этого страннаго дѣла, можетъ быть, найденъ только вами.

Вольфъ.

Да, да.... меня требуютъ какъ свидѣтеля....

Денкеръ.

Г. Ассессоръ! намъ нельзя медлить....

Вольфъ.

Какъ свидѣтель я... я... какъ свидѣтель....

Фельсъ.

Присутствіе ваше чрезвычайно важно....

Вольфъ.

Важно.... конечно.... однако жъ.... (къ Денкеру) отчего же вы такъ спѣшите, Г. Коммиссаръ?

Помощникъ коммиссара.

Мнѣ очень жаль, что я имѣю приказаніе проводить васъ.

Вольфъ.

Проводить меня?... это очень странно.... это вѣрно ошибка....

Фельсъ.

Слѣдственная Коммиссія разберетъ это.

Вольфъ (въ сильномъ смущеніи).

Я увѣренъ, что это ошибка.... недоразумѣніе.... И такъ, мы пойдемъ, Г. Денкеръ.... (Дрожаящимъ голосомъ и совершенно растерявшись.) Какія у васъ прекрасныя дѣти, Г. Коммиссаръ.... Какъ онѣ мило играютъ въ песокъ.

Помощникъ.

Г. Ассессоръ, намъ пора....

Вольфъ.

Какъ вы торопитесь.... Какое у васъ тонкое сукно на фракъ.... вѣрно Англійское....

Фельсъ (въ сторону).

Какъ онъ дрожитъ.... презрѣнный негодяй!...

Вольфъ.

А вѣдь мы уже давно знакомы, Г. Коммиссаръ; мы часто ѣзжали вмѣстѣ въ дилижансѣ въ Лейпцигъ....

Денкеръ.

Все это правда... однако же, намъ пора....

Вольфъ.

Сію минуту... я готовъ... иду... пойдемте....

Денкеръ.

Да, пойдемте. (Всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ Ш.

РЕФЕРЕНДАРІЙ Фельсъ и Докторъ Фельсъ.

Докторъ Фельсъ.

Ну, Германъ, теперь всѣ твои желанія исполнились, и я былъ бы совершенно счастливъ, если бъ меня не заботило положеніе нашего бѣднаго Генриха. Ступай къ своей невѣстѣ, а я останусь здѣсь; мнѣ надобно поговорить съ Баронессою. (Показывая на правую сторону.) Кажется, комнаты ея тамъ.... Иди же....

Фельсъ.

Нѣтъ, ботиюшка, не къ невѣстѣ моей, а въ канцелярію поспѣшу я теперь, чтобъ посмотрѣть, что дѣлается съ Генрихомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ ужасъ этого негодяя Вольфа, не страшусь уже за моего друга.... Счастливъ былъ бы я, если бъ могъ принести ему вѣсть, что онъ оправданъ.

Докторъ Фельсъ.

Ревностное участіе, принимаемое обою въ судьбѣ Генриха, должно подѣйствовать благоприятно на Марію....

Фельсъ.

Она сказала мнѣ сегодня: *вѣрность до гроба*, а я отвѣчалъ: *любовь до могилы*.... Вы увидите, ботиюшка, мы будемъ самая счастливая пара. (Уходитъ.)

Докторъ Фельсъ (одинъ).

Не сомнѣваюсь въ этомъ. Она не первая, для которой время будетъ цѣлительнымъ бальзамомъ.... Къ тому же, мой Германъ славный малой, и вѣрно заставитъ полюбить себя. (Видитъ Президента, который выходитъ съ лѣвой стороны, вмѣстѣ съ Иосифомъ.) Вотъ Президентъ, онъ, кажется, очень недовольнымъ... Станный человекъ!... онъ думаетъ, что людьми можно играть, какъ шашками, и давать имъ такое направленіе, какое пожелаешь... Подожду еще минуту здѣсь.... теперь мнѣ трудно будетъ пробраться къ женѣ Ген-

риха. (Отходитъ въ сторону, и скрывается въ комнату, которой дверь остается незатворенною.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Президентъ, Іосифъ, потомъ Юлія.

Президентъ (съ озабоченнымъ видомъ).

Скажи моей дочери, чтобъ она сошла сюда хоть на одну минуту...

Іосифъ.

Я докладывалъ уже объ этомъ Баронессъ... но она отозвалась нездоровьемъ.

Президентъ (съ досадою).

На одну только минуту, говорю я тебѣ. (Іосифъ уходитъ.) Она поступила противъ моей воли, принявъ отъ него письмо... теперь заперлась у себя въ комнатѣ, и нѣтъ ни какого средства видѣть ее... Я надѣюсь, что онъ не писалъ ей о тѣхъ смѣшныхъ условіяхъ, о которыхъ говорилъ мнѣ... это было бы верхъ нелѣпости...

Докторъ Фельсъ (показывается у двери).

Какъ хорошо, что я случился здѣсь... воспользуюсь этимъ....

ЯВЛЕНІЕ V.

Юлія и Президентъ.

Юлія.

Вы хотѣли меня видѣть, любезный батюшка?..

Президентъ.

Зачѣмъ это траурное платье?... Ты знаешь, что у брата большое собраніе, и я желаю, чтобъ ты также явилась тамъ....

Юлія.

Какъ можете вы требовать этого отъ меня, батюшка?

Президентъ.

Безъ всякихъ отговорокъ, сударыня!

Честь наша требуетъ, чтобъ мы, предъ лицомъ всего общества, показали, какъ мало дорожимъ человѣкомъ, отъ котораго освободить тебя разводъ....

Юлія (со слезами склоняется на грудь его).

Батюшка!

Президентъ.

Постигаю все твои страданія, но гораздо лучше кончить все однимъ разомъ, чѣмъ дѣйствуя нерѣшительно, обрѣчь себя на всегданнее горе... Онъ писалъ къ тебѣ?... (молчаніе) Ты молчишь, Юлія?... Что съ тобою?..

Юлія.

Батюшка! я не могу разстаться съ дѣтьми моими!

Президентъ.

Дѣти останутся у насъ. Какое воспитаніе могъ бы онъ дать моимъ внукамъ... Они послѣдуютъ за нами къ твоей матери....

Юлія.

Батюшка! умоляю васъ, не предавайтесь противъ него ожесточенію. Чувствую, что не умѣю оцѣнить его, что онъ искренно любитъ меня, и что мнѣ должно смириться предъ нимъ. Батюшка, пустите меня къ бѣдному, всѣми оставленному Генриху, пустите меня доказать ему, что я была достойна любви его!..

Президентъ (съ изумленіемъ).

Что я слышу?... Это ли голосъ разсудительной, умной моей дочери?

Юлія.

Это голосъ чувства, которое проснулось въ груди моей, это голосъ сердца, заглушающій все, кромѣ любви моей къ нему....

Президентъ (холодно).

Такъ дѣлай же что хочешь!

Юлія.

Батюшка! позвольте мнѣ принести ему эту жертву!

Президентъ.

Дѣлай что хочешь, но знай, что тебѣ предстоитъ выбирать между мною и имъ, и что возвратясь къ вему, ты положишь между нами вѣчную преграду. (Молчаніе.) Ты колеблешься!... Юлія!... останься вѣрна родителямъ твоимъ.... сбереги себя для дѣтей своихъ.... Неужели тебя не пугаетъ человекъ, который забылъ долгъ свой, могъ увлечься предметомъ первой своей страсти, и какое ручательство можешь ты видѣть въ будущемъ?...

Юлія (какъ бы восторженная внезапно мелькнувшею ей мыслью).

Батюшка, вы ошибаетесь; вы дурно судите о немъ. Марія только потому могла снова взволновать Генриха, что у него хотѣли отнять все минувшее... Если она, для спасенія его, для упроченія моей будущности, могла принести такую жертву, я не хочу уступить ей въ великодушіи. Я жена его и должна слѣдовать влеченію моего сердца!... (Поспѣшно убѣгаетъ въ правую сторону.)

Президентъ (ходитъ въ волненіи по сценѣ. Къ Іосифу, который между тѣмъ вошелъ).

Сошелъ ли въ гостиную братъ мой?

Іосифъ.

Нѣтъ еще, Г. Баронъ, онъ работаетъ у себя въ кабинетѣ.

Президентъ.

Мнѣ надобно непременно переговорить съ нимъ. Приготовь все къ отъѣзду, и прикажи, чтобъ почтовые лошади были готовы рано утромъ. (Іосифъ уходитъ.) У меня хотять отнять все, хотять покрыть стыдомъ эти волосы, посѣдѣвшіе съ

честью. (Обращаясь въ ту сторону, куда ушла Юлія) Иди по избранному тобою пути, безразсудная молодость, иди, ни мои стоны, ни мои взоры, ни мое сердце не послѣдуютъ уже за тобою! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Генрихъ и докторъ Фельсъ входятъ вмѣстѣ.

Докторъ Фельсъ.

Генрихъ, едва только услышалъ я первыя слова, сказанныя ею отцу своему, какъ увидѣлъ уже, что она принадлежитъ тебѣ и останется твоею навсегда. Не теряя ни минуты, послалъ я за тобою... Какъ я радъ, что ты послушался меня и пришелъ сюда; ты долженъ любить ее, да, Генрихъ, любить нѣжно, постоянно, потому что она, я самъ это слышалъ, готова раздѣлить съ тобою все, каково бы ни было твое положеніе.

Генрихъ (съ недоовѣрчивостью).

А если вы ошиблись, докторъ?

Докторъ Фельсъ.

Нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ; она твоя, говорю я тебѣ, хотя бы ты удалился въ дикую пустыню... При первомъ взглядѣ на нее видѣлъ я уже, что она останется побѣдительницею.. .

(Юлія выходитъ изъ своей комнаты въ шляпкѣ и мантильѣ, и спѣшитъ къ средней двери.)

Генрихъ.

Юлія!

Юлія (увидѣвъ его, бросается къ нему въ объятія).

Генрихъ!... (Молчаніе.) Только здѣсь, на твоей груди найду я спокойствіе!

Генрихъ.

Какъ бьется твое сердце, Юлія; какъ ты трепещешь.... Юлія, добрый, вѣрный другъ мой!....

Юлія (*сильно расстроенная, не можетъ нѣсколько времени говорить отъ душевнаго волненія, наконецъ восклицаетъ*).

Я могу только плакать!

Генрихъ.

Юлія, моя ли ты?

Юлія.

Твоя, Генрихъ, твоя на вѣки!... Ты опять мой, я купила тебя дорогою цѣною; я отказалась для тебя отъ любви родительской!...

Генрихъ.

Юлія, вѣрь мнѣ, буря пролетѣвшая теперь надъ нами, очиститъ горизонтъ нашей будущности, пройдутъ годы, и то что теперь, казалось, должно было разлучить насъ, послужитъ только къ скрѣпленію нашего союза.

Докторъ.

Нѣтъ, дѣти мои, не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ буря эта благодѣтельна... Повѣрьте мнѣ, любезная Баронесса, не одни тѣ мужья могутъ назваться прекрасными, которые пугаются всего, что осудилъ бы свѣтъ... Теперь спасеніе ваше упрочено— и ни какое облако не помрачитъ его!...

Президентъ (*входитъ, и увидя эту группу, останавливается въ нерешимости; потомъ приближается къ Генриху*).

Вамъ, кажется уже извѣстно?...

Генрихъ.

Что я совершенно оправданъ слѣдствіемъ....

Президентъ.

Но можетъ быть, для васъ будетъ новостью, что Ассессоръ Вольфъ былъ причиною всей суматохи. Мнѣ пишетъ объ этомъ директоръ вашего департамента. Вольфъ уличенъ не только какъ клевет-

никъ вашъ, но его обвиняютъ во многихъ другихъ важныхъ преступленіяхъ, которыя повлекутъ за собою примѣрное наказаніе. Между тѣмъ, чтобъ вознаградить васъ хотя нѣкоторымъ образомъ за сдѣланную вамъ несправедливость, вы будете отнынѣ числиться не Ассессоромъ, а Совѣтникомъ... Но это, кажется, мало радуетъ васъ, Юрданъ?..

Генрихъ.

О, не называйте меня болѣе этимъ именемъ, котораго я не могу носить долѣе. Вы благородный, великодушный человекъ, которому я обязанъ великою благодарностью; но намѣреніе, принятое мною, непоколебимо....

Докторъ (*радостно*).

Генрихъ!... понимаю ли я тебя?

Генрихъ.

Я родился отъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей не дворянскаго происхожденія. Попеченіемъ этого вѣрнаго, добраго друга, отца моего (*показывая на доктора*), обязанъ я воспитаніемъ, которое позволило мнѣ, не прибѣгая къ чужому покровительству, пробить самому себѣ дорогу... Но что же сдѣлалъ я?... Я оскорбилъ, встревожилъ прахъ родителей моихъ, отказавшись отъ ихъ имени, принявъ чужое; ослѣпленный минутою суетностію, я желалъ дворянства, знатности, забывъ, что судьба каждому изъ людей назначила мѣсто, которое онъ долженъ занимать въ этомъ мірѣ... Теперь повязка, помрачавшая глаза мои, спала, и свѣтъ истины озарилъ меня.... Мнѣ предлагаютъ профессорскую кафедру въ одномъ изъ пререйнскихъ университетовъ... Вотъ, вотъ поприще, на которомъ хочу дѣйствовать отнынѣ!... Посвятить жизнь мою образованію юношества; содѣйствовать къ приготовленію на службу отечества вѣрныхъ, просвѣщенныхъ сыновъ; сохранить и въ старости, среди юношей, юность сердца, вотъ цѣль, которую я назначилъ себѣ. И такъ, обращаюсь къ тебѣ, Юлія, и спрашиваю, хочешь ли ты вновь пере-

родившемуся Генриху Вернеру подтвердить клятву въ вѣрности и любви, хочешь ли слѣдовать за нимъ, какъ другъ и жена, по дорогѣ, вновь имъ избранной?..

Юлія (*бросается къ нему на грудь*).

Всюду, всюду, куда ты захочешь — я твоя до могилы!...

Президентъ.

Ваша рѣшимость, Вернеръ, тягостна, прискорбна для меня, но если она пужна для вашего счастья, то я не противлюсь

ей, и молю Богу, чтобъ онъ благословилъ васъ...

Генрихъ (*къ Юліи*).

Если ты была не первою моею любовью, то будешь послѣднею, и огонь любви этой, чистой и вѣрной, никогда не погаснетъ на алтарѣ моего сердца. — Въ груди тысячи людей нашего вѣка кипитъ тайно борьба законовъ сердца съ законами свѣта; благо тому, кто, подобно мнѣ, можетъ прекратить ее, опираясь на руку друга-жены!

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

МИЛАНСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ.

СТАТЬЯ ФЕТИСА (*).

Только въ Миланѣ, Болоньѣ и Неаполѣ существуютъ еще консерваторіи, потому что въ Венеціи, гдѣ прежде было ихъ нѣсколько, теперь нѣтъ ни одной. Въ Неаполѣ всего одна консерваторія.

Миланъ, имѣвшій въ исходѣ пятнадцатаго и въ началѣ шестнадцатаго столѣтія знаменитую музыкальную школу, которая находилась подъ управленіемъ Гафори, не послѣдовалъ примѣру Неаполя и Венеціи въ образованіи консерваторій; первая мысль объ учрежденіи подобнаго училища принадлежитъ Наполеону, вскорѣ послѣ того, какъ онъ образовалъ Италіянское Королевство. По желанію Принца Евгенія Богарне, Азіоли положилъ начало сему заведенію, и при самомъ началѣ далъ ему превосходное направленіе, такъ какъ

Азіоли самъ былъ пріятный композиторъ, кроткій, скромный артистъ, замѣнявшій недостатокъ глубокой учености дѣятельностію. Вице-Король назначилъ его своимъ капельмейстеромъ, но, по неизвѣстнымъ причинамъ, далъ ему неопредѣленный титулъ цензора по учебной части, а не директора консерваторіи, съ чѣмъ соединяется идея обширнаго полномочія, безъ котораго невозможно достигнуть значительныхъ результатовъ въ художественномъ заведеніи. Но особенныя отношенія Азіоли къ Вице-Королю и благосклонность двора доставили ему въ консерваторіи такое вліяніе и уваженіе, какими не пользовался ни одинъ изъ его преемниковъ. Большая часть элементарныхъ сочиненій для учениковъ написаны Азіоли; помощниками его были многіе слѣдующіе профес-

(*) Фетиса Старшаго, Директора Брюссельской Консерваторіи. Фетисъ Младшій, его сынъ, живетъ въ Парижѣ и пишетъ музыкальныя критики для тамошнихъ журналовъ.

соры: Миноя для пѣнія, Ролла для скрипки.

Азіоли вышелъ изъ Консерваторіи въ 1813 году. Ему наследовалъ композиторъ Федеричи, который, впрочемъ, не обнаружилъ большихъ дарованій въ художественномъ управленіи, и хотя четырнадцать лѣтъ носилъ званіе цензора консерваторіи, но мало оказалъ особенныхъ заслугъ. Онъ умеръ въ 1827 году. На мѣсто его былъ назначенъ Базили, бывший капельмейстеромъ въ Лоретто, человекъ достойный. Вступивъ въ должность, Базили тотчасъ же взглянулъ на свое положеніе съ настоящей точки: онъ не могъ не замѣтить, что его власть и вліяніе, по своей незначительности, не въ состояніи произвести какія либо улучшенія, потому что, при самомъ началѣ, ему отказали въ званіи Директора. По смерти Фіорованти, Базили принялъ мѣсто капельмейстера въ Ватиканской Капеллѣ, и отказался отъ ценсорства въ Миланской Консерваторіи.

Преемникъ его Ваккаи, до сихъ поръ служащій Цензоромъ въ этой консерваторіи, извѣстенъ своею оперою Джульетта и Ромео, Задигомъ и многими другими сочиненіями, которыя понынѣ даются въ Италіи съ успѣхомъ. Въ Парижѣ, Ваккаи былъ извѣстенъ, въ теченіе полуторагодичнаго пребыванія, какъ отличный учитель пѣнія. Въ столицѣ Франціи онъ имѣлъ случай узнать превосходныя оркестренныя исполненія тамошней консерваторіи, и убѣдиться, что Парижъ далеко оставилъ за собою всѣ прочіе Европейскіе города относительно художественнаго движенія, не смотря на многія причины, и здѣсь различными способами упирающія искусство. Можно было предполагать, что послѣ такого впечатлѣнія, Ваккаи сообщитъ жизнь новому кругу своей дѣятельности, но, къ сожалѣнію, имѣя слишкомъ мало власти и независимости по званію цензора, онъ не могъ пробудить Миланскую Консерваторію отъ летаргическаго сна. Ваккаи, подобно предѣстни-

ку своему Базили, чувствуетъ и понимаетъ столь странное положеніе, однако жъ терпѣливо переноситъ его. Занятія Ваккаи относятся больше къ административной части, нежели къ искусству. Онъ даже не преподаетъ теоріи композиціи; это лежитъ на обязанности Петра Рая (Ray), Вице-Цензора, ученика Салы и Пиччини, человека достойнаго, съ добрыми школьными преданіями, но нѣсколько лѣниваго, какъ наибольшая часть нынѣшнихъ Италіянскихъ музыкантовъ.

Собственно власть и главное управленіе Миланскою Консерваторіею находятся въ рукахъ Графа Борромео, потомка знаменитой фамиліи, изъ которой произошелъ Св. Карлъ Борромео. Графъ принадлежитъ къ числу тѣхъ ревностныхъ любителей искусства, какіе попадаются еще въ большихъ городахъ Италіи; говорятъ, будто онъ изъ своего кошелька дополняетъ мало важную сумму, опредѣленную на содержаніе консерваторіи. Графъ Борромео переписывается съ Австрійскимъ Правительствомъ обо всемъ, что относится къ управленію школы, предлагаетъ, если нужно, измѣненія въ уставѣ, однако жъ иначе, какъ съ приложеніемъ мнѣнія цензора.

Экономическая часть консерваторіи поручена особому чиновнику, находящемуся подъ главнымъ вѣдѣніемъ Графа Борромео, который распределяетъ издержки, утверждаемыя Правительствомъ. Въ началѣ каждаго мѣсяца, экономъ представляетъ Директору отчетъ за прошлый мѣсяць, и доноситъ о состояніи кассы.

Покровительство столь знатной особы и вмѣстѣ любителя искусствъ, значитъ, безспорно, весьма много, и можетъ быть полезно заведенію, которое нуждается въ поддержкѣ и пособіи Правительства; но если училищемъ, какъ на примѣръ, Миланская Консерваторія, завѣдуетъ Директоръ, Цензоръ, или лице съ другимъ титуломъ, однимъ словомъ тотъ, кому поручена часть, до искусства относящаяся, то онъ долженъ

имѣть въ рукахъ достаточную власть для благотворнаго вліянія на учителей и учениковъ, долженъ быть въ состояніи исполнять свои мысли, и всѣ распоряженія его должны имѣть силу закона. Если же, напротивъ, онъ занимаетъ второстепенное мѣсто, если онъ безпрестанно принужденъ ограничиваться предложеніями, отчетами, ожидать разрѣшенія главнаго начальника; если его подчиненные знаютъ, что можно опровергнуть его распоряженія, то никогда нельзя надѣяться на благія послѣдствія, и это лице непременно потеряетъ къ себѣ уваженіе подчиненныхъ. Не смотря на свою пользу, правильная администрація составляетъ въ художественномъ заведеніи дѣло второстепенное; только высшій умъ начальствующаго артиста можетъ приносить богатые плоды, и потому сему общему движителю должна быть предоставлена полная свобода во всѣхъ поступкахъ. На этомъ основаніи было бы необходимо, чтобъ Цензоръ Миланской Консерваторіи имѣлъ званіе Директора, и дѣйствительно соединялъ бы съ симъ званіемъ полную власть; коротко сказать, надобно, чтобы въ области музыки онъ господствовалъ неограниченно. Ожиданіе изъ Вѣны разрѣшенія отнимаетъ много времени, а отсутствіе существенной власти есть главная причина летаргіи, въ которую погружены Консерваторіи.

Воспитанники Миланской Консерваторіи живутъ въ самомъ заведеніи. Общее число ихъ простирается до пятидесяти человекъ: двадцати дѣвицъ и тридцати мальчиковъ. Оба пола совершенно отдѣлены другъ отъ друга, и сходятся только на репетиціяхъ и на торжественныхъ упражненіяхъ. Двадцать четыре воспитанника образуются на счетъ Правительства; другіе состоятъ на полупансіонѣ отъ себя, а пные платятъ ежегодно около 600 франковъ. За эту сумму они получаютъ уроки въ пѣніи или въ игрѣ на избранномъ ими инструментѣ, получа-

ютъ тоже одежду, пищу, квартиру и всѣ необходимые учебные припасы. Въ заведеніе не принимаются ученики, живущіе внѣ школы; оттого число воспитанниковъ недостаточно для образованія полнаго оркестра или хора, и тогда только Консерваторія можетъ дать концертъ, если къ ученикамъ присоединятся всѣ учителя, и театръ пришлетъ своихъ артистовъ. Но и въ такомъ случаѣ, оркестръ состоитъ изъ двѣнадцати скрипокъ, четырехъ альтовъ, трехъ віолончелей, четырехъ контрабасовъ, и изъ необходимыхъ духовыхъ инструментовъ. Въ хорѣ не бываетъ никогда больше тридцати пѣвцовъ.

При Консерваторіи находятся два учителя для скрипки, изъ которыхъ каждый имѣетъ отъ трехъ до четырехъ учениковъ, одинъ учитель для віолончели, одинъ для баса, столько же для гобоя, флейты, кларнета, фагота, волторны и трубы; кромѣ того, учитель сольфеджіо для мальчиковъ, другой учитель для дѣвочекъ, учитель фортепианный, учитель для акомпанимента, два учителя пѣнія, и наконецъ учитель декламации и литературы. На Ценсора по учебной части возложено преподаваніе генераль-баса, а Вице-Цензоръ учить начальнымъ правиламъ гармоніи и контрапункта, и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи библіотеку.

Учители получаютъ весьма незначительное жалованье. Окладъ самого Ценсора не превышаетъ 2900 франковъ, отчего, не смотря на строгій уставъ 1824 года, преподаватели небрежно исполняютъ свои обязанности. При моемъ посѣщеніи Консерваторіи, не было четырехъ учителей, хотя уже прошелъ часъ съ открытія классовъ по уставу. Ученіе продолжается только два часа; лѣтомъ оно оканчивается въ половинѣ десятаго; зимою въ половинѣ одиннадцатаго. На основаніи существующихъ правилъ, учителя, какъ при началѣ, такъ и при заключеніи классовъ, обязаны сами записывать въ книгу свое

присутствіе; по правила сія не строго исполняются, потому что трудно было бы замѣнить учителя, отставленнаго за небрежное исполненіе своей должности.

При такомъ распоряженіи, въ короткое время преподается нѣсколько предметовъ, и ученики, слѣдующіе за разнообразными курсами, не имѣютъ возможности посвятить себя исключительно одному предмету. Въ длинные летніе дни оканчивается ученіе въ половинѣ десятаго; послѣ этого, воспитанники предоставлены самимъ себѣ касательно учебныхъ занятій, потому что надзоръ за ними бываетъ тогда чисто полицейскій. Въ Парижской Консерваторіи лекціи продолжаютъ непрерывно отъ девяти часовъ утра до трехъ пополудни; въ Брюссель, день раздѣленъ на четыре учебные періода, каждый по два часа, отъ восьми часовъ утра до четырехъ пополудни. Три раза въ неделю перемѣняются предметы ученія, и четыреста воспитанниковъ могутъ слѣдовать за уроками сольфеджіо, учиться на какомъ нибудь инструментѣ, гармоніи, контрапункту или аккомпанименту. Изъ сихъ постоянныхъ уроковъ развивается родъ музыкальной атмосферы, гдѣ непрерывная дѣятельность всегда даетъ новую пищу соревнованію. Съ крайнимъ сожалѣніемъ не находилъ я подобной дѣятельности въ Италіанскихъ консерваторіяхъ, въ которыхъ воспитываются молодые люди, одаренные несравненно лучшими способностями, нежели юноши Нидерландовъ. Въ Италіанскихъ консерваторіяхъ, кажется, все спитъ, и самыя лица выражаютъ уныніе.

Я уже сказалъ, что число пансіонеровъ Миланской Консерваторіи недостаточно ни для оркестра, ни для хора. Ваккаи, видя необходимость умножить вспомогательныя средства для сихъ главныхъ стихій концерта, сдѣлалъ предложеніе объ учрежденіи классовъ для учениковъ внѣ Консерваторіи, дабы они содѣйствовали пансіонерамъ на репетиціяхъ и въ кон-

цертахъ. Ваккаи сообщилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ Директору, который, вѣроятно, представилъ отъ себя высшему начальству; но выйдетъ ли когда разрѣшеніе — неизвѣстно. Между тѣмъ, отъ затруднительнаго положенія Консерваторіи платить наемнымъ музыкантамъ, безъ которыхъ не могъ бы составиться и оркестръ, пробы бываютъ весьма рѣдко, слѣдовательно и успѣхи весьма медленны. Въ бытность мою въ Миланѣ, Консерваторія готовилась къ концерту для раздачи призовъ; я былъ приглашенъ на послѣднюю генеральную пробу, и съ удовольствіемъ явился въ заведеніе.

Изъ Миланской Консерваторіи вышла Джудита Гризи, и хотя она не занимаетъ мѣста между первоклассными пѣвицами, однако жъ школа можетъ гордиться ею. Здѣсь образовалась также Стрепони, и, если не ошибаюсь, Фрецолини, нынѣ лучшія пѣвицы въ Италіи. Не знаю, какой злой духъ господствуетъ теперь надъ Миланскою Консерваторіею: я не слышалъ ни одного голоса, который бы что нибудь обѣщаль, а ограниченное число получившихъ призь изумило меня. Лучше всѣхъ была одна дѣвочка изъ Мюнхена, кажется, покровительствуемая Баварскою Королевою; но и ея пѣніе далеко было неудовлетворительно. Прочія стояли ниже посредственности, и хористы не превосходили солистовъ.

Одинъ скрипачъ, почти ребенокъ, возбудилъ въ посѣтителяхъ необыкновенный восторгъ. Я замѣтилъ въ немъ счастливыя дарованія, однако онъ не имѣлъ ни тона, ни смычка. Если въ этомъ юномъ артистѣ природа возьметъ свое, то образованіе его должно начинать сначала, ибо я не видѣлъ въ немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ школы, то есть, основныхъ правилъ скрипичной игры. Ваккаи, дирижировавший оркестромъ, уступилъ потомъ свое мѣсто одному молодому человѣку, который самъ долженъ былъ дирижировать при исполненіи увертюры своего сочинен-

ніа. Музыка вполнѣ отличалась модными формами, то есть, не могла похвалиться богатствомъ идей, и вообще была ни лучше, ни хуже многихъ современныхъ Италіянскихъ сочиненій. Молодой композиторъ, кажется, имѣлъ большую довѣренность къ своимъ силамъ, едва ли не излишнюю для будущности. Но о первомъ опытѣ нельзя произносить рѣшительнаго сужденія.

Общимъ исполненіемъ я остался недоволенъ, да лучшаго нельзя было и ожидать при небрежности, господствующей на репетиціяхъ. Я вполнѣ убѣдился, что Цензоръ Консерваторіи, по своему положенію, не можетъ внушить подчиненнымъ ни довѣренности, ни уваженія, а только такими средствами онъ былъ бы въ силахъ произвести коренную реформу въ застарѣлыхъ обычаяхъ. Ваккаи далъ темпъ; но первая скрипка также думала имѣть право дать свою мѣру, и оттого нѣсколько минутъ было замѣтно непріятное колебаніе. Такимъ образомъ, Гайдновъ хоръ повторилъ два раза съ начала до конца. И это они называли репетиціею! По моему мнѣнію, надлежало бы остановить музыкантовъ при первыхъ ударахъ смычка, и начать піесу съ строжайшею точностію и энергіею. Иныя мѣста надобно было бы повторить двадцать разъ для выраженія всѣхъ оттѣнковъ; но объ этомъ никто не трудился даже думать. Столь странную небрежность Ваккаи оправдывалъ тѣмъ, что для совершеннѣйшаго ис-

полненія надлежало бы умножить число репетицій, и затянуть дѣло надолго; тогда наемные музыканты потребовали бы прибавки, а Консерваторія не имѣетъ средствъ. Тогда не было бы времени и заниматься этимъ дѣломъ, потому что при первомъ намекѣ о пробахъ, Италіяны всегда нашли бы другія занятія. Италіяны уже не пылаютъ тою любовію къ искусству, которая доставляетъ наслажденіе при исполненіи своей обязанности.

Легко понять, что при подобныхъ условіяхъ трудно усовершенствовать образованіе артистовъ, учениковъ и публики. Никто, кажется, не обратилъ вниманія на недостатки, меня изумившіе; Италіяны такъ привыкли къ нимъ, что не допускаютъ существованія лучшаго. Вскорѣ послѣ этой пробы, я прочиталъ въ Болонскомъ Журналѣ похвалу всему, что я теперь порицалъ. По мнѣнію журнала, концертъ удался превосходно, и успѣхи Консерваторіи не оставляли желать ничего больше.

Въ другой разъ поговоримъ о музыкальномъ училищѣ въ Бергамо, которымъ управляетъ достопочтенный Симонъ Майръ (Maug), и о музыкальномъ Лицеѣ въ Болоньѣ, которому Россини хочетъ вдохнуть новую жизнь. Сообщу также нѣсколько любопытныхъ подробностей о Консерваторіи въ Неаполѣ, которая одна пережила всѣ знаменитыя школы, существовавшія нѣкогда въ этомъ городѣ.

ДОЙЕНЪ,

ИЛИ АРТИСТЪ ПО ЛЮБИ КЪ ИСКУССТВУ.

Старика Доёна можно было назвать воплощеною трагедіею. Онъ былъ послѣдній изъ ревущихъ Римлянъ. Дюгазонъ говорила, что Доёнъ походилъ на кривой Александрійскій стихъ, державшійся на двухъ хромыхъ полустішихъ, потому что у Доёна одинъ глазъ былъ стеклянный, и одна нога немного волочилась. Но какой-то провазникъ замѣтилъ, что Доёнъ, по натурѣ своей, походилъ и на барана, и на теленка: въ чувствѣ, онъ былъ блестящій баранъ; въ страсти, упрямый теленокъ. Въ немъ, дѣйствительно, соединялись оба качества; однако жъ, человѣческій голосъ составлялъ *basso cantabile* въ томъ драматическомъ сладкопѣніи, которое Доёнъ примѣнялъ ко всѣмъ трагедіямъ.

Жизнь этого аматера, по преимуществу, была декламациею, или, вѣрнѣе, вѣчнымъ завываніемъ. Доёнъ декламировалъ передъ своею женою, передъ парикомъ, передъ актерами, передъ своею публикою; онъ ѣлъ, гулялъ, спалъ, декламируя; переставъ декламировать, онъ пересталъ жить; онъ умеръ отъ недоговоренной тишины.

Бѣдный старикъ! Надъ нимъ много смѣялись, а между тѣмъ Французская Комедія ему обязана своими лучшими сюжетами, которые, прежде нежели достигли до Перваго Театра, всѣ должны были проходить черезъ театръ *Краснаго Шара*. Почти всѣ они не признавали ни какихъ дарованій въ почтенномъ про-

фессорѣ, который первый освѣщалъ ихъ своими совѣтами, своими кинкетами, услаждалъ ихъ слухъ дружескими рукоплесканіями и восторженными браво, тѣмъ болѣе лестными, что тутъ дѣйствовало совершенное безкорыстіе. Старикъ, со слезами на глазахъ, то есть, на правомъ глазѣ (лѣвый не плакалъ), говаривалъ: «Я создавалъ героннъ, принцессъ, императоровъ, полубоговъ; я давалъ имъ свою залу, свой театръ, свою публику, и поддерживалъ ихъ своимъ талантомъ; они, въ день своихъ дебютовъ, присылали мнѣ мѣсто въ оркестръ, а на другой день успѣховъ отказывались порадовать билетомъ въ партеръ. Я могу сказать съ Наполеономъ: «Во всю свою жизнь я давалъ бытіе только знаменитымъ неблагодарнымъ!»

Не смотря на такія неудачи, старикъ продолжалъ создавать полубоговъ и принцессъ. Его театръ всегда былъ преддверіемъ Французской Комедіи; его малочисленная публика была предшественницею публики многочисленной, отъ которой зависитъ безсмертная слава здѣшняго міра. Представьте себѣ этого достойнаго чловѣка, разгуливающаго въ одеждѣ Римскаго Императора, Арабскаго вождя или Китайскаго мандарина по сценѣ, которая ему принадлежала, передъ партеромъ, который былъ ему преданъ. Никто не обращалъ вниманія на его разсѣянность, на его хозяйственныя распоряженія. Часто Агамемнонъ подносилъ табакерку мудрому

Улиссу и вытирался клетчатымъ платкомъ; иногда, Оросманъ вдругъ прерывалъ свою длинную, жаркую тираду, и съ удивительнымъ хладнокровіемъ обращался къ женѣ своей:

— Посмотри, душа моя: лампа что-то курится!»

Или, подойдя къ рамкѣ, свирѣбый Чингисъ-Ханъ кричалъ молодымъ повѣсамъ:

— Эй, шалуны! Развѣ вы пришли сюда повѣсничать?

Иногда, въ жару дѣйствія, у Магомета выпадалъ стеклянный глазъ, который онъ поднималъ весьма спокойно, и уходилъ въ кулису вставлять, при помощи своей супруги. Кромѣ вставнаго глаза, знаменитый трагикъ вслѣдъ вечеръ приклеивалъ себѣ двѣ красивыя брови, придававшія странное выраженіе его фizioноміи. Однажды, будущій пансіонеръ Французскаго Театра К..., человекъ весьма умный и величайшій повѣса, играя съ Дойенемъ, тиховько сказалъ ему: «Пана Дойень! Одна бровь ваша свалилась!»—Которая, мой сынъ? отвѣчалъ добрякъ, продолжая въ сторону. «Лѣвая,» говоритъ шутникъ... И въ то же мгновеніе, Императоръ Неронъ, однимъ взмахомъ руки, отдираетъ правую бровь, и остается съ черною полосою надъ лѣвымъ глазомъ, къ величайшему изумленію публики.

Много случалось и другихъ артистическихъ фарсовъ, которыхъ несчастный профессоръ былъ жертвою со стороны своихъ питомцевъ-проказниковъ. Мистификаціи всюду его преслѣдовали. Старикъ сердился, выходилъ изъ себя, но лишь только начинали ему говорить объ его универсальномъ талантѣ, онъ хохоталъ и все забывалъ. Старикъ, съ своею уморительною фizioноміею, коротенькими ножками и толстымъ брюхомъ, имѣлъ притязаніе на всѣ роды, отъ благородныхъ отцевъ до молодыхъ влюбленныхъ включительно. Для какой бы роли не доставало актера, Дойень всегда брался сы-

грать ее. Для всѣхъ дебютантокъ въ роляхъ простодушныхъ, для всѣхъ принцессъ, для резонеровъ и наперсниковъ, имѣлъ онъ оркестръ, суфлера, который исполнялъ также должность ламповщика, декоратора и репетитора; старикъ давалъ все нужное, даже публику, если ее не было, публику образованную, публику умныхъ и благосклонныхъ хлопальщиковъ. Тутъ находились старые артисты, литераторы, любители, которые съ перваго взгляда угадывали будущность цѣстиннаго художника, давали ему направленіе, ободряли его, воспаляли, задавали ему *осса*, по закулискому выраженію, чтобъ онъ могъ галопировать къ безсмертію.

Въ началѣ революціи, нѣсколько молодыхъ людей собрались въ кофейнѣ Французскаго Театра, и жарко между собою разговаривали:

— Да, мой милые, говорилъ одинъ изъ нихъ, ударяя себя по лбу, я чувствую, что мною овладѣлъ, что меня мучитъ драматическій демонъ; ремесло моего отца, который хочетъ сдѣлать меня своимъ преемникомъ, открыло мое истинное призваніе: онъ извлекаетъ крики боли и страха, и я хочу производить надъ публикою то же самое дѣйствіе, не вырывая у ней зубовъ.

«Прекрасно, неподобно, по чести! кричали всѣ слушатели со смѣхомъ; батюшка его дантистъ.»

— Да, возразилъ молодой аматеръ, принявъ болѣе важный видъ: онъ хочетъ передать мнѣ всѣ челюсти, которыя составляютъ его практику; онъ увѣряетъ, что зуборванъ благодѣтель человѣческаго рода, и что въ мірѣ нѣтъ лучшаго ремесла. Я совсѣмъ иначе думаю: роль благодѣтеля человѣческаго рода нисколько меня не соблазняетъ, и я желалъ бы промѣнять родительскія клещи на трагическій кивжалъ Лекеня. Но какъ это сдѣлать? Рѣшительная минута настала; на этой недѣлѣ я долженъ узнать, чѣмъ мнѣ быть: дантистомъ или трагикомъ?

«Что же, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей, надобно дебютировать; ты знаешь какія нибудь роли?»

— Да, я училъ роль Сеида съ Сенвалъ младшею; она говоритъ, что я хорошо сыграю. Но голоса Сенвилъ мнѣ мало: я долженъ явиться на сценѣ передъ публикою, а гдѣ ее взять?

«Гдѣ взять! вскричалъ одинъ аматеръ; старикъ Доёнъ все это можетъ доставить тебѣ по настоящей цѣвѣ. Да вотъ здѣсь есть одинъ изъ его воспитанниковъ и пансіонеровъ; онъ съ удовольствіемъ представитъ тебя великому Агамемному Театра Краснаго Шара.

Старый актеръ, дѣйствительно, предложилъ свои услуги молодому человѣку, и оба отправились къ Доёну. Ихъ встрѣтила супруга этого почтеннаго мужа, превосходная женщина, которая почитала своего супруга первымъ трагикомъ въ мірѣ. Она объявила, что сожитель ея преподаетъ теперь свой курсъ декламации, и ввела гостей въ классъ, гдѣ достопочтенный профессоръ, безъ парика, съ рукавами, засученными до локтей, старался влить трагическое вдохновеніе въ молодую дочь привратницы. Гости сѣли на скамеечку, въ углу залы. Профессоръ объяснялъ роль Пальмиры, именно сцену проклятiя противъ Магомета.

— Прошу васъ, mademoiselle, быть внимательнѣе, говорилъ съ важностію папа Доёнъ; извольте принять уstraшенный видъ: ноги въ третью позицію, корпусъ нѣсколько назадъ, руки къ небу, уста полуоткрытыя, глаза блуждающіе.... вотъ такъ....

Профессоръ сдѣлалъ такую ужасную гримасу, что дѣвочка чуть-чуть не захотала.

Доёнъ продолжалъ:

— Печестивецъ Омаръ отдалъ приказъ схватить меня, Сеида, вашего любовника, и говорить, входя:

Qu'on arrête Séide!

Secourez tous Zopire, enchaînez l'homicide;
Mahomet n'est venu que pour venger les lois.

Я отвѣчаю ему, въ четвертой позиціи, совершенно согнувшись въ дугу, сжавъ кулаки и скрежеща зубами:

Ciel! quel comble de crime, et qu'est ce que je vois....
Mahomet me punir....

Минута молчанiя для того, чтобы выразить изумленіе. Разъ, два, и я остаюсь въ позиціи.... Ну, теперь вамъ....

— Eh quoi! tyran farouche....

Но, вмѣсто проклятiя, дѣвица захохотала.

— Что это значить! вскричалъ Доёнъ, бросивъ на свою воспитанницу гнѣвный взглядъ. Мадемуазель Пальмира! Не угодно ли вамъ войти въ положеніе! Извольте обратиться къ Магомету.

Дѣвица, какъ могла, сдѣлала обращеніе къ Магомету; но когда она дошла до слѣдующихъ двухъ стиховъ, которые прокричала визгливымъ голосомъ:

Arrêtez! le barbare empoisonna mon frère!
Monstre! ainsi son trépas t'aura justifié!...

Профессоръ вспрыгнулъ и завопилъ:

— Боже мой, Боже мой! Можно ли такъ читать!... Въдъ ты похожа теперь на привратницу Муфтарской Улицы, которая бранится на крыльцѣ съ жильцемъ, и говоритъ ему: «Monstre, чудовище! Ты убилъ мою кошку!»

— Ты должна представить себѣ, душа моя, что Магометъ великій злодѣй, гнусный человѣкъ, который заставилъ меня убить моего почтеннаго отца, который отравилъ меня мышьякомъ, и хочетъ насильно на тебѣ жениться.... Ну, скажи мнѣ, что бы ты сдѣлала, если бы была лицомъ къ лицу съ такимъ молодцемъ?

«Что!... Да я объявила бы полицейско-му комиссару....

— О, какія глупости! вскричалъ профессоръ, топнувъ ногою.... Довольно, ступай! Если завтра ты не прочитаешь,

мнѣ, по надлежащему, проклятiя, я не пушу тебя въ классъ.

Дѣвочка убѣжала, а профессоръ подошелъ къ гостямъ.

— Что прикажете дѣлать съ молодежью, сказалъ онъ добродушно улыбаясь, любить похохотать; но, со временемъ, я надѣюсь сдѣлать что нибудь изъ малютокъ.... Теперь позвольте мнѣ спросить, что доставляетъ мнѣ удовольствiе васъ у себя видѣть?

Старый актеръ, прiятель Доёна, объяснилъ намѣренiя молодаго человѣка.

— А, молодой человѣкъ, возразилъ Доёнъ, осматривая гостя, вы хотите дебютировать на моемъ театрѣ?... Вѣдь у меня были всѣ актеры Французской Комедiи, всѣ они являлись на моей сценѣ, только не хотятъ, гордецы, вспомнить объ этомъ!... А кто былъ вашимъ профессоромъ?

«Госпожа Сенваль младшая,» отвѣчалъ дебютантъ.

— А, женскiй профессоръ.... не дурно! Сенваль дѣвочка съ достоинствами.... Вотъ еще питомица *Краснаго Шара*, вотъ еще неблагодарная! Но все равно, я люблю ее; она дѣлаетъ мнѣ честь. Какую же роль вы выбрали?

«Роль Сеида, въ *Магометъ*.»

— Сеида! Я готовъ былъ держать пари: это конекъ всѣхъ дебютантовъ. Да, роль горячая, со взрывами! Кто имѣетъ хорошия легкiя, сильныя нервы и малую толику жара, тотъ, навѣрное, можетъ прожечь доски и увлечь зрителей. Въ прежнее время, я бывалъ не дурень въ этой роли; и теперь, по нуждѣ, препорядочно отдѣлаю. На этотъ разъ, впрочемъ, я буду помогать вамъ, молодой человѣкъ; я буду вашимъ Магометомъ: это одно изъ лучшихъ моихъ созданий, по словамъ самаго Лекеня; онъ говоритъ, что я производилъ удивительный эффектъ, въ чемъ вы сейчасъ убѣдитесь, прибавилъ Доёнъ съ улыбкою. Я отдалъ повелѣнiе....

На зовъ Доёна явился уморительно-

смѣшной человѣчекъ, режиссеръ, декораторъ, ренетиторъ, ламповщикъ и суфлеръ, все въ одномъ лицѣ.

— Шеро, сказала Доёнъ, вотъ юный Сеидъ, рекомендованный Сенвальшей; намъ нужно постараться, чтобы не ударить себя лицомъ въ грязь.... Я играю Магомета!

— Слушаю, Г. Доёнъ, отвѣчалъ Шеро; Магометъ у меня всегда подъ рукою; дѣло пойдетъ на ладъ... А публику надобно?

«Это я беру на себя,» замѣтилъ молодой человѣкъ.

— И то хорошо! Все остальное намъ, прибавилъ человѣчекъ.

Когда съ обѣихъ сторонъ приняты были всѣ условiя, гости простились съ достопочтеннымъ Профессоромъ. Знаменитое представление назначено было на слѣдующее Воскресенье.

Въ Воскресенье, въ театрѣ Доёна собралась публика многочисленная; не мало собралось и друзей дебютанта, который, одѣваясь въ уборной, важно говорилъ окружавшимъ его лицамъ:

— Друзья мои! Нынѣшнiй вечеръ есть великое для меня событiе; оно должно рѣшить мою будущность; я хочу быть или великимъ актеромъ, или вовсе не выходить на сцену. Сенваль находитъ во мнѣ способности; но, быть можетъ, она смотритъ на меня слишкомъ снисходительно. Будьте моими судьями, рѣшителями моей судьбы; будьте строги, но безпристрастны. Вотъ чего я прошу у васъ. Обѣщаете ли вы сказать мнѣ сущую правду?

Всѣ дали честное слово.

— И такъ, я вполне долженъ вѣрить вашему приговору! Садитесь; да совершится мое назначенiе!

Пiеса шла довольно хорошо. Дебютанту много аплодировали, особенно дамы, которымъ нравилась его красивая наружность, прiятныя манеры, звучный и выразительный голосъ. Игра дебютанта была очень неровна; вдохновенiе, являлось

отрывками; нѣкоторые слова онъ произносилъ весьма удачно; вырывались у него даже истинно трагическіе эффекты; но все это было только мгновеннымъ проблескомъ; цѣлое казалось весьма слабымъ. Надобно, впрочемъ, и то сказать, что много вредило дебютанту воспоминаніе зрителей объ увлекательной игрѣ Монвеля въ той же самой роли, ибо всѣ неволью судили о немъ по сравненію. И потому, не смотря на рукоплесканія снисходительной публики, дружескій трибуналъ рѣшилъ единогласно, что дебютъ, при всей своей удовлетворительности, не обнаружилъ дарованія великаго трагика, что юный Сеидъ можетъ сдѣлаться замѣчательнымъ любителемъ, но что ему и думать нельзя заступить мѣсто Лекеня, Ларива и Монвеля. На лучшаго друга дебютанта возложено было сообщить сей приговоръ. Дебютантъ выслушалъ молча рѣшеніе своей участи; болѣзненное чувство мелькнуло на его лицѣ; онъ тяжело вздохнулъ, и тревожнымъ голосомъ сказалъ:

— Это ваше единодушное, добросовѣстное, откровенное мнѣніе.

Друзья кивнули головою.

— Благодарю васъ за откровенность, продолжалъ дебютантъ, проведя рукою по своему высокому челу; я вѣрилъ въ призваніе, и обманулся... Буду зубнымъ врачомъ, а не трагикомъ.

Грустно было видѣть разрушеніе надеждъ молодаго человѣка, въ замѣчательной фізіономіи котораго выражалась какая-то грустная задумчивость, голосъ котораго имѣлъ въ себѣ много драматической выразительности; но приговоръ былъ произнесенъ, и осужденный объявилъ, что онъ вполне ему подвергается.

Одинъ Доёнъ протестовалъ противъ этого приговора. — Жаль, говорилъ онъ, а я чтонибудь изъ него бы сдѣлалъ! Конечно, онъ игралъ противу всѣхъ правилъ, не слѣдовалъ ни одному офіціальному преданію; однако жъ, мѣстами у него мелькало вдохновеніе, и въ знаменитой сценѣ

пятаго дѣйствія, онъ навелъ на меня ужасъ, и казался дѣйствительно отравленнымъ; онъ былъ превосходенъ, хотя и не соблюдалъ третьей позиціи.

— Благодарю, благодарю васъ, папа Доёнъ, сказалъ молодой человѣкъ, за похвалу, для меня крайне лестную; но большинство голосовъ восторжествовало, и приговоръ остается безъ апелляціи. Прощайте! Иду извлекать зубы вмѣсто того, чтобы извлекать слезы.

Молодой человѣкъ отправился съ отцемъ своимъ въ Лондонъ. Всѣ о немъ совершенно забыли.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого драматическаго событія, на Французскомъ Театрѣ давали драму *Отецъ Семейства*. Роль Сеи-Альбеа взялъ на себя молодой дебютантъ, имя котораго никто не думалъ запомнить. Дебютантъ вышелъ, и при первыхъ произнесенныхъ имъ словахъ, старикъ Доёнъ сказалъ своему пріятелю:

— Ба! Вѣдь это нашъ Сеидъ, воспитанникъ Сенвальши, тотъ самый, которому друзья пропѣли вѣчную память... Ну, вотъ онъ вспомнилъ мои слова, и хорошо сдѣлалъ: если онъ будетъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, я сдѣлаю изъ него чтонибудь... Слушайте, онъ сказалъ знаменитое: «У меня тысяча дѣсти ливровъ дохода», какъ будто владѣтель Перу. Нѣтъ, вы ошиблись, господа судьи; у меня взглядъ вѣрный, я угадалъ его призваніе... и публика согласна со мною.

Зрители, въ самомъ дѣлѣ, отлично хорошо приняли дебютанта. Послѣ спектакля, старикъ Доёнъ отправился къ нему въ уборную съ своимъ пріятелемъ. Молодой человѣкъ тотчасъ узналъ ихъ, и пожимаемая руку Доёну, сказалъ:

— Ну, папа Доёнъ, одна изъ вашихъ заблудшихъ овецъ возвращается къ стаду; я уничтожилъ свой приговоръ на вѣчное ремесло дантиста; драматическій бѣсъ пересилилъ; я вспомнилъ, что нѣкогда навелъ на васъ ужасъ, хоть и не стоялъ въ третьей позиціи... Вы одни объявили, что

туть есть кое-что (молодой человекъ указалъ на свою голову), и я вздумалъ испытать, что именно выйдетъ отсюда. Хорошо ли я поступилъ?

— Такъ, возразилъ Доёнъ, я не отпираться отъ своихъ словъ: въ этой головѣ есть кое-что, и если вы будете посѣщать мой классъ...

«Благодарю, папа Доёнъ! Я нашелъ двухъ профессоровъ, которые, не во гнѣвъ будъ вамъ сказано, не имѣютъ себѣ подобныхъ.»

— А кто таковы эти два феникса? спросилъ старый декламаторъ съ презрительною миною.

«Природа и исторія!» отвѣчалъ молодой человекъ.

— Природа и исторія!.. повторилъ добрякъ, улыбаясь; профессора идеальные!

«О нѣтъ, могущественные властелины, которые руководствуютъ мною, вразумляютъ меня, на каждомъ шагѣ открываютъ невѣдомыя красоты, высокія истины. Читая Тацита, я вижу Нерона, слышу его голосъ; знакомлюсь съ его фizioноміей, съ его костюмомъ по медалямъ. Тогда я разоблачаю Нерона Французскаго Театра, даю ему видъ настоящаго Римскаго Императора, причесаннаго à la Titus, по древнему...»

— Какъ, вскричалъ Профессоръ въ порывѣ величайшаго негодованія, ты хочешь преобразовывать театр, несчастный!

«О, если бы я могъ! возразилъ молодой актеръ со вздохомъ; но какія права имѣю я?... Все равно, попробую... Въ нынѣшнее время общихъ преобразованій, должно привести театръ къ истинѣ, и я, съ своей стороны, всѣми силами буду содѣйствовать этому, всю жизнь посвящу такому важному труду...»

Старикъ Доёнъ сдѣлалъ ужасную гримасу, и, взявъ за руку юнаго преобразователя, сказалъ ему самымъ патетическимъ голосомъ:

— А я, молодой человекъ, посвящаю остатокъ моихъ дней на сохраненіе благотворныхъ правилъ, которыя преподаю сорокъ лѣтъ... Преданіе, преданіе, вотъ верховный законъ! Горе тому, кто нарушитъ его!... Безъ правилъ нѣтъ спасенія!... Да, кстати, прибавилъ старикъ съ улыбкою, какъ вы прозываетесь, мой юный другъ... я забылъ ваше имя.

«Тальма,» отвѣчалъ молодой человекъ.

— Тальма!... Хорошо, я припомню.

И ужасный Агамемнонъ вышелъ, грозно поглядывая правымъ глазомъ на безразсуднаго Ахиллеса.

Извѣстно, какимъ образомъ юный преобразователь совершилъ свой подвигъ. Имя Тальмы безсмертно во Франціи, а старика Доёна давно забыло драматическое поколѣніе. Неблагодарное!.. Старикъ Доёнъ, сей мужественный защитникъ благотворныхъ правилъ, древнихъ преданій, возставалъ ежедневно, ежечасно, до послѣдняго дыханія, противъ незаконныхъ поступковъ того, кого называлъ драматическимъ Бонапартомъ. Всѣ парики были уничтожены: одинъ Доёнъ сохранилъ свой съ благоговѣніемъ; костюмы Греческіе и Римскіе были шиты по древнимъ статуямъ: одинъ Доёнъ продолжалъ сообразовать свой костюмъ съ преданіемъ. «Преданіе, преданіе! повторилъ онъ безпрестанно своимъ ученикамъ; будемъ держаться, дѣти, преданія; его можно забыть на минуту, а все таки опять воротиться. Безъ правилъ, нѣтъ спасенія!...»

Увы! старый драматическій блюститель протестовалъ все; его ученики увлеклись идеями; никто не хотѣлъ думать о преданіи, о правилахъ; старинные костюмы продавались тряпчникамъ. Переворотъ восторжествовалъ! Несчастный Доёнъ расхаживалъ по пустому классу съ малюткою Шеро, своимъ наперсникомъ.

— Ну, Шеро, вскрикивалъ старикъ отчаяннымъ голосомъ; ты видишь, они всѣ, неблагодарные, оставляютъ меня;

всѣ приносятъ себя въ жертву модному идолу!

Послѣ этого, старикъ продолжалъ претрагическимъ голосомъ :

— Тальма, Тальма! Несчастный! Куда онъ стремится? На чемъ онъ остановится? Онъ идетъ по слѣдамъ своего Бонапарта; онъ овладѣлъ драматическою республикою, уничтожилъ цезуру, какъ тотъ уничтожилъ уложеніе VIII года; онъ наложилъ руку на риему, Расина перевелъ въ прозу, Вандаля!... Все смѣшано, все перепутано, ничего нельзя узнать! Нѣтъ ни времени, ни полустипшій, ни словъ съ эффектными преданіями, ни неизмѣннаго высокаго! Тальма создалъ высокое по своему, говорить, какъ говорятъ всѣ... И ему аплодируютъ, находятъ это прекраснымъ! Жалко и глупо!... А къ намъ все таки возвратятся; не правда ли, Шеро?

«Непремѣнно, господинъ Доенъ, возвратятся, отвѣчалъ маленькій суфлеръ; должны возвратиться; неужели мы проповѣдовали сорокъ лѣтъ даромъ?»

Старикъ Доенъ задумалъ самую оригинальную мѣсть. Лишившись своей почтенной супруги, онъ вступилъ во второй бракъ съ молодою особою, драматическое воспитаніе которой взялъ на себя, чтобы сдѣлать изъ жены женскаго Тальму... по старой методѣ. Между тѣмъ, онъ продолжалъ играть всѣ роли своего репертуара, даже роли первыхъ любовниковъ. Поразительно и уморительно было видѣть, когда толстый старичекъ, съ кривляющимся лицомъ, гнусявымъ голосомъ, старался поддѣлываться подъ манеры юноши или любезнаго повѣсы. Онъ воображалъ, что всегда былъ молодецъ передъ кенкетами. Но память мало по малу стала ему измѣнять. Иногда, онъ вдругъ останавливался, и тихонько говорилъ своему другу :

— Подсказывай же, Шеро!

Шеро подсказывалъ въ полголоса, а

такъ какъ Агамемнонъ былъ крѣпокъ на ухо, то Шеро начиналъ кричать. Въ эту минуту, пока Доенъ ударялъ себя въ лобъ, какъ человѣкъ изумленный :

— Да, говорилъ онъ, точно такъ; но какъ это я забылъ!

Такіе случаи повторялись довольно часто, и публика отъ души хохотала. Однажды, старикъ Доенъ отвелъ въ сторону своего друга, и патетическимъ голосомъ предложилъ ему слѣдующій затруднительный вопросъ :

— Скажи мнѣ, Шеро, развѣ я дурно сталъ играть?

Шеро отвѣчалъ простодушно, подобно Жилблазу :

Кажется, господинъ Доенъ!

— Странно, возразилъ старый трагикъ, я думалъ, что всѣ еще способности при мнѣ... Однако, попробуемъ.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, попробовалъ; но однимъ вечеромъ, въ концѣ тирады, послѣднее полустипшіе остановилось у него въ горлѣ, и старика надобно было снести въ постель. Здѣсь, обративъ къ своему репетитору умирающій правый глазъ (лѣвсей уже давно умеръ), онъ сказалъ :

— Другъ мой, Шеро! Кажется, ты сказалъ правду, что я начинаю плохо играть... Да, я совершенно ослабѣваю... Послушай: я завѣщаю тебѣ свою мѣсть, доверши драматическое образованіе моею юной супруги, приготовь ее къ театру, и если она забудетъ мои наставленія, если пожертвуетъ ложнымъ богамъ, я приказываю тебѣ предать ее смерти.

Шеро затрепеталъ отъ ужаса.

— Да, продолжалъ умирающій, я уполномочиваю тебя...освистать ее...Прощай.

Старикъ прибавилъ слабымъ голосомъ :

— Вмѣстѣ съ поэтомъ повторяю:

Les vers sont enfans de la lyre,

Il faut les chanter, non les dire.

Профессоръ испутилъ духъ, декламируя.

ДЮСИСЪ.

Имя Дюсиса, некогда столь громкое, теперь осталось только принадлежностію Исторіи Литературы. Авторъ *Гамлета* испыталъ на себѣ участь тѣхъ нововводителей, которые, накануне и на другой день переворота, являются непринужденными ни къ той, ни къ другой партіи. Въ прошедшемъ столѣтіи, Лагарпъ, съ братіею, жестоко возставалъ на Дюсиса за то, что онъ подражалъ, или, какъ тогда говорили, *скрашивалъ* драмы Шекспира, а теперь, новая школа смотритъ съ презрѣніемъ на такія подражанія, и рѣшительно отнимаетъ у Дюсиса всѣ достоинства.

Смѣшно было бы сравнивать Дюсиса съ Шекспиромъ: это небо и земля. Дюсисъ не имѣлъ ни пламеннаго воображенія, ни гибкаго и обширнаго ума; поэтъ и чловѣкъ составляли въ немъ одно неразрывное цѣлое, и жили въ тѣсной дружбѣ чувствъ и языка; натура Дюсиса видна во всѣхъ его произведеніяхъ, въ какомъ бы пластвъ они не были задуманы. По выраженію *Сталь*, *геній Дюсиса заключался въ его сердцѣ, и тутъ былъ на своемъ мѣстѣ*. Дюсисъ избралъ себѣ путь ложный, и если на этомъ пути не встрѣчаешь поэта, то навѣрное встрѣтишь чловѣка, съ полнымъ развитіемъ его характера. Если бы Дюсисъ не имѣлъ ни малѣйшихъ достоинствъ, какъ писатель, то сочиненія его могли бы служить любопытнымъ документомъ: какимъ образомъ XVIII вѣкъ смотрѣлъ на Шекспира? Дѣ-

ло въ томъ, что Дюсисъ отразилъ на себѣ вліяніе своего вѣка; его сочиненія, которыя онъ называлъ *записками своей жизни*, показываютъ современника Вольтера и Жанъ-Жака Руссо. Подражая Шекспиру, онъ шелъ по слѣдамъ Вольтера, впервые познакомившаго Французовъ съ Британскимъ геніемъ; онъ повиновался тому вкусу къ литературѣ Англіи, напыщенное выраженіе которой находится въ похвальныхъ словахъ Дидерота, въ предисловіяхъ Летуриера и аббата Прево. Вообще, Дюсисъ дѣлалъ то же, что дѣлали почти всѣ Французскіе трапикки, начиная отъ Жоделля до Расина и Вольтера, попеременно подражавшихъ театрамъ Латинскому, Испанскому или Греческому. Въ *Письмахъ объ Англіи*, Вольтеръ возвѣстилъ о существованіи Англійской Литературы, и нашелъ въ ней руду обильную, никѣмъ еще не разработанную. Въ то же время, краснорѣчіе Руссо ввело въ моду красоты и чувства природы; тогда во всемъ хотѣли видѣть мораль, естественность, чувствительность. Грезъ и Шекспиръ, *Нравственныя Повѣсти* и Англійскіе Сады, раздѣляли симпатію моднаго свѣта я досугъ дружескихъ ужинновъ. Во всѣхъ твореніяхъ Дюсиса господствуетъ сія наклонность умовъ, сей нравственный и сентиментальный лоскъ; но въ Дюсисѣ есть черта, одному ему свойственная: онъ соглашалъ свои слова съ поступками, былъ истиннымъ органомъ того, что вокругъ него говорили и чему, однако жъ, не вѣри-

ли. Всѣ нравственныя сентенціи, всѣ основныя правила добродѣтели и преданности, выражаемая трагическою музою Дюссиса, таились въ его сердцѣ, глубоко проникнутомъ религіознымъ воспитаніемъ, любовію къ семейной жизни и благородствомъ характера.

Жанъ-Франсуа Дюссисъ родился въ Версали, 22 Августа 1733 года, отъ честныхъ родителей, принадлежавшихъ къ купеческому сословію. Учебное воспитаніе его началось довольно поздно; ему было лѣтъ дѣсять или одиннадцать, когда онъ поступилъ въ пансіонъ, а оттуда въ Версальскій коллегіумъ, гдѣ, кажется, не отличился ничѣмъ особеннымъ. Откровенность, даже дикость его характера, съ трудомъ подчинялись той университетской гимнастикѣ, которая прилична умамъ острымъ, неположительнымъ; но при недостаткѣ болѣе основательнаго ученія, Дюссисъ почерпалъ въ кругу своего семейства, въ примѣрѣ родителей, прочныя начала нравственнаго воспитанія, бывшія живымъ источникомъ и существеннымъ отличіемъ его таланта. Съ отцемъ своимъ, онъ часто читалъ Плутарха и Библію, что, конечно, возвышало его душу, воспламеняло юношеское воображеніе. Сходство характеровъ сдружило Дюссиса, въ Коллегіумѣ, съ достойнымъ молодымъ человѣкомъ, Валье. Желая, по возможности, не быть въ тягость родителямъ, юноши вздумали испытать странное средство, по видимому, въ подражаніе Гольдсмиту или Жанъ-Жаку Руссо. Всякій мѣсяць, вооружась палками, въ башмакахъ съ желѣзными подковами, въ шляпахъ съ широкими полями, молодые люди отправлялись путешествовать за десять миль въ окружности, просили гостепрѣимства у приходскихъ священниковъ, и за то прислуживали въ церкви. Такимъ образомъ прожилъ Дюссисъ нѣсколько лѣтъ, занимаясь, въ свободное время, переводомъ Ювенала, который послѣ сжегъ, по совѣту Валье. Подобныя контрасты часто встрѣ-

чаются въ жизни Дюссиса, но ихъ легко объяснить, къ чести его характера: молодой человѣкъ, цѣломудренный, благочестивый, конечно, полюбилъ Латинскаго сатирика не за рѣзкость картинъ, но за то сильное гоненіе, которое Ювеналь воздвигалъ противъ людскихъ пороковъ. Въ 1776 году, Маршалъ Бель-Шль, имѣя порученіе обозрѣть крѣпости Королевства, взялъ съ собою Дюссиса, въ званіи секретаря, и въ послѣдствіи всегда ему покровительствовалъ. Такъ, напримѣръ, вступивъ въ управленіе Военнымъ Министерствомъ, Маршалъ опредѣлилъ Дюссиса въ одно изъ отдѣленій своего департамента, а потомъ отправилъ его въ Германію, съ Графомъ Монтазе, которому было поручено слѣдить за ходомъ Семилѣтней Войны. Дюссисъ былъ въ сраженіи при Торгау, и какъ свидѣтель искуснаго отступленія Маршала Дауна, написалъ ему посланіе, свое первое литературное произведеніе. Дюссисъ имѣлъ тогда двадцать шесть лѣтъ отъ роду; литературное призваніе его обнаруживалось съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе; оставивъ службу, онъ вполне посвятилъ себя занятіямъ словесности, и познакомился съ тогдашними извѣстными писателями. Живя то въ Версали, то въ Парижѣ, иногда разгульный, порою набожный, Дюссисъ съ одинаковымъ постоянствомъ слушалъ проповѣди отца Невіля и восхищался игрою Лекеня.

Первая трагедія его, *Амелиса*, не имѣла усмѣха, какъ весьма блѣдная копія Расиновой *Аталіи*. Въ *Амелисѣ*, даже дѣйствующія лица тѣ же самыя, что у Расина, только подъ другими наименованіями; за то въ ней нѣтъ ни малѣйшей оригинальности; характеры замѣнены ролями, дѣйствіе лишено величественнаго единства; слогъ тяжелый; стихи неправильные; жесткіе. Въ этой трагедіи, игранной въ XVIII вѣкѣ, въ царствованіе Вольтера, замѣчательна одна черта: лучшая роль принадлежитъ духовной особѣ, и она напи-

сана прекрасными стихами, отъ которыхъ не отказался бы Расинъ.

Послѣ *Амелисы* является *Гамлетъ*, первая трагедія, гдѣ Дюсисъ рѣшился вступить въ борьбу съ Шекспиромъ. При тогдашнемъ образѣ мыслей, что заставило Дюсиса подражать Шекспиру? Первый біографъ Дюсиса, Кампенонъ, полагаетъ причиною естественное сродство между гениемъ общихъ поэтовъ; но мысль сія несправедлива до такой степени, что не заслуживаетъ даже опроверженія. Дюсисъ не понималъ Шекспира, и потому обезобразивалъ его. Переносъ Шекспира на Французскую сцену, онъ повиновался инстинкту всякаго драматическаго поэта, который хочетъ нравиться своей публикѣ; онъ льстилъ вкусу своихъ современниковъ къ Англійской Литературѣ, но въ борьбѣ съ исполномъ, конечно, долженъ былъ пасть. Величіе образца всюду ускользаетъ отъ Дюсиса, и Дюсисъ тогда только выказываетъ свои достоинства, когда, потерявъ изъ виду мощнаго генія, вступаетъ въ сферу собственнаго вдохновенія.

Дюсисовъ *Гамлетъ* совершенно чужой человѣкъ *Гамлету* Шекспирову. Ничего не можетъ быть пошлѣ Французскаго *Гамлета* и ничего не можетъ быть оригинальнѣе, глубокомысленнѣе *Гамлета* Британскаго поэта. Узелъ драматической басни одинъ и тотъ же: сынъ долженъ отмстить за смерть отца; но у Шекспира, интересъ дѣйствія исчезаетъ, нѣкоторымъ образомъ, подъ богатимъ развитіемъ и глубокою оригинальнію характеровъ; тогда какъ всѣ красоты Дюсисовой піесы истекаютъ изъ драматическаго даннаго. Борясь между двумя чувствами: праведною местию и любовью къ матери, *Гамлетъ* Дюсиса поставленъ именно въ то положеніе, которое такъ прилично героямъ Французскихъ классическихъ трагедій. Повинуется ли Дюсисовъ *Гамлетъ* велѣнію отца или перевѣсу материнскаго характера, онъ попеременно является кроткимъ и грознымъ, но ни-

когда не сбрасываетъ съ себя ига столь принужденнаго положенія. Не таковъ *Гамлетъ* Шекспира: душа, исполненная возвышенныхъ мыслей, душа созерцательная, которая сама въ себѣ заключаетъ основу всѣхъ своихъ колебаній, которая хочетъ и не можетъ дѣйствовать; которая, какъ нетерпѣливая свидѣтельница собственной слабости, старается, силою мысли, схватить бразды слабой воли. Вотъ почему размышленія о смерти, о будущности могилъ, о бренности всего мірскаго такъ свойственны скептицизму Англійскаго *Гамлета*, и такъ неумѣстны въ драмѣ Дюсиса.

Тоже самое должно сказать и о другихъ дѣйствующихъ лицахъ, мастерски обрисованныхъ Шекспиромъ. Одна *Гертруда*, мать преступная и кающаяся, нашла въ Дюсисѣ краснорѣчиваго истолкователя своей грусти и угрызений совѣсти. Но справедливосгъ требуетъ замѣтить, что на Дюсисова *Гамлета* надобно смотрѣть съ другой стороны; въ предѣлахъ таланта, которымъ обладалъ авторъ, онъ не вовсе лишентъ интереса; патетическія положенія, стихи сна и монолога достойны вниманія, особенно Евангельское чувство, воодушевляющее *Гамлета*, когда кинжалъ падаетъ изъ его рукъ, и сынъ, обнимая колѣни матери, восклицаетъ:

Votre crime est horrible, exécrable, odieux,
Mais il n'est pas plus grand, que la bonté des cieux!

Эта трагедія была принята довольно хорошо; Французскій *Меркурій*, Литературный *Годъ* и *Гриммъ*, въ своей *Перепискѣ*, говорятъ съ большимъ или меньшимъ увлеченіемъ объ ея успѣхѣ. Всѣ, однако жъ, согласны въ томъ, что Дюсисъ превосходно украсилъ свой чудовищный образецъ, и представилъ его въ достойномъ видѣ изящному обществу. Успѣхъ *Гамлета* затронулъ, между тѣмъ, самолюбиваго *Вольтера*, который изъ своего Фернейскаго убѣжища слѣдилъ съ безпокойствомъ за всѣми движеніями родной сцены. «Вы, вѣрно, видѣли *Гамле*

та, писалъ онъ къ Графу Аржанталю; тѣни вошли въ моду; я скромно указалъ дорогу; теперь всѣ бросаются по ней, сломя голову. *Domandavo acqua, non tempesta.* Я хотѣлъ оживить театръ, сообщивъ ему болѣе дѣйствія, а теперь все дѣйствіе и пантомима. Все священное употребляютъ во зло. Мы скоро впадемъ въ преувеличенное и гигантское. Прощайте, прекрасные стихи, прощайте, прекрасныя чувства, прощай все; театральныя пьесы не замедлятъ превратиться въ фиглярскія штуки.»

Черезъ три года послѣ *Гамлета*, вышла *Ромео и Джульетта*, пьеса, которую нельзя назвать и подражаніемъ Шекспиру. Трогательную простоту Англійской драмы, Дюссъ замѣнилъ запутанною интригою, съ грузомъ романтическихъ принадлежностей, и тутъ же помѣстилъ сцену изъ Дантовой *башни голода*, написанный, впрочемъ, хорошими стихами. Лагарпъ написалъ, по этому предмету, длинную статью во *Французскомъ Меркуріи*, гдѣ безжалостно анатомировалъ недостатокъ дѣйствія и ничтожность характеровъ; но онъ отдаетъ справедливость нѣкоторымъ сценамъ, и поздравляетъ за нихъ талантъ Дюссиса. Объ Англійской Трагедіи Лагарпъ не говоритъ ни слова. Фреронъ отозвался о Дюссѣ гораздо снисходительнѣе, и даже сравнилъ его *Ромео* съ *Ромео Шекспировымъ*, руководствуясь рукописнымъ переводомъ Летураера. Получивъ извѣстіе о такъ называемомъ полномъ переводѣ твореній Шекспира, Вольтеръ жестоко взволновался. «Я прочиталъ съ величайшимъ усиліемъ *Ромео*, говоритъ онъ въ письмѣ къ Аржанталю, и удивляюсь успѣхамъ моихъ любезныхъ соотечественниковъ въ изящныхъ искусствахъ. Теперь ясно, что если сіи превосходныя творенія будутъ имѣть успѣхъ, то *Законы Миноса* (*) падутъ рѣшительно.» На зло Вольтеру, дѣла пошли

своимъ чередомъ. Явился переводъ Шекспира, и при всѣхъ своихъ недостаткахъ привлечь многочисленныхъ и страстныхъ поклонниковъ. Седень, между прочимъ, безпрестанно хвалилъ Шекспира, и, при всякомъ случаѣ, приводилъ мѣста изъ перевода. «Вашъ восторгъ, сказалъ ему остроумный Гриммъ, меня ни сколько не удивляетъ; вы радуетесь, какъ сынъ, нашедшій отца, котораго никогда не видывалъ.» Комплиментъ доказываетъ, что Гриммъ еще плохо зналъ мнимаго отца Седеня. Жанъ-Жакъ Руссо, Дидеротъ, Мерсье и многіе другіе раздѣляли тотъ же восторгъ. Руссо, великому поклоннику Ричардсона и *Тысячи и Одной Ночи*, Шекспиръ, натурально, долженъ былъ нравиться. Онъ находилъ однако жъ, что Французскія трагедіи *не имѣютъ дѣйствія и изобилуютъ разговорами*, и убѣдилъ Дюссиса перевести *Тимона*, котораго, конечно, предпочиталъ *Мизантропу*.

На этотъ разъ, Вольтеръ вышелъ изъ себя, обнаружилъ сильнѣйшее негодованіе къ Шекспиру, Летуриеру, къ цѣлому свѣту; но напрасны были всѣ его громы; напрасно писалъ онъ письмо за письмомъ, напрасно послалъ въ Академію исполненную брани рѣчь; ничто не дѣйствовало; нанесенный ударъ не остался безъ послѣдствій; Шекспиръ вошелъ въ моду; общественный приговоръ принялъ пѣвца Британніи на сцену Франціи. Но Дюссисъ, имѣя въ виду академическія кресла, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ надобность въ постоянномъ успѣхѣ древнихъ преданій. Съ этою цѣлію, онъ обратился къ Греческому Театру, и написалъ *Эдипа у Адмета*, гдѣ старался слить Эврипидову *Альцесту* съ Софокловымъ *Эдипомъ*.

Еще прежде Дюссиса, многіе поэты пробовали свои силы на *Альцестъ*. Лагранжъ-Шансель, въ предисловіи къ плохой трагедіи того же названія, говоритъ, что самъ Расинъ принимался за этотъ сюжетъ. Неизвѣстно, чѣмъ явилась бы трагедія

(*) Вольтеръ оканчивалъ тогда *Законы Миноса*.

Эврипида, подъ перомъ Расина; Дюсисъ, подобно своимъ предшественникамъ, запутался въ трудностяхъ предмета. Ему, конечно, опасно было перенести Эврипидову развязку на Французскую сцену, гдѣ Французская вѣжливость (*galanterie*) едва ли бы одобрила мужа, позволяющаго женѣ умереть вмѣсто себя; но посредничество Эдипа, котораго Дюсисъ проводить ко двору Адмета единственно для спасенія жизни Альцесты, никуда не годится.

У Эврипида, дѣйствующія лица обѣихъ трагедій, то есть, *Альцесты* и *Эдипа*, никогда не имѣли ничего общаго, и Дюсисъ тщетно старался, подъ очевидными для всѣхъ предлогами, связать ихъ съ интересомъ одного и того же дѣйствія. Принужденіе, искусственность обнаруживаются на каждомъ шагу; ненатуральный ходъ трагедіи поддерживается только удачными подробностями и нѣкоторыми сильными положеніями. Въ историческомъ отношеніи, ошибка еще грубѣе. Смѣшивать Эврипида съ Софокломъ, значитъ не имѣть понятія ни о духѣ обонхъ поэтовъ, ни о характерѣ Греческой трагедіи; но въ XVIII вѣкѣ, когда не очень чинились съ древними трагиками, на промахъ Дюсиса едва обратили вниманіе. Въ послѣдствіи, Жофруа и Мари-Жозефъ Шенье обнаружили его. Въ наше время, Вильменъ, въ своей превосходной *Картинѣ Литературы XVIII столѣтія*, сравнивалъ *Эдипа у Адмета* съ трагедіями, на которыхъ онъ основанъ, и начертавъ трогательную простоту плановъ Софокла и Эврипида, выказалъ все безобразіе Дюсисовой пьесы. Впрочемъ, Вильменъ отдаетъ справедливость таланту Дюсиса (*beau génie*, какъ онъ говоритъ), и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ сцены, которыя утвердили успѣхъ *Эдипа у Адмета*. Объ этомъ успѣхѣ свидѣлствуютъ единогласно всѣ современные журналы. Даже Гриммъ и Лагарпъ подчинились общему увлеченію, и скромно замѣтили

слабость плана. Гриммъ привелъ только отвѣтъ Графини Гудето (Houdetot), у которой, послѣ спектакля, спрашивали мнѣнія о новой трагедіи: «Я видѣла двѣ трагедіи, отвѣчала Графиня; одна мнѣ очень нравится, а другая нисколько.» Въ отвѣтѣ заключался совѣтъ, которому Дюсисъ потомъ и послѣдовалъ, сокративъ своего *Эдипа у Адмета* въ три дѣйствія, подъ названіемъ *Эдипъ въ Колоннѣ*. Безъ узловъ двойной интриги, трагедія много выиграла; Антигона, Полиникъ, Эдипъ, явились въ очеркахъ болѣе точныхъ; языкъ Антигоны сталъ гораздо понятнѣе, и зрители особенно были довольны прекрасною сценою, когда раздраженный Эдипъ, поразивъ Полиника проклятіемъ, трогается наконецъ слезами сына, подаетъ ему руку, и говоритъ съ глубокимъ чувствомъ: «Crois-tu qu'à pardonner un père ait tant de peine?»

Въ этой сценѣ Дюсисъ погрѣшилъ, впрочемъ, противъ духа Греческой трагедіи. Боги опредѣлили наказать неблагодарныхъ Этеокла и Полиника; у Софокла, Эдипъ немолчимъ; но Дюсисъ создалъ Эдипа по своему образу.

Успѣхъ *Эдипа* открылъ автору входъ во Французскую Академію, и съ тѣхъ поръ уже никто не сомнѣвался въ талантѣ Дюсиса. По прежнему любя семейную жизнь, непремѣнную отраду своей души, Дюсисъ вступилъ тогда въ тѣсныя сношенія со всѣми отличными писателями, Жанъ-Жакомъ Руссо, Седенемъ, Любеллуа, Лемьеромъ, и особенно подружился съ Томасомъ. Графъ Прованскій, въ послѣдствіи Лудовикъ XVIII, назначилъ Дюсиса секретаремъ въ одномъ изъ своихъ вѣдомствъ, по представленію Графа д'Анжевиле, лучшаго друга поэта. При такихъ покровителяхъ, пріобрѣтенныхъ дарованіями и благородствомъ характера, Дюсисъ могъ сказать:

«Parvenu sans intrigue au fauteuil de Voltaire.»

Почти всѣ голоса были въ его пользу при избраніи, и Дюсисъ, по обычаю, ви-

дѣлъ себя въ необходимости произнести похвальное слово своему предшественнику—обязанность трудная, если вспомнить все различіе ума и характера, отдѣлявшее героя отъ панегириста. По счастью, поэтъ удачно отдѣлялся отъ заказной похвалы; ясная дикція, прекрасная, выразительная физиономія, искусство отдѣлываться отъ изображенія предметовъ щекотливыхъ и выказывать ихъ лучшія стороны, все это неоднократно исторгало единодушныя рукоплесканія. Директоръ Академіи, аббатъ Радонвилле, былъ не такъ счастливъ въ отвѣтъ: случай сыгралъ съ нимъ плохую шутку, заставивъ подтвердить похвалу Вольтеру, котораго онъ очень мало уважалъ. При самомъ началѣ рѣчи видно было, что аббатъ рѣшился дѣйствовать съ самоотверженіемъ. Начался хохотъ; умный Шевалье де Буфлеръ тотчасъ сдѣлалъ силуэтъ несчастнаго директора, и пустилъ его по залѣ; когда же аббатъ сказалъ: «Будемъ надѣяться, что дружеская рука, уничтоживъ въ сочиненіяхъ Г. де Вольтера все, оскорбляющее религію, нравы и законы, такимъ образомъ смоетъ пятно съ его славы,» публика вышла изъ терпѣнія; послышался громкій ропотъ, даже свистки, и ораторъ не кончилъ рѣчи. Между тѣмъ разнеслась странная вѣсть, отголосками которой были Лагарпъ и Гриммъ, будто не самъ Дюсисъ сочинилъ свою рѣчь, а написалъ ее подъ диктовку Томаса. Мнѣніе это такъ утвердилось, что не ранѣе 1826 года было вполне опровергнуто Кампенономъ, который положительными доказательствами возвратилъ Дюсису оспоренную честь. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь Дюсиса, по длиннотѣ и запутаннос и періодовъ, по неясности оборотовъ, показываетъ писателя, не коротко знакомаго съ новымъ орудіемъ; однако жъ она имѣетъ свои достоинства, и при условныхъ формахъ довольно хорошо характеризуетъ духъ Вольтера

Но въ то самое время, когда литературная слава Дюсиса, съ каждымъ днемъ,

становилась блистательнѣе, его жизнь семейная потерпѣла горькій ударъ. Въ короткій промежутокъ и отъ одной болѣзни, скончались на рукахъ Дюсиса его жена и одна изъ любимыхъ дочерей — ударъ тѣмъ болѣе горькій, что семейная любовь была первою потребностію его сердца, которое, при каждой новой потерѣ, терзалось мучительною скорбію. Всѣ трагедіи Дюсиса не имѣютъ въ себѣ столько патетическаго, какъ письма его къ другу, гдѣ онъ выражаетъ свою горестъ. Вообще дружеская переписка Дюсиса показываетъ, что онъ обладалъ талантомъ оригинальнымъ, который скрывался на сценѣ подъ условною оболочкою чувствъ и слова. Его *недисциплинированная натура* (такъ Дюсисъ говорилъ про себя) развивается въ письмахъ открыто, свободно, просто, безъ заимствованнаго блеска.

Не зирая на успѣхъ *Эдина*, Дюсисъ снова обратился къ Шекспиру, и заимствовалъ у него канву для двухъ трагедій, *Макбета* и *Король Лира*. Первое представленіе *Лира*, въ 1783 году, было принято отлично хорошо, къ величайшей радости автора, который желалъ посвятить новую піесу матери; но критики встрѣтили это произведеніе гораздо неблагоприятнѣе публики. Дюсисъ имѣлъ несчастіе пріобрѣтать слишкомъ частые успѣхи, и при каждомъ новомъ успѣхѣ, критики съ ожесточеніемъ бросались на *дерзкаго нововодителя*, который осмѣливался переносить на Французскую сцену варварскія изобрѣтенія Шекспира. «Успѣхъ *Лира*, писалъ Лагарпъ, позоръ для людей со вкусомъ. Почти также отзывался и Гриммъ. Только одинъ изъ второстепенныхъ литераторовъ, Эмбръ (тѣтъ) учтиво разобралъ во *Французскомъ Меркуріи* Дюсисова *Лира*, упрекая однако жъ автора за *большую свободу*. Впрочемъ, *Лиръ*, изъ всѣхъ піесъ заимствованныхъ у Шекспира вѣрнѣе сохранилъ на себѣ печать подлинника; оригинальность Англійскаго поэта не

поставила въ тупикъ подражателя; напротивъ, большая часть героевъ трагедіи, Лиръ, Корделія, Кентъ, Эдгаръ, сообразовались съ душевнымъ воображеніемъ Дюсиса, откуда истекало все его краснорѣчіе.

Макбетъ, слѣдовавшій за Лиромъ, не имѣлъ такого успѣха. Извѣстно, что Дюсисъ нѣсколько разъ передѣлывалъ эту трагедію, и даже ввелъ въ нее три развязки—ясное доказательство, что у подражателя не было силъ совладать съ поэтомъ-исполномъ. Отъ безпрестанныхъ передѣлокъ, Французскій Макбетъ не только не похожъ на Англійскаго, но даже противорѣчитъ ему въ философскомъ отношеніи. У Шекспира, все зависитъ отъ слѣпаго, фаталистическаго дѣятеля. Съ того дня, когда Макбетъ, услышавъ вѣдьмъ, ощутилъ въ душѣ своей невольное чувство надежды, этотъ самый Макбетъ становится игрушкой безжалостнаго фатализма, который влечетъ его отъ преступленія къ преступленію, и наконецъ уничтожаетъ въ немъ угрызеніе совѣсти. Леди Макбетъ также принимаетъ участіе въ таинственномъ вліяніи, и потому всѣ характеры героевъ сообразны съ сущностію дѣла. Дюсисовъ Макбетъ настоящая загадка, существо нѣкоторымъ образомъ сложное, быстро переходящее отъ порока къ добродѣтели. Онъ могъ бы имѣть преимущество надъ Шекспировымъ Макбетомъ со стороны нравственной, потому что Дюсисъ, вмѣсто фатализма, беретъ могущество человѣческой воли, но и здѣсь вездѣ невѣроятность, вездѣ увеличеніе.

Трагедіи: *Юаннъ Безстрашный* и *Отелло*, ложныя по своей подражательности, не имѣютъ почти ни какихъ достоинствъ. Въ Дюсисовомъ *Отелло* нѣтъ ни дикой энергіи Шекспирова Мавра, ни страстной граціи Оросмана, Вольтеровскаго *Отелло*. Вольтеръ, ослабивъ силу поллиника, по крайней мѣрѣ, вѣрно передалъ его намѣренія и цѣль; главная пружина трагедіи—

любовь, объясняющая и катастрофу, а Дюсисъ подчинилъ ходъ дѣйствія вліянію чувства, конечно, болѣе нравственнаго, но не столь драматическаго—уваженію къ родительской власти. Его *Отелло* превратился отъ того въ исторію бѣдствій молодой дѣвицы, которая предпочла любовника отцу; Эдельмона безпрестанно мучится угрызеніемъ совѣсти, старается только объ отвращеніи отцовскаго проклятія. Не такова Дездемона, которая вся живетъ любовію къ *Отелло*, единственному предмету своихъ радостей и огорченій, надеждъ и опасеній. Яго трудно узнать подъ ничтожною оболочкою Пезара, ложнаго друга *Отелло*. Все ненавистное, то есть, все истинное въ этомъ характерѣ, обезображено Дюсисомъ; онъ заставляетъ Пезара говорить и дѣйствовать до послѣдней сцены, какъ честнаго и пошлаго наперсника. Дюсисъ думалъ, что преступникъ, подобный Яго, не можетъ быть выведенъ на Французскую сцену, забывая, что между Тартюфомъ и Яго разстояніе небольшое. Смотри на Яго съ нравственной точки, убѣждаешься въ его необходимости; отъ противоположности его гнусныхъ пороковъ выказывается сильнѣе и высокая откровенность *Отелло*, и невинность Дездемоны «Отнять у *Отелло* и Дездемоны Яго, значитъ исключить изъ Библии змѣя-искусителя», замѣчаетъ Алфредъ де Вивьи.

И такъ, *Отелло* самое слабое изъ изведеніе Дюсиса, за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ, гдѣ авторъ изображаетъ мрачную блительность Венеціанскаго Правительства, и послѣ этой трагедіи, Дюсисъ нѣкоторое время не писалъ ничего. Кровавые ужасы революціи жестоко поразили его. «Могу ли я сочинять трагедіи? писалъ онъ къ другу своему Валье. Трагедія бѣгаетъ по улицамъ. Если я ступлю шагъ за дверь, меня уже обрызгали кровью, и, возвратясь домой, напрасно отряхну ноги отъ пыли. Я говорю съ Макбетомъ: эта кровь никогда не будетъ смы-

та. Прощай же трагедія. Я такъ много видѣлъ Атридъ въ крестьянской обуви что никогда не осмѣлюсь выставить ихъ на сцену. Невѣжество народа—драма ужасная!» Дюисъ питалъ искреннюю любовь къ Королевской Фамиліи, и при всѣхъ тогдашнихъ опасностяхъ не измѣнялъ своему долгу; въ погребѣхъ искалъ помощи гонимой религіи, раздѣлялъ горе съ преслѣдуемыми друзьями.

Въ предпоследней трагедіи своей, *Абуфаръ* или *Арабское Семейство*, Дюисъ шелъ безъ руководителя, изобрѣталъ, располагалъ свободно, и если *Абуфара* нельзя назвать произведеніемъ образцовымъ, то, по крайней мѣрѣ, въ характерахъ Фархана и Салемы есть сила творчества, есть простосердечная, страстная истина. Три, четыре сцены замѣчательны по искусному развитію положеній, по нѣжности и глубинѣ чувствъ и правильности языка. Въ другихъ трагедіяхъ Дюиса, на ряду съ удачными оригинальными стихами, много вопіющихъ не правильностей, ребяческое злоупотребленіе перифразы, какая-то отвлеченная рѣчь, отнимающая у слога ясность и точность. Слова: *душа, добродѣтель, чувствительность, челолюбіе*, встрѣчаются безпрестанно. Переселивъ свою музу подъ небо Аравіи, Дюисъ воспользовался удачно мѣстными красками, и *Абуфаръ* можетъ служить памятникомъ его дарованія, вмѣстѣ съ *Эдипомъ* и нѣкоторыми сценами изъ *Лира* и *Макбета*.

Последнимъ произведеніемъ Дюиса была трагедія: *Теодоръ* и *Владиміръ*, не имѣвшая ни какого успѣха по невѣроятности дѣйствія. Обиженный авторъ оставилъ сцену, почти постоянно жилъ въ Версали, въ кругу избранныхъ друзей, и не имѣя состоянія, не заботился о приобрѣтеніи денегъ и почестей. Послѣ Италіанской Кампаніи, онъ познакомился съ Генераломъ Бонапарте; но событія 18-го

Брюмера разлучили ихъ. Однажды, послѣ представленія *Макбета*, даннаго по приказу Перваго Консула, Дюисъ былъ приглашенъ къ обѣду, въ Мальмезонъ, къ одному изъ тѣхъ семейныхъ обѣдовъ, въ продолженіе которыхъ Бонапарте, чтобы лучше познакомиться съ своими гостями, предоставлялъ каждому полную свободу. За десертомъ, разговоръ зашелъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ, и Первый Консулъ, увлекаемый порывистою логикою своего краснорѣчія, прямо сталъ объяснять все, что думалъ преобразовать или уничтожить. «Вамъ нужны, сказалъ онъ, другіе законы, совершенно различные отъ тѣхъ, которые вы до сихъ поръ имѣли. Если всѣ идутъ, очертя голову, то всѣ и сбиваются съ пути. Я нигдѣ не вижу правильнаго плана. Въ вашемъ управленіи нѣтъ ни какой системы, потому что послѣднее правительство не имѣло ни какой воли. Я вездѣ возстановлю порядокъ. Я поставлю Францію на такую степень, чтобы она могла предписывать законы Европѣ, и съ единственною цѣлію мира буду вести всѣ необходимыя войны. Я дамъ вамъ прочныя постановленія, согласныя съ вашими потребностями и обычаями. Я буду покровительствовать религіи, и обезпечу священнослужителей....»—А послѣ что, Генералъ? замѣтилъ скромно Дюисъ.—«Послѣ, возразилъ нѣсколько удивленный Бонапарте, послѣ, добрякъ Дюисъ, если вы будете довольны, опредѣлите меня мирнымъ судьей въ какую нибудь деревню!»— Гости разсмѣялись, и разговоръ о политикѣ прекратился.

Дюисъ вскорѣ опять былъ приглашенъ въ Мальмезонъ, гдѣ его приняли съ самыми лестными отличіями. Послѣ обѣда, Бонапарте повелъ старика въ садъ. Между ними завязался разговоръ:

— Въ чемъ вы пріѣхали сюда, папа Дюисъ?

«Въ наемномъ экипажѣ, который меня дожидается до вечера.»

— Какъ! Вы прѣхали въ фіакръ? Въ ваши лѣта, это неприлично....

«Генераль! Я никогда не ѣздилъ въ другомъ экипажѣ, если куда нибудь далеко приходилось ѣхать....»

— Нѣтъ, повторяю я вамъ, дѣло не ладно; человекъ вашихъ лѣтъ, съ вашими дарованіями, долженъ имѣть собственный экипажъ, хорошій, спокойный.

«Вы, Генераль, охотникъ,» возразилъ Дюссисъ, замѣтивъ стаю дикихъ утокъ, летѣвшихъ надъ его головою. «Видите ли вы стаю птицъ? Нѣтъ между ими ни одной, которая издали не чувствовала бы порохового запаха, и не чуяла охотничьяго ружья.... Я также изъ стаи этихъ птицъ; я рѣшился быть дикою уткою.»

Тѣмъ разговоръ и кончился. Бонапарте не обратилъ вниманія на выходку, и при образованіи Сената включилъ Дюссиса въ число новыхъ Сенаторовъ. Дюссисъ отказался: онъ написалъ министру короткій, благодарный отвѣтъ.

При Тюльерійскомъ Дворѣ, новая выходка *Дюссиса*, (такъ стали его называть послѣ Бонапарте) надѣлала много шума. «Вотъ истинный Римлянинъ!» замѣтилъ кто-то. «Только не временъ Императоровъ!» прибавилъ остроумный шевалье Буфлеръ. Бѣднаго Дюссиса провозгласили помѣшаннымъ, и когда Тальма явился, однажды утромъ, къ Императору, Наполеонъ спросилъ его: Что, видите ли вы съ добрякомъ Дюссисомъ? — «Ахъ, Государь, возразилъ Тальма, всегда готовый на отвѣтъ: «голова-то его не въ порядкѣ!»

Добрякъ Дюссисъ не совсѣмъ умеръ для свѣта, какъ многіе стали было разглашать; сильные голоса отдавали справедливость его дарованіямъ и характеру. Шатобрианъ, въ вступительной рѣчи своей, напомнилъ Академіи объ авторѣ *Абу-фара* съ тѣмъ простымъ краснорѣчіемъ, которымъ всегда отличалось его гениальное перо. Лемерсье, благородный другъ Дюссиса, читая въ Атенеѣ курсъ драматиче-

ской литературы, привсякомъ случаѣ говорилъ своимъ слушателямъ о *растрепанной Мельпоменѣ Французскаго Эсхила*. Дюссисовы трагедіи не сходили со сцены, и Тальма, попрежнему остававшійся другомъ поэта, даже породнился съ нимъ. Племянникъ Тальмы женился на дочери Дюссиса. Наконецъ, домъ заслуженнаго драматурга посѣщали многіе любезные, остроумные люди, дамы высшаго круга, и тогдашніе молодые, большею частію, уже знаменитые литераторы: Пикаръ, Андре, Роже, Дрозъ, Оже (Auger), Кампенонъ и другіе. Жераръ списалъ портретъ своего друга. При такомъ-то пріятномъ сообществѣ, при умѣренности желаній, Дюссисъ легко переносилъ свою бѣдность, и призывалъ, на помощь въ случаѣ нужды, религію. «Лишь бы только жило мое истинное я, писалъ онъ къ Лемерсье, а я расстаюсь съ другимъ я. Воздухъ земли не хорошъ; наше солнце не настоящее солнце; я ожидаю лучшаго.»

Одна страсть не умерла въ сердцѣ Дюссиса: онъ, попрежнему, любилъ писать стихи, избиралъ множество предметовъ для своей прихотливой музыки, и въ исходѣ 1813 года издалъ въ первый разъ, вмѣстѣ съ полнымъ репертуаромъ театра, собраніе различныхъ стихотвореній. Тутъ есть посланія во всѣхъ правлахъ такъ называемаго дидактическаго рода; но подобныя сочиненія не согласовались съ характеромъ Дюссиса, и только въ легкихъ, бѣглыхъ поэтическихъ очеркахъ выказывается живая оригинальность его таланта. Поэтъ, съ любезною откровенностію Горация или Лафонтена, описываетъ свои наклонности, привычки, свой садикъ, свой домикъ, свой *льсокъ*, и завлекаетъ читателя различными подробностями своей домашней жизни. Въ настоящее время, при забвеніи Дюссисовыхъ трагедій, забыты и его стихотворенія, но Сентъ-Бевъ умѣлъ оцѣнить ихъ по достоинству, и многіе другіе критики до-

вольно подробно разбирали эту сторону таланта иъбогда знаменитаго писателя.

Событія 1814 года обрадовали почтеннаго старца, который, въ продолженіе двухъ лѣтъ, съ мучительнымъ безпокойствомъ слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій. Онъ съ восторгомъ привѣтствовалъ, наконецъ, возвращеніе Бурбоновъ. Въ то время, появилось множество сочиненій въ стихахъ и прозѣ, направленныхъ противъ падшаго исполина. Дюсисъ подчинился общему вліянію, и напечаталъ въ *Journal des Débats* стихотвореніе: *Ma Protestation*, написанное тогда, когда Наполеонъ былъ избранъ Императоромъ. На коронаціи Наполеона онъ написалъ сатиру, въ родѣ пародіи *Оды на счастье*, гдѣ жестоко обнаружилъ всю политику Бонапарте.

Лудовикъ XVIII не забылъ благодарній Графа Прованскаго. Увидѣвъ Дюсиса, онъ принялъ его съ отличнымъ уваженіемъ, и даже прочиталъ ему нѣсколько лучшихъ стиховъ изъ трагедіи *Адметъ*. «Расинъ и Буало читали свои стихи Лудовику XIV, говорилъ Дюсисъ, рассказывая о своемъ приемѣ; Лудовикъ XVIII читалъ мнѣ мои стихи.» Вскоръ Дюсисъ былъ пожалованъ кавалеромъ Почетнаго Легіона, и получилъ пенсіонъ въ шесть тысячъ франковъ.

Во время пребыванія побѣдоносныхъ Русскихъ войскъ въ Парижѣ, А. П. Мичайловскій-Данилевскій имѣлъ случай видѣть Дюсиса. «Въ Дюсисѣ, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ о войнѣ 1814 года, я нашелъ одного изъ тѣхъ счастливицевъ, которые въ маститой старости сохраняютъ душевныя способности зрѣлаго воз-

раста; страстнаго любителя природы, иъжнаго отца семейства и равнодушнаго къ почестямъ и богатствамъ.» Когда соотечественникъ нашъ спросилъ Нестора Французской Словесности: какія были самыя счастливыя минуты его жизни, Дюсисъ отвѣчалъ: «Я почитаю высшею наградою моего поэтического поприща, когда я увидѣлъ мою мать въ слезахъ, при представленіи одной изъ моихъ трагедій.»

Имѣя восемьдесятъ два года отъ роду, Дюсисъ, вопреки приказаній врача, не переставалъ писать стихи. Утромъ, 29-го Марта 1816 года, онъ слегъ въ постель, и на другой день скончался отъ жабы, такъ тихо, такъ покойно, что родные полагали его уснувшимъ.

Безукоризненный какъ человекъ, Дюсисъ достоинъ основательнаго, безпристрастнаго разбора, какъ писатель. Новая школа затоптала его въ грязь; увлекаемая слѣпымъ, безусловнымъ пристрастіемъ къ Шекспиру, она забываетъ, что Дюсисъ, сообразуясь съ духомъ своего вѣка, старался водворить на Французской сценѣ великія созданія Британскаго генія, и зато подвергался жестокимъ порицаніямъ современниковъ. Дюсисъ долженъ былъ пасть подъ бременемъ принятой имъ на себя обязанности, но нельзя же, по этой причинѣ, причислять его къ бездарнымъ писателямъ. Многія мѣста его трагедій вылились изъ души вдохновенной: въ письмахъ и разныхъ стихотвореніяхъ мелькаютъ признаки истиннаго таланта, и во всѣхъ сочиненіяхъ господствуетъ идея нравственнаго достоинства.

III. СМѢСЬ.

НОВЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ МОЛІЕРА.

Итальянецъ Гольдонн написалъ о знаменитомъ творцѣ *Мизантропа* комедію, почти неизвѣстную. Мерсье перевелъ ее на Французскій языкъ, или вѣрнѣе, сочинилъ подражаніе, также мало извѣстное. Вообще должно сказать, что о Молиерѣ было бы очень мало извѣстно безъ комментаторовъ нашего времени и безъ бумагъ, найденныхъ недавно. Между прочимъ, вотъ нѣсколько еще не обнаруженныхъ анекдотовъ.

Молиеръ перевелъ *Лукрецію*, и однажды никакъ не могъ отыскать недостававшей тетради перевода. Онъ началъ бранить своего слугу, который, во время поисковъ, вошелъ въ кабинетъ.

— Такъ точно, сударь, я нашелъ на полу, подъ вашимъ столомъ, бумагу, всю исписанную.

«Куда же ты дѣвалъ ее, несчастный?... Гдѣ она?»

— Она не потеряна; я употребилъ ее въ дѣло.

Слуга приносить парикъ и показываетъ, что бумага пошла на исполненіе приказанія барина, который велѣлъ употребить ее на папиютки.

Такимъ образомъ пропалъ трудъ Молиера, потому что въ первую минуту досады, онъ бросилъ весь остальной переводъ въ огонь.

Всѣмъ извѣстны связи Молиера съ Шакалемъ. Шапель очень часто напивался, и вмѣстѣ съ пріятелями, бывшими въ такомъ же положеніи, выдумалъ однажды такую штуку, какая едва ли когда приходила въ голову пьянаго человѣка: воспламененные виномъ молодцы, схвативъ пшеницы, побѣжали къ рѣкѣ топиться. Молиеръ убѣдилъ ихъ отложить столь достопамятное событіе до блага дня, и совершить его передъ почетными свидѣтелями, присовокупивъ, что на этомъ условіи и онъ поставитъ себѣ за честь сдѣлать имъ компанію.

Труппа Молиера, какъ извѣстно, принадлежала къ Театру Королевскаго Брата. Молиеръ, для забавы публики и для большаго сбора, бралъ на себя всѣ роли, и за то вообще былъ любимъ товарищами. Однажды, игралъ онъ *Санчо* въ *Донъ-Кихотѣ*.

Строго придерживаясь вѣрности костюма, Молиеръ сѣлъ на осла и ждалъ въ кулисахъ назначеннаго къ выѣзду времени; но оселъ, не знавшій своей роли, рѣшительно хотѣлъ выйти на сцену ранѣе назначенной минуты. Оселъ всегда упрямъ. Молиеръ тянулъ изо всѣхъ силъ за узду, и звалъ на помощь товарищей: «Сюда, Баронъ! Сюда ла-Ториліеръ!.. Упрямая скотина!»

Вѣрная ла Форэ (la Forest) старалась, помирая со смѣху, навести осла на исти-

ный путь тѣмъ, что начала изъ всей силы тащить его за хвостъ; но упрямое животное, брыкнувъ нѣсколько разъ, побѣдило всѣ усилія: осель бросился на сцену. Молиеръ, почти опрокинувшійся, тщетно тянулъ за узду, и наконецъ, обратясь къ зрителямъ, закричалъ:

— Извините, господа, извините! Проклятый осель не послушался меня!

ОТЧЕГО РѢДКИ ОБРАЗЦОВЫЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ?

По весьма многимъ причинамъ.

Во-первыхъ, доказано, что вездѣ гении рождаются вѣками. Деятнадцатаго вѣка идетъ только сорокъ второй годъ. Будемъ надѣяться.

Во-вторыхъ, трагическій авторъ мало отдѣляетъ себя отъ свѣта, для котораго пишетъ. Надобно, чтобы умъ сбросилъ съ себя всѣ мелочные интересы и современныя прихоти, и могущественно воспользовался страстями и великими событиями. Высокіе умы скрывали свой тронъ въ единеніи, и отсюда разливали на народы свѣтъ, медленно собираемый.

Сочинители комедій, напротивъ, мало проникаютъ въ сердце общества, которое хотятъ изобразить передъ нашимъ насмѣшливымъ трибуналомъ. Надобно изучать подробности, чтобы схватить смѣшную сторону предмета; надобно наблюдать, чтобы умѣть анализировать, хорошо смотреть, чтобы хорошо видѣть, и хорошо слушать, чтобы хорошо понимать.

Есть еще другая бѣда: въ двадцать лѣтъ мы хотимъ знать все. Сочинивъ піеску и отдавъ ее на театръ, юноша сочиняетъ вторую, потомъ третію, и имѣя большій или меньшій успѣхъ передъ незыскательными зрителями или безмолвными креслами, почитаетъ себя въ правѣ ничему не учиться.

Неодолимое желаніе вдругъ прославиться и разбогатѣть также принадлежитъ къ несчастіямъ драматической литерату-

ры. Человѣку, который сталъ бы сегодня требовать у насъ награды за то, что сдѣлалъ вчера, мы ничего не дали бы, и работа его, конечно, была бы вознаграждена по своей стоимости.

Что сказать объ обработкѣ общими силами идеи, которая, для соблюденія единства, должна возникнуть и образоваться въ одномъ и томъ же умѣ, получить развитіе отъ одной руки, кончиться одною чертою? Можно ли довѣрить достоинству, разумѣется, не образцоваго произведенія, но даже сколько нибудь замѣчательной піесы, написанной нѣсколькими лицами?

Какое достоинство могутъ имѣть драмы или водевили, написанные для актера или актрисы, для комика или для простодушной? А между тѣмъ сколько писателей основываютъ свое сочиненіе на характерѣ, свойственномъ или несвойственному, но во всякомъ случаѣ предполагаемому, актеровъ и актрисъ, которымъ назначаютъ піесу? Есть даже такіе авторы, которые создаютъ невозможное дѣйствующее лице ради патронства актера, который долженъ представлять его, или пишутъ піесы для носа хорошенькой актрисы и для звучнаго голоса актера.

Можно извинить, что драму *Матильду* перекрестили въ *Батильду*, потому что актриса не произносила буквы *м*; понятно также, что одной стыдливой актрисѣ, не хотѣвшей выговорить *люблю тебя*, позволили подтверждать нѣжное признаніе невиннымъ движеніемъ головы; но непостижимо, зачѣмъ заставляютъ водевильную актрису пѣть каватину изъ оперы подъ тѣмъ будто предлогомъ, что на последнемъ конкурсѣ она получила пятую премію; зачѣмъ нарочно выдумываютъ дѣйствіе, гдѣ актриса можетъ выказать хорошо сложенную ногу, зачѣмъ переодѣваютъ ее въ мужчину! Вѣроятно для убѣжденія, какъ хороша она должна быть женщиною.

Съ такими вспомогательными средства-

ми можно доставить пѣсѣ успѣхъ на недѣлю; но вотъ и все, и еще слишкомъ!

ТАНЦОВАЛЬНЫЯ КАМПАНИИ ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ.

Фанни Эльслеръ, два года сряду воспитавшая Америку, нынѣ возвратилась въ Европу, и изъ Ливерпуля поѣхала, почти не останавливаясь, въ Вѣну, для свиданія съ родными. Вотъ какъ описываютъ ея пребываніе въ Америкѣ, сравнивая представленія ея съ побѣдами:

Первая кампанія 1840 года. Фанни Эльслеръ пріѣзжаетъ въ Нью-Йоркъ (3-го Мая). Танцуетъ въ шестнадцати представленіяхъ. Изъ числа этихъ спектаклей, пятнадцать приносятъ ей каждый по 600 долларовъ, а шестнадцатый, бенефисный, доставляетъ 1600 долларовъ. Фанни ѣдетъ въ Филадельфію. Танцуетъ тамъ на такихъ же условіяхъ, какъ и въ Нью-Йоркѣ, въ двѣнадцати представленіяхъ. Шестидесять Германскихъ музыкантовъ даютъ ей, передъ окнами квартиры ея, прелестную серенаду. Фанни переѣзжаетъ въ Вашингтонъ; танцуетъ тамъ въ шести спектакляхъ; представляется президенту и членамъ кабинета; является въ законодательномъ собраніи, гдѣ, въ честь ея, прекращается засѣданіе. Танцуетъ въ Балтиморѣ шесть разъ. Послѣ бенефиса Фанни, поклонники ея выпрягаютъ лошадей изъ ея экипажа и везутъ ее сами, до квартиры ея, у которой, тотчасъ по прибытіи, начинается серенада.

Вторая кампанія 1840 года. Возвращеніе въ Нью-Йоркъ. Восемь новыхъ представленій, съ прежнимъ результатомъ. Однако, Балтиморскія выходки, оскорбительныя для самолюбія многихъ Американцевъ, производятъ нѣкотораго рода реакцію. Большая серенада, которую даютъ Нѣмцы, возбуждаетъ неудовольствіе въ народѣ. Фанни переѣзжаетъ въ Бостонъ. Пребываніе ея въ этомъ пріютѣ квакеровъ и пуританъ, производитъ такой восторгъ, что, для обозначенія его,

журналы находятся въ необходимости выдумать новое слово: *Elslermania*. Она танцуетъ въ тридцати спектакляхъ. Сборъ съ одного изъ нихъ она назначаетъ въ даръ на сооруженіе одного національнаго памятника. Нѣкоторые суровые Пуритане съ гнѣвомъ отвергаютъ это приношеніе, и всѣ повременныя изданія Соединенныхъ Штатовъ, цѣлый мѣсяць, спорятъ между собою о томъ, прилично ли принять даръ чужестранной танцовщицы или нѣтъ; наконецъ, особый комитетъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу сей послѣдней. Фанни переѣзжаетъ снова въ Филадельфію, а оттуда въ Ричмондъ, гдѣ танцуетъ нѣсколько разъ и получаетъ 2,000 долларовъ. Потомъ танцуетъ въ Чарльстонѣ, (въ 6 спектакляхъ), и переѣзжаетъ въ Гаванну. Тамъ встрѣчаютъ ее новыми изъявленіями восторженнаго уваженія, превосходящими всѣ прежнія. Она танцуетъ въ десяти спектакляхъ и получаетъ за каждый 1,200 долларовъ; бенефисъ ея приноситъ ей отъ 5,000 до 6,000 долларовъ и много дорогихъ подарковъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны алмазы и пышный костюмъ. По окончаніи представленія, ее везутъ въ экипажѣ Графа Пенальвера, при звукахъ музыки, въ сопровожденіи многочисленной толпы народа и военной эскорты, въ великолѣпно убранный домъ, гдѣ ожидаетъ ее роскошный банкетъ...

Однако, позвольте намъ остановиться на этомъ банкетѣ: у насъ недостаетъ силъ слѣдить за всѣми прыжками танцовщицы... Мы укажемъ только на самыя замѣчательныя событія изъ ея послѣдующихъ кампаній. Онѣ были столь же блестящи, какъ и первыя. Въ Новомъ Орлеанѣ были проданы дорогою цѣною, съ аукціона, подушки изъ экипажа, въ которомъ она ѣздила, а за билеты на представленія ея нерѣдко платили отъ 15 до 20 долларовъ. Въ Бостонѣ, пригласила она на одно изъ своихъ представленій 300 матросовъ, въ знакъ благодар-

ности за почетный приемъ сдѣланный ей на личнѣйномъ кораблѣ Колумбiя. Во время пребыванiя своего въ Гаваннѣ, она, по случаю нѣкоторыхъ затрудненiй со стороны директора театра, сама распоряжалась, какъ *impressaria*, и распоряжалась превосходно. Наконецъ, она возвратилась со всею запасомъ наличныхъ долларовъ, подарковъ и стиховъ, въ Нью-Йоркъ; танцевала тамъ двѣнадцать разъ и предоставила сборъ съ послѣдняго спектакля въ пользу бѣдныхъ престарѣлыхъ артистовъ. Въ это представление, она простилась съ Америкою.

Вотъ перечень подвиговъ Фанни въ продолженiе двухлѣтняго пребыванiя ея въ Америкѣ. Она танцевала 199 разъ въ свою пользу, и 21 разъ въ пользу артистовъ и благотворительныхъ заведенiй. Эти 199 спектаклей доставили ей 140,000 долларовъ. На собственные ея расходы вышло 40,000 долларовъ; сверхъ того она истратила на подарки 5,000 долларовъ. Наконецъ она говорила съ публикою пятьдесятъ разъ, употребляя для этихъ переговоровъ языки Англiйскiй, Французскiй, Нѣмецкiй и Испанскiй.

ПОДВИГЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ.

Передъ отъѣздомъ изъ Америки, Фанни Эльслеръ положила основанiе капиталу для вспоможенiя артистамъ, по примѣру общества, основаннаго въ Парижѣ Барономъ Тейлоромъ. Знаменитая танцовщица объяснила планъ сего учрежденiя въ слѣдующемъ письмѣ:

«Милостивые государи!

«Годъ тому назадъ, спрашивала я не существуютъ ли въ вашемъ городѣ суммы для вспоможенiя престарѣлымъ и бѣднымъ актерамъ, и къ удивленiю моему узнала, что въ землѣ, рѣшительно театральной по своимъ наклонностямъ, великодушной и щедрой, нѣтъ ни какого учрежденiя въ пользу класса людей, столько подвержен-

ныхъ несчастiю, и столько достойныхъ общаго вниманiя.

«Во всѣхъ главныхъ городахъ Европы, въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, установлены постоянные доходы съ этою благотворительною цѣлю, и здѣсь естественно рождаются вопросы, почему въ столь обширномъ городѣ, также извѣстномъ своею благотворительною и любовiю къ драматическому искусству, не было сдѣлано ни одной счастливой попытки для прочнаго основанiя подобныхъ суммъ съ подобною же цѣлю?

«Не мнѣ должно рѣшать сей вопросъ; я могу только позволить себѣ замѣчанiе, что ни препятствiя, ни прежнiя неудачи не въ состоянiи уничтожить успѣха поваго и общаго усилiя.

«Теперь самое приличное тому время. Есть много такихъ несчастныхъ, которыхъ не можетъ поддержать пособiе одного человѣка. Сколько престарѣлыхъ, немощныхъ артистовъ, давно пережившихъ силу правиться, бросаютъ нынѣ умоляющiй взглядъ на тѣхъ, которые могутъ и, я надѣюсь, желаютъ помочь имъ. Прежде всего, они, безспорно, имѣютъ право обратиться къ сословію, къ которому принадлежатъ, и между членами котораго я имѣю удовольствiе знать многихъ почтенныхъ и богатыхъ людей, по своимъ замѣчательнымъ дарованiямъ могущихъ служить украшенiемъ на всякой ступени общества. Но извѣстно, что доходы сего сословія нынѣ весьма ограничены по различнымъ причинамъ; слѣдовательно, цѣлое общество должно оказать дѣйствительное пособiе, и къ счастiю бѣдныхъ просителей, это общество всегдѣ внимало мольбамъ невиннаго несчастiя.

«Надѣюсь, милостивые государи, что мои чувства не увлекли бы меня за предѣлы того положенiя, которое я желала бы занимать въ добромъ дѣлѣ, именно быть скромнымъ орудiемъ. Объявляю себя членомъ великой семьи артистовъ, которые почтутъ за особенное удовольствiе

помогать всѣми силами своимъ несчастнымъ братьямъ, принадлежащимъ, правда, и чуждой для меня землѣ и чуждому климату, но тѣмъ не менѣе соединеннымъ со мною могущественными узами одинаковаго поприща.

«Въ заключеніе, милостивые государи, формально предлагаю свои услуги къ основанію въ Нью-Йоркѣ благотворительной кассы, назначаемой для вспоможенія престарѣлымъ актерамъ, и вполне надѣюсь, вполне увѣрена, что это будетъ дѣло доброе.

«Мнѣ остается просить извиненія у особъ, имена которыхъ я позволила себѣ упомянуть; но я чувствую, что имѣю на то нѣкоторое право, потому что имена сіи всегда занимали первое мѣсто во всѣхъ похвальныхъ, благородныхъ предпріятіяхъ. Неужели же они будутъ вычеркнуты въ настоящемъ случаѣ?»

ДВА ГАМЛЕТА.

Александръ Дюма, имѣя нужду въ деньгахъ, послалъ Доманжу рукопись, которую отдалъ подъ его покровительство молодой авторъ, Поль М..., много обещающій своими дарованіями, съ просьбою отнести эту рукопись въ какой нибудь театръ, и особенно похлопотать о *возмездіи*.

Доманжъ отправился съ Гамлетомъ въ театръ у Сень-Мартенскихъ Воротъ, и потребовалъ за піесу *возмездія*. Ему отвѣчали, что требуемое возмездіе слишкомъ велико для перевода, и что надобно подождать возвращенія Г. Дюма изъ Флоренціи, для личныхъ съ нимъ переговоровъ. Доманжъ, недовольный такимъ отвѣтомъ, пошелъ съ Гамлетомъ въ главный Французскій Театръ, и возобновилъ пріятное предложеніе о *возмездіи* Г. Бюлозу. Здѣсь ему обѣщали *возмездіе* послѣ прочтенія піесы; но Доманжъ, имѣвшій свои причины получить *возмездіе* прежде, хотѣлъ написать объ

этомъ своему знаменитому клиенту. Новое препятствіе; надобно дожидаться Г. Дюма.

По приѣздѣ, Дюма является съ піесой, и опять возникаетъ затрудненіе.

Порода актеровъ раздражительная, *gens irritabile*. Добрый Лижье вообразилъ, что роль Гамлета назначена ему, и сильно сталъ хлопотать объ этомъ; съ другой стороны, не менѣе добрый Бовале утверждалъ, что съ физическими средствами Лижье нельзя передать блѣдное лице задумчиваго Гамлета, и что только онъ, Бовале, можетъ удовлетворительно выполнить сію роль, имъ хорошо изученную.

Партія Лижье, однако, взяла верхъ, и ему была назначена роль; но онъ скоро замѣтилъ, что Гамлетъ умираетъ на сценѣ, а извѣстно, что Лижье не умѣетъ умирать на сценѣ: онъ умираетъ дурно, безъ граціи. Перебѣните мнѣ развязку, сказалъ онъ Дюма: *я не умлю умирать*.

— Что же намъ дѣлать? вскричалъ уныло молодой сочинитель.

«Какъ что? Мы оживимъ Гамлета,» возразилъ остроумный Дюма.

— Развѣ можно?

«И очень: явится другъ, и грустный Гамлетъ долженъ сказать ему съ самоотверженіемъ: У меня есть другъ, будемъ жить!»

— Превосходно!

«Лижье, довольны ли вы?»

— вполне доволенъ, да публика-то какъ приметъ?

«Ну, это другое дѣло.»

— Подумайте, М....; я ѣду во Флоренцію.

М.... подумалъ и выдумалъ слѣдующее: «Привидѣніе должно сказать Гамлету: Живи и страдай!»

Это было гораздо лучше.

— Лижье, довольны ли вы?

«Да, это хорошо! Я очень хочу *жить*, но *страдать* не желаю. Придумайте что нибудь другое.»

Пока Лижье и Дюма спорили о Гамлетѣ, Бовале поручилъ переводъ другому автору, который назначилъ ему главную роль. Пьесу скоро будутъ давать.

СТРАННЫЙ СПЕКТАКЛЬ.

Къ числу самыхъ оригинальныхъ, небывалыхъ спектаклей, конечно, должно отнести представленіе пьесы: *Медвѣдь и Паша* — въ Бисетрѣ, домъ сумасшедшихъ, близъ Парижа! Актеры, хористы, фигуранты, танцовщики, музыканты, зрители, за исключеніемъ малаго числа приглашенныхъ, всѣ были несчастные сумасшедшіе. Представленіе отличалось поразительною истиною, и этотъ новый способъ леченія умопомѣшательства обѣщаетъ благотворныя слѣдствія. Страдальцы душевными недугами уже исполняли хоры изъ оперъ и обѣди, но до сихъ поръ еще не испытывали надъ ними исполненія собственно театральнаго пьесъ.

Въ Бисетрѣ, какъ и вездѣ, *Медвѣдь и Паша* имѣлъ огромный успѣхъ. Актеры сыграли водевилъ живо, весело, съ комизмомъ; зрители показали, съ своей стороны, здравое сужденіе, скромность, надлежащую оцѣнку. Но когда завѣса опустилась, вмѣстѣ съ комедіею исчезло обаяніе, исчезли здравый смыслъ и разсудокъ: люди, за минуту веселые, беззаботные, превратились въ бессмысленныхъ; походка ихъ сдѣлалась неправильною; глаза помутнились, улыбка выражала глупость. Съ выходомъ изъ театра, гдѣ они наслаждались умственными удовольствіями, страдальцы лишились воспоминанія, забыли свою духовную жизнь. Мрачные, безмолвные, проходили они по обширному двору, не обращая вниманія на густыя деревья, ихъ обѣнявшія, на голубое, ясное небо!... Съ поникшею головою, съ блуждающими глазами, разошлись они по своимъ печальнымъ каморкамъ.

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Чтобы понять значеніе импровизаціи, въ

полномъ ея объемѣ, надобно слышать Листа; надобно видѣть, когда онъ садится за фортепіано, спокойный, полный мысли; надобно наблюдать, какъ, въ продолженіе *анданте*, на лицѣ его показывается пріятная, усладительная меланхолія. Въ одну минуту, Листомъ овладѣваетъ вдохновеніе; онъ одушевляется, огонь блещитъ въ его глазахъ; взглядъ обращенъ къ небу; онъ отбрасываетъ бѣлокурые волосы, падающіе на лобъ; онъ дрожитъ какъ жрица на треножникѣ; онъ прыгаетъ, плачетъ на фортепіанѣ. Подобно электрической искрѣ, внутреннее состояніе души его переливается быстро, пламенно, въ пальцы: изъ его полуоткрытыхъ устъ излетаютъ идеальныя мелодіи, пѣсни, которыхъ никто не слышитъ, но которыя отдаются въ уединенномъ отголоскѣ мысли, а между тѣмъ съ клавишей льются, брызжутъ потоки гармоніи. Вотъ это импровизація!

Таковъ былъ Бетговенъ, великій артистъ, творецъ симфоній, когда, покидая свои глубокія занятія, онъ бросалъ перо и нотную бумагу, и удѣлялъ публикѣ нѣсколько капель изъ океана мыслей, толпившихся въ его душѣ.

Разъ, Бетговенъ объявилъ, что намѣренъ импровизировать въ Дрезденской театральной залѣ. Афиша, напечатанная за недѣлю, созвала многочисленныхъ слушателей изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ. Бетговенъ рѣдко появлялся въ публикѣ. Въ день концерта уже не было ни одного билета.

Насталъ часъ концерта. Зала была полна; но въ ней господствовало глубокое молчаніе, подобное молчанію природы передъ бурей: слушатели ждали бури Бетговена, который готовился потрясти всю массу публики.

Бетговенъ входитъ. Громъ рукоплесканий оглашаетъ залу. Артистъ садится за фортепіано. Все смолкло.

Бетговенъ былъ задумчивъ, началъ пре-

людию, и чело его еще болѣе нахмурилось. Другая прелюдія, та же грусть; третья, и все ничего! вдохновеніе не повиновалось! Въ себя, артистъ беретъ два аккорда, кланяется слушателямъ и уходитъ.

И въ этомъ заключался весь концертъ. Бетговенъ могъ бы сыграть одинъ изъ своихъ величественныхъ концертовъ; но онъ общалъ импровизировать, а добросовѣстность артиста страдала при одной мысли объ обманѣ.

Артиста поняли; слушатели проводили его громкими рукоплесканіями.

Въ другой странѣ, Бетговена за это зашикали бы.

ХЛАДНОКРОВНЫЙ ПОКЛОННИКЪ ШИЛЛЕРА.

Одинъ путешественникъ смотрѣлъ въ Штутгардскомъ Театрѣ какую-то піесу Шиллера. Послѣ перваго дѣйствія, онъ отправился въ буфетъ и увидѣлъ тамъ одного господина, котораго благородное, открытое лице такъ понравилось ему, что онъ безъ околѣчности завелъ съ нимъ разговоръ. Незвѣстный господинъ очень охотно отвѣчалъ на распросы путешественника, но раздался звонокъ, и чужестранецъ ушелъ въ театральную залу. По окончаніи дѣйствія, онъ возвратился въ буфетъ и увидѣлъ, что незвѣстный господинъ сидитъ на прежнемъ мѣстѣ.

«Вамъ удалось, сказалъ онъ своему ласковому собесѣднику, занять прежнее мѣсто.»

— Да я и не оставлялъ его, отвѣчалъ спрошенный!

«Какъ, не оставляли? Стало быть вы пропустили цѣлый актъ?... Пропустили цѣлый актъ такой превосходной піесы?»

— Да.

«Видно вамъ не нравится игра Морица, Дёринга, Маурера, Г-жи Штубенраухъ?»

— Напротивъ того, я удивляюсь ей, и даже друженъ со всѣми тѣми, кого вы назвали.

«Такъ, должно быть, вамъ не нравится піеса? Вы, вѣроятно, не поклонникъ великаго Шиллера?»

— Я не поклонникъ Шиллера?... Я, сударь, болѣе, чѣмъ поклонникъ его... и сынъ его!

Этотъ сынъ Шиллера, одинъ изъ самыхъ честныхъ и любезныхъ людей въ мірѣ; но онъ не наследовалъ даже сотой доли поэтического таланта отца своего. Онъ служитъ по лѣсной части.

НѢСКОЛЬКО ПОДРОБНОСТЕЙ О ДЮПРЕ.

Дюпре не принимаетъ рѣшительно никого въ тѣ дни, въ которые ему слѣдуетъ цѣть въ театрѣ. Въ эти дни, онъ обѣдаетъ никакъ не позже четырехъ часовъ, и тотчасъ послѣ обѣда отправляется въ свою ложу. Въ этой прелестной, увѣшанной портретами знаменитыхъ композиторовъ ложѣ, онъ проводитъ все время до спектакля; тамъ покоится онъ на роскошномъ, мягкомъ диванѣ; тамъ, порою, повторяетъ онъ ту или другуюнаиболѣе любимую публикою руладу; тамъ стоитъ великолѣпное фортепіано и какъ бы приглашаетъ его прелюдировать. Въ этой же ложѣ принимаетъ онъ, во время антрактовъ, своихъ поклонниковъ. Дюпре женатъ, отецъ семейства, избиратель, капитанъ національной гвардіи и присяжный.

НАИБОЛѢ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ НЫНѢ ПѢВЦЫ И ПѢВИЦЫ НА ИТАЛЯНСКИХЪ ТЕАТРАХЪ.

Пѣвцы, 1) *теноры*: Балданца, Базадона, Біакки, Боріони, Гуаско, Деваль, Донцелли, Иваповъ, Конти, Маріо, Манфреди, Моріани, Музихъ, Панкани, Пазини, Педраци, Поджи, Рейна, Роппа, Рубини, Сальви, Фергеръ, Фраскани и Цоболи. — *Басы*: Бадіали, Бальцаръ, де Бассини, Валли, Варези, Деривисъ, Колетти, Колини, Костантини, Косселли, Лаблашъ, Марини, Пальтриніери, Порто, Ронкони Себастьяно, Ронкони Джорджіо,

Санги, Салватори, Суперки, Тамбурини, Ферри, Ферлотти, Форназари и Шуккони. *Пьесы*: Абадіа, Ассандри, Боккабаданти, Гризи, Гольдбергъ, Деджіули, Деранкуръ, Лёве, Мальвани, Мараи, Марини, Миччіарелли, Новелло, Персіани, Пиксисъ, Ровци, Стреддиони, Тадолини, Тавола, Унгеръ, Фрецолини, Шау, Шюцъ, и Шоберлехперъ.

ЗИМА И ВЕСНА ВЪ ТЕАТРѢ.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ играли недавно піесу Эдуарда Девриента: *Freie Liebe*. Два первые акта прошли спокойно. Въ третьемъ дѣйствіи, гдѣ начинается маскарадъ, появились на сценѣ, между другими масками, *четыре времени года*. Весна, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, помѣстилась подлѣ почтенной, съдобородой Зимы, которая держала въ рукѣ какую-то лампачу съ зажженнымъ спиртомъ. Вдругъ борода съдовласой Зимы загорается. Испуганная Зима какъ-то неосторожно наклоняетъ свою лампу на сторону, и зажигаетъ Весну. Бѣлое кисейное платье Весны мгновенно воспламеняется, и бѣдная Весна бѣжитъ за кулисы. Прочіе артисты слѣдуютъ за нею. Въ театрѣ наступаетъ минута гробоваго, страшнаго молчанія; вслѣдъ затѣмъ раздается дикій, пронзительный крикъ, и на сцену выбѣгаетъ, будто въ помѣшательствѣ, вся въ огнѣ, несчастная артистка, платье которой зажгла Зима, пробѣгаетъ черезъ сцену и скрывается въ среднюю дверь. Занавѣсъ падаетъ. Зрители въ величайшемъ страхѣ. Воспоминаніе о Гамбургскомъ пожарѣ еще свѣжо у нихъ въ памяти. Дамы хотятъ уже оставить театръ. Многіе мужчины слѣдуютъ ихъ примѣру. Въ залѣ начинается суматоха. Въ эту минуту, на сцену выходитъ директоръ театра, блѣдный, какъ мертвецъ, и съ обожженной рукою; онъ говоритъ, что нѣтъ ни какой опасности, что даже, быть можетъ, будутъ продолжать піесу....

Зрители нѣсколько успокоились послѣ

этого извѣстія, но все таки не остались въ театрѣ. Артистка, пострадавшая при этомъ случаѣ, носитъ извѣстное артистическое имя: ее зовутъ Даннекеръ. Раны ея опасны, однако не смертельны.

Фасадъ Молиерова памятника почти совершенно конченъ. Фронтонъ, пилястры, капители, орнаменты нижней части отдѣланы.

— Одну изъ Парижскихъ улицъ намѣреваются назвать именемъ Керубини. Муниципальный совѣтъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе.

— Памятникъ Монпу, на кладбищѣ Отца Лашеза, также оконченъ: это весьма красивая пирамида изъ чернаго мрамора. Онъ сооруженъ стараніями вдовы молодого композитора.

— Изъ Берлина пишутъ, что тамъ готовилось музыкальное торжество, совершенно въ новомъ родѣ, именно концерты Русской роговой музыки, которые намѣривалось давать общество, состоящее изъ пятидесяти трехъ артистовъ (двадцать семь мужчинъ и двадцать шесть женщинъ), извѣстныхъ подлѣ фирмою *семейство Кантровичъ, изъ города Волковскаго*.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ Вѣнѣ умеръ авторъ многихъ либретто, секретарь одного изъ тамошнихъ театровъ, Георгъ Фридрихъ Трейтшке (Treitschke).

— Въ Моравіи умеръ извѣстный любитель музыки, Графъ Гаугвицъ. Онъ имѣлъ большой оркестръ, составленный изъ собственныхъ служителей; сверхъ того, по его распоряженію, были обучены пѣнію рабочіе одной суконной фабрики. Благодаря этимъ средствамъ, у него исполнялись произведенія Генделя, Гайдна, Баха, и др.

— Изъ Ашаффенбурга пишутъ: «28-го Юля скончался у насъ, въ кругу родныхъ своихъ, Клеменъ Брентано. Вотъ

нѣкоторыя о немъ подробности: Онъ родился въ 1778 году. Первые лѣта своей молодости онъ провелъ частію въ Кобленцѣ, частію во Франкфуртѣ на Майнѣ. Университетскія лекціи слушалъ онъ въ Галлѣ, Іенѣ и Геттингенѣ. Послѣ того онъ жилъ въ Кобленцѣ, въ Берлинѣ и въ Мюнхенѣ. Въ 1801 году, появился его романъ: *Godur*, въ которомъ проявился уже его великій поэтический талантъ; потомъ вышли: въ 1804 году, его комедія *Ponce de Leon*; съ 1806 по 1808 годъ, *des Knaben Wunderhorn*, изданный имъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ А. Ф. Арнимомъ; въ 1809, *der Goldfaden*; въ 1815, историко-романтическая драма: *Die Gründung Prags*; въ 1817, *Victoria und ihre Geschwister*;

потомъ многія, тамъ и сямъ разбросанныя прелестныя повѣсти; въ 1837, несравненная сказка: *Gokel, Hinkel und Gakeleja*. Слѣдуетъ также упомянуть о его замѣчательныхъ сочиненіяхъ. *Die barmherzigen Schwestern in Bezug auf Armen und Krankenpflege, nebst einem Bericht über das Bürgerhospital in Koblenz*, которое появилось въ 1831 году, и *Das bittere Leiden unsers Herrn, nach den Betrachtungen des A. K. Emmerich*, котораго выйдеть скоро седьмое изданіе.»

— Въ Гамбургѣ умеръ весьма замѣчательный артистъ и искусный передѣльватель Французскихъ водевилей на Нѣмецкіе нравы, Лебрёнъ (*Lebrun*).

IV. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Перестройка, предпринятая въ Михайловскомъ Театрѣ, заставила перемѣстить на пѣкоторое время Французскіе и Нѣмецкіе спектакли на Александринскій Театръ, и, въ слѣдствіе того, на сценѣ Большаго Театра раздался голосъ нашего трагика, В. А. Каратыгина, послѣ того, какъ съ 1836 года мы тамъ наслаждались лишь пѣніемъ и любовались танцами. Во Вторникъ, 25-го Августа, на Большомъ Театрѣ была представлена драма *Велисарій*, въ которой любители драматическаго искусства всегда съ новымъ восторгомъ привѣтствуютъ нашего единственнаго, несравненнаго трагика. — Въ тотъ же день давали, на Александринскомъ Театрѣ, новую комедію Скриба: *Oscar, ou Le magi qui trompe sa femme*, написанную имъ въ сотрудничествѣ съ Дюверье; на афишѣ, однако, было выставлено имя одного Скриба. Главныя роли въ этой піесѣ занимали Гг. Верне и Дюфуръ, и Г-жи Зюльма Ресту и Александръ Майеръ, и, по несчастію, не попали въ тотъ тонъ, въ которомъ должна быть играна эта комедія, такъ что она показалась публикѣ растянутою и слишкомъ запутанною. Г-жа Зюльма Ресту, являвшаяся въ тотъ вечеръ

въ третій разъ на здѣшнемъ театрѣ, сыграла многія сцены весьма порядочно, Г-жа Александръ Майеръ, въ роли служанки, была очень мила — какъ водевильная актриса.

— Г. Самойловъ, предпринимавшій нынѣшнимъ лѣтомъ поѣздку въ южныя губерніи, возвратился изъ отпуска, и уже опять игралъ въ нѣсколькихъ водевиляхъ.

— Въ Нѣмецкой Оперѣ играетъ теперь гостинныя роли пѣвецъ Шверинскаго Театра, Г. Гернике. Въ представленіи Феллемы публика занималась менѣе новоприбывшимъ пѣвцомъ, нежели Г-жею Гравертъ, которая играла роль Нѣмой, а Г-жу Андрѣянову она заставила повторить два раза уопительную Салтареллу.

П А Р И Ж Ъ.

Спектакли Парижскіе еще не приняла обычнаго хода, и причиною тому приписываютъ чрезвычайныя жары, непривлекающіе публики въ душныя театральныя залы. Новостей было въ послѣднее время такъ мало, что фельетонисты занимались изложеніемъ разныхъ теорій драматическаго искусства, а Жюль-Жаненъ — грозный судья *Journal des Débats*, написалъ, вмѣсто театральнаго фельетона, некрологическую статью о страстномъ лю-

битель древности и Среднихъ Вѣковъ, Г-нъ Дюсомраръ, извѣстномъ всѣмъ, бывшимъ въ Парижѣ и, безъ сомнѣнія, посѣщавшимъ его драгоценную коллекцію рѣдкостей и древностей, расположенную въ Hôtel de Clugny. Въ послѣднее время все такъ представлены слѣдующія новыя пьесы:

Théâtre de l'Opéra Comique. *Le Conseil des dix*, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, музыка Жирара, написавшаго музыку къ опереткѣ *les deux Voleurs*, которую у насъ играютъ съ музыкою Маурера. Сюжетъ этой оперы презабавный: женщины, чтобъ наказати вѣтренника, одѣваются въ костюмъ грозныхъ судей Венеціанскаго Судилища Десяти, и приговариваютъ вѣтренника къ ссылкѣ.

Théâtre de la Gaité. *Les Noceurs*, драма водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Это не страшная драма, а картина быта, веселаго и грустнаго, нижняго класса Парижскаго общества, и притомъ картина прудачная.

Théâtre du Palais-Royal. *L'Omelette fantastique*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи.— Фарсъ.

Théâtre des Variétés. *Farine et Charbon*, веселый водевилъ, приготовляющій публику къ пьесѣ *Arlequin*, въ которой на этомъ театрѣ играютъ Англійскіе клоуны, или комики.

— Программа будущаго сезона Италіанскаго Театра въ Парижѣ уже разослана къ его абонентамъ. Въ этой программѣ упомянуты Г-жи Гризи, Персіани, Брамбилла, Боргоньони, Моріани, Массимино, Вилломи, Амьго, Беллини и Гримальди; Гг. Маріо, Корелли, Мпратъ, Дапфюри, Малиано, Тамбурини, Лаблашь отецъ, Лаблашь сынъ и Морелли; о Рубини помни нѣтъ. Обѣщаютъ нѣсколько новыхъ оперъ.

— Знаменитый Дюпре аз аченъ профессоромъ пѣнія въ Парижской Музыкальной Консерваторіи.

ГЕРМАНИЯ.

Въ Вѣнѣ представлены, въ первый разъ: *Maria, Landgräfin von Thüringen, oder die Feuerprobe*, картина правовъ, въ пяти дѣйствіяхъ, Ф. Циглера. Дѣло здѣсь идетъ о женщинѣ, несправедливо обвиненной въ измѣнѣ супружескому долгу, а время, въ которое происходитъ дѣйствіе этой пьесы, Средніе Вѣка. Но особенно замѣчательнаго въ картинѣ правовъ Г. Циглера нѣтъ ничего, и она большаго успѣха не имѣла. Одну изъ ролей въ ней занималъ Кунстъ.

— Въ Вѣнѣ же, на одномъ изъ тамошнихъ театровъ, импровизировалъ, передъ представленіемъ балета, Г. Паскале Кательди. Это одинъ изъ лучшихъ Италіанскихъ импровизаторовъ нашего времени. Въ этотъ разъ, онъ импровизировалъ, между прочимъ, на слѣдующую заданную тему: «Байронъ на могилѣ Петрарки.»

— 18-го Августа былъ въ Вѣнѣ бенефисъ Бекмана. Бенефисъ этотъ считали послѣднимъ спектаклемъ, въ которомъ Бекманъ приметъ участіе, но сей послѣдній согласился еще разъ сыграть въ Вѣнѣ. Въ этотъ бенефисъ его были даны: четвертое дѣйствіе изъ *Reise auf gemeinschaftliche Kosten*; *Der Eckensteher Nante*; второе дѣйствіе изъ *Ereignisse im Riesengebirge* и второе же дѣйствіе изъ *Vater der Debütantin*. Во всемъ этомъ, Бекманъ, какъ и всегда, былъ удивительно хорошъ. Вообще во время нынѣшняго своего пребыванія въ Вѣнѣ, Бекманъ былъ любимцемъ, львомъ Берлинской публики.

— Карлъ Девриентъ играетъ теперь гостивыя роли въ Вѣнѣ. Для перваго своего гостиваго дебюта въ этомъ городѣ, онъ избралъ: *Die Schuld*, Мюльпера.

— Въ одной изъ предъидущихъ книжекъ Р. и П. мы уже извѣдали, что опера Донизетти, *La Fille du régiment* переведена на Нѣмецкій языкъ. Нынѣ пишутъ изъ Берлина, что она была тамъ представлена въ переводѣ, подъ слѣдующимъ названіемъ: *Marie, oder die Tochter der Regiments*. Она имѣла успѣхъ, но

успѣхъ этотъ преимущественно приписываютъ участію въ ней Г-жи Тучекъ.

— 4-го Августа, Г-жа Шарлота Гагнъ играла въ Бреславлѣ, въ послѣдній разъ (роль Маргариты, въ Фаустѣ). Въ Бреславлѣ не запомнятъ такого успѣха, какой имѣла она въ этотъ разъ.

— Изъ Гамбурга пишутъ: «Наши лучшіе оперные и драматическіе артисты возвратились. Мы ожидаемъ, для гостиныхъ ролей, Г-жъ Фишеръ-Ахтенъ и Стеклъ-Гейнефеттеръ; у насъ уже гостятъ теперь: Г. Абрешъ, Рихтеръ и Эзеръ. Брейгингъ пѣлъ только въ Робертъ и Цампъ.

— Г-жа Каролнна Бауеръ играла, въ

прошломъ мѣсяцѣ, гостинныя роли въ Кельнѣ. Для перваго появленія, она выбрала роль Юліи, въ *Ромео и Юлія*. Ее принимали въ этомъ городѣ съ величайшею благосклонностію. Теперь, вѣроятно, она уже возвратилась въ Дрезденъ. Г-жа Бауеръ не такъ давно лишилась вѣжно любимой ею матери, и послѣ этой горестной утраты, рѣшилась принадлежать искусству болѣе, чѣмъ когда нибудь.

— Г-жа Бишопъ и Г. Бокса дали недавно два концерта въ Карлсбадѣ. Тотъ и другая намѣреваются пробыть нѣскольکو времени въ Франценсбадѣ и Мариенбадѣ, а потомъ посѣтять Мюнхенъ, Аугсбургъ и Шюрнбергъ, отправиться въ Италію.

V. А Ф И Ш А.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ.

1842. Августъ.	Въ ка- комъ те- атрѣ.	Спектакли.	Посѣт- телей.	Каретъ.	Прочихъ экипажей.
16 Воскр.	Больш. Алекс.	Аскольдова могила, оп. Барабанщикъ, водев.; Полюбовная сдѣлка, ком.-вод.; Левъ Гурычъ Спичкинъ, ком.-вод.	309 480	22 7	13 13
17 Понед.	Алекс.	Заколдованный домъ, траг.; Дезертиръ, оп.-вод.	595	10	7
18 Вторн.	Больш. Алекс.	Морской разбойникъ, Бал. Le chevalier de Saint-George, dr.-vaud.; La mère et l'en- fant, com. vaud.	221 320	10 58	19 26
19 Среда.	Больш. Алекс.	Велизарій, оп. Olga, Melodrama; Des Unglücksvogels Bruder, Vaud.; Schü- ler-Schwänke, Vaud.	207 350	6 8	12 13
20 Четв.	Больш. Алекс.	Die Iudin, Op. L'auberge de Chantilly, vaud.; La lectrice, vaud.; Le sa- cher du soleil, vaud.	311 285	26 20	17 17
21 Пятн.	Алекс.	Костромскіе Лѣса, Русская быль; Полюбовная сдѣлка, ком.-вод.; Влюбленный рекрутъ, вод.	457	25	37
22 Субб.	Больш. Алекс.	Жизнь зѣ Царя, оп. La première ride, vaud.; La fille de Dominique, vaud.; Les deux voleurs, op.	311 320	40 65	20 32
25 Воскр.	Больш.	Гитана, бал.	315	45	20
24 Понед.	Больш. Алекс.	Капулетти и Монтеки, оп. Christina, Lustsp.; Olga, Melodrama	270 165	11 8	17 15
23 Вторн.	Больш. Алекс.	Велизарій, др. Oscar, ou le mari qui trompe sa femme, com Marie ou l'épave, dr.	254 430	12 60	17 25
26 Среда.	Больш. Алекс.	Fenella, Op. Дезертиръ, оп.-вод.; Неровный бракъ, др. Мельнич- ха въ Марли, вод.	315 165	29 3	16 11
27 Четв.	Больш. Алекс.	Луція де Ламермуръ, опера; Лиза и Колеъ, бал. Les mémoires du diable, vaud.	275 260	55 46	15 57
28 Пят.	Больш. Алекс.	Возстаніе въ Сераль, бал. Мать Испанка, драм. предст.; Семейныя дѣла, вод.	251 350	15 12	20 7
30 Воскр.	Больш.	Бронзовый конь, оп. (40 представленіе)	285	25	19
31 Пон.	Алекс. Больш.	Барабанщикъ, водев.; Покойная ночь, шутка-вод.; Иванъ Ивановичъ Недотрога, ком.-вод.; Макаръ Але- ксѣевичъ Губкинъ, оп. Lucrezia Borgia, Op.	585 258	6 20	11 15